

ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Столица ЗАПОЛЯРНОГО *края*

У городов, как и у людей, свои характеры, свои судьбы.

Мурманск по характеру капризен, своенравен. Никогда тут нельзя определенно знать, какая сегодня будет погода. Только что ярко, по-южному, светило солнце, и вот уж налетел с моря снежный «заряд»: все вокруг заволокло белесой пеленой. А через полчаса может начаться проливной дождь или все вокруг затянет туманом. Такая переменчивость погоды естественна. Круглый год не замерзает Кольский залив: сюда, в Заполярье, на шестьдесят девятый градус северной широты, достигают теплые струи Гольфстрима, рожденные в далеких субтропиках. Своеобразна и судьба этого самого северного незамерзающего порта. За год до Октябрьской революции строители новой железной дороги от Петрозаводска к Баренцову морю уложили последние рельсы на конечной станции Романов на Мурмане.

Жалким поселком бревенчатых изб, наскоро сколоченных бараков и железных сборных «чемоданов» был Мурманск сорок лет назад, после изгнания интервентов. А накануне Отечественной войны вдоль широких улиц тянулись кварталы каменных многоэтажных домов, всю долгую, двухмесячную полярную ночь ярко светили электрические фонари над городом и заливом.

Гитлеровские вояки, потерпев крах в своих попытках взять Мурманск молниеносным ударом, стремились затем уничтожить его бомбардировками с воздуха. Около трех четвертей всего жилого фонда города было разрушено к концу войны.

Послевоенный Мурманск по населению в полтора раза больше довоенного. А по культуре, благоустройству, внешнему облику нечего и сравнивать. Рядом с восстановленными кварталами выросли и новые, далеко раздвинув в стороны былую городскую черту.

Недаром зовут Мурманск океанской столицей заполярных рыбаков. Уже не только в Баренцово море, но в районы Исландии и Фарерских островов, в тропические и экваториальные воды Атлантики, в район мыса Доброй Надежды уходят отсюда на промысел рыболовецкие флотилии.

Морские транспорты под разными флагами мира приходят в Мурманск за апатитовым концентратом, который добывается неподалеку, в горах Хибин,— в еще более молодом городе Кировске.

В далекие рейсы к устьям Енисея, Лены, Колымы, к Тихому океану и островам Арктики каждое лето мурманские портовики снаряжают ледоколы и караваны грузовых судов.

С. МЕСЯЦЕВ

Мурманский рыбный порт.
Фото И. Гричера.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 6 (1703)
7 ФЕВРАЛЯ 1960
38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На первой странице обложки: Песенка.
Фото Елизаветы Игнатович.

На последней странице обложки: Зимний пейзаж.
Фото Л. Раскина.
С Всесоюзной выставки фотоискусства.

В январе 1960-го...

Окончился первый месяц второго года великого семилетия. С разных участков мирного фронта коммунистического строительства идут вести о новых успехах нашей индустрии.

Грузия. Вступил в строй первый агрегат крупнейшей в республике Ладжанурской гидроэлектростанции. В ближайшее время даст промышленный ток и второй агрегат.

На снимке: плотина Ладжанурской ГЭС.

Фото А. Горячева.

Киров. По всей стране расходятся отсюда мощные дизель-электрические железнодорожные краны — продукция Кировского машиностроительного завода имени 1-го Мая.

На снимке: члены бригады Е. А. Верещагина ведут сборку дизель-электрического железнодорожного крана «КДЭ-151».

Фото Майи Скурихиной.

Калинин. Сталелитейный и машиностроительный завод имени 1-го Мая выпустил очередную партию экскаваторов «Э-156» для сельского хозяйства.

На снимке: экскаваторы перед отправкой в колхозы и совхозы.

Фото Н. Чамова (ТАСС).

Близ Ульяновска — родины Владимира Ильича Ленина идет строительство крупного цементного завода.

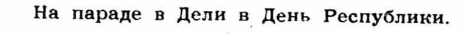
Фото И. Акуленко.

В этом номере:

Наш специальный корреспондент сообщает о дружеских встречах высоких советских гостей в Индии. ★ О румынском художнике Корнелиу Баба рассказывает писатель Б. Полевой. ★ Печатается первая часть очерка о мужественных советских людях, ищущих золото на Севере. ★ Цветная вкладка посвящена жизни колхоза в селе Калиновке. ★ О «Патетической оратории» Г. Свиридова, в которой зазвучало слово В. Маяковского.

МИЛЛИОНЫ ПРИВЕТСТВИЙ

На параде в Дели в День Республики.

Ник. ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

Часы на башне отсчитали пять размеренных ударов. Прошло еще несколько минут, и вдруг облик пестрых улиц Бомбея изменился как по волшебству. Все поголовно — в белых одеждах, и когда смотришь сверху, кажется, будто раскаленную улицу запорошил снег.

Это закончил работу трудовой Бомбей. Люди торопятся домой, на отдых. В этот предвечерний час многие устремляются на широкую набережную. Огромная подкова набережной упирается в Малабарский холм. Отсюда, снизу, видны на нем высокая мачта и развевающийся государственный флаг Советского Союза. Там, на вершине холма, живут почетные гости Бомбея — делегация Советской страны. Тесная толпа движется вдоль парапета.

Сейчас время отлива, и отступившее море обнажило черные скалы берега, о которые с шумом разбиваются волны. Море шумит, но не заглушает возбужденных человеческих голосов. Люди показывают на флаг, развевающийся на холме, и в чужеземной речи то и дело слышатся знакомые имена: Ворошилов, Козлов, Фурцева...

С Малабарского холма видна вся огромность этого чудесного города. Вдали дымят трубы многочисленных заводов и фабрик, вдоль кривой полосы берега белым рафинадом рассыпались многоэтажные дома, и рядом теплое, ласковое море без устали плещется у каменных берегов.

С морем связано развитие и процветание Бомбея, который и поныне остался главными морскими воротами Индии. История города — красноречивый пример разбойничьего хозяйничанья захватчиков на чужой земле. Сначала этот район захватили португальцы. Но когда португальская принцесса Екатерина Браганская выходила замуж за английского короля Карла II, Бомбей был преподнесен британской монархии в качестве приданого за коронованной невестой. Какое было дело королям до людей, исстари живущих на этой земле, которую они возделали своим трудом и поливали своим потом!

Одна из достопримечательностей Бомбея — знаменитые «Ворота Индии». Это огромная каменная арка с двумя крыльями — залами. Колонизаторы соорудили ее как символ своего грабительского проникновения внутрь страны. Но неумолимый ход истории сделал эти ворота и символом изгнания захватчиков. Через эти ворота ушел с индийской земли последний английский солдат.

Советских гостей пригласили в Бомбее посетить текстильную фабрику «Спринг-Миллз». Во время осмотра фабрики в ткацком цехе Е. А. Фурцева подошла к станку и взялась за работу. Она умело управляла машиной и вызвала горячие аплодисменты всех работниц цеха. В эту минуту многие из них воочию увидели, какие широкие дороги открыты для женщин в Стране Советов: бывшая ткачиха стала выдающимся государственным деятелем.

Бомбей — город больших контрастов, здесь будущее красноречиво и победоносно спорит с тяжелым прошлым. Как-то особенно зримо и ярко это ощутилось во время посещения центра атомных исследований.

Он расположен в отдаленном пригороде Бомбея — на острове Тромбей. Вереница машин с советскими гостями, миновав центральные улицы и площади, выехала за город. Показались участки земли, которые индийские крестьяне еще обрабатывали деревянной сохой и допотопной мотыгой, как тысячу лет назад. Но вот дорога сделала поворот, машины остановились у здания, открылась широкая дверь, и гости оказались в лаборатории, где пытливый человеческий разум проникает в сокровенные тайны природы.

Советскую делегацию горячо приветствовал доктор Хоми Баба, директор национального центра атомных исследований.

В 1955 году доктор Баба был председателем первой Международной научно-технической конференции по мирному использованию атомной энергии, которая работала в Женеве. В то время я обратился к нему с просьбой поделиться своими мыслями с советскими читателями о будущем атомной энергетики и о развитии этой отрасли науки в Индии.

— Атом должен быть поставлен на службу мира и блага человечества,— говорил тогда ученый.— Перед Индией стоят огромные проблемы в развитии своей экономики. Мы стремимся к тому, чтобы могучая энергия расщепленного атома стала источником экономического подъема и развития страны. И мы учимся этому у наших друзей.

Развернув перед гостями схемы и чертежи, доктор Баба говорит о том, что в Бомбее есть целый научный городок и завод по производству расщепляющихся материалов. Тысяча научных сотрудников уже работает в исследовательском центре, а вскоре их число, возможно, удвоится.

Беседа сопровождалась тихим жужжанием работавшего атомного реактора. Этот первый реактор, сооруженный под руководством доктора Баба, назван поэтическим именем «Апсара», что в переводе значит «Плавающая нимфа». В этом научном центре разработан собственный способ получения урана.

Здесь же, у реактора, завязывается оживленная беседа. Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов и

Премьер-министр Джавахарлал Неру в гостях у советской делегации.

депутат Верховного Совета СССР Е. А. Фурцева задают вопросы, интересуются подготовкой исследовательских кадров, обменом научной информацией.

Осмотрев завод, гости отправились туда, где на скалистом берегу под огромным, сверкающим белым металлом колпаком строится новый мощный реактор. Все рабочие и техники высыпали навстречу К. Е. Ворошилову.

Осмотрев стройку, Климент Ефремович сказал:

— Это символ будущего Индии и процветания славного индийского народа.

Индийским друзьям хочется показать гостям из Советского Союза как можно больше своих достижений. В официальной программе пребывания в Индии можно прочесть такой пункт: «11.00—11.15 — свободное время». Остальное время распределено по минутам: беседы, осмотр предприятий, учебных заведений.

Чтобы лучше ознакомиться с жизнью страны, делегация иногда делится на группы. Ф. Р. Козлов из Бомбея отправился в Камбей, где советские специалисты вместе с индийскими коллегами открыли запасы нефти. Е. А. Фурцева поехала на встречу с женщинами Бомбея. К. Е. Ворошилов осмотрел Аарскую молочную колонию.

Эта ферма имеет примечательную историю. По улицам Бомбея, как и других городов Индии, издревле бродило множество коров, которые считались священными животными. Они мешали растущему уличному движению и отнюдь не способствовали улучшению санитарного состояния улиц. Бомбейцы собрали всех бродячих коров и создали образцовую молочную ферму. Теперь коровы выполняют свою прямую миссию: они дают молоко детям бомбейских трудящихся, которое продается по удешевленной цене.

Климент Ефремович осмотрел ферму, где содержится 15 тысяч голов скота, отличный молочный завод, а затем на вершине холма в память о пребывании делегации посадил молодое хлебное дерево. Молодое деревце это появилось на зеленой площадке среди пышной тропической растительности. А неподалеку, здесь же, растет другое дерево. Оно уже глубоко пустило корни, и крона его разрослась до высоты второго этажа. Это миндальное дерево посадил здесь Никита Сергеевич Хрущев 24 ноября 1955 года.

Когда я фотографировал это дерево, подошел садовник.

— Не правда ли, мощное дерево? — сказал он.— Посмотрите, какая у него великолепная крона, как буйно оно разрослось. А ведь ему только четыре года! Этот миндаль посадил г-н Никита Хрущев. Я был здесь в то время и все видел. Это добрый знак, что дерево так хорошо растет. Я садовник и знаю характер деревьев. Это посажено с большой любовью, руками друга. Пусть оно растет так, как дружба наших народов!

Индийская кинематография стоит на втором месте в мире по количеству выпускаемых фильмов. Из трехсот примерно фильмов, которые ежегодно выпускает индийская кинопромышленность, значительная часть производится в Бомбее. Ассоциация кинорабсотников пригласила к себе в гости Е. А. Фурцеву. Над входом в павильон висит плакат, написанный по-русски: «Добро пожаловать!». А вся обширная площадь съемочного зала заставлена длиннейшими столами. На них таблички: «Режиссеры», «Сценаристы», «Продюсеры»; а больше всего табличек «Актеры». У ворот Е. А. Фурцеву встретили известные индийские артисты кино. Нарисовав на челе гостьи традиционный красный кружок и обсыпав розовыми лепестками, они повели ее в павильон.

— Свет! — раздался рабочий кинематографический приказ.

И тотчас же десятки ярких ламп залили светом обширный зал.

Вице-президент Ассоциации г-н Чандра показал гостье павильон, где только что шли съемки нового фильма. А затем предоставил Е. А. Фурцевой слово.

Екатерина Алексеевна Фурцева говорит о стародавних дружеских культурных связях между Индией и нашей страной, о том, какую огромную роль может сыграть самое массовое и любимое народом искусство — кино — для укрепления дружеских связей. Она говорит о том, что советские люди с удовольствием смотрят многие индийские фильмы, которые рассказывают о жизни народа.

Под высокими сводами павильона гремят аплодисменты.

Это была задушевная беседа с друзьями о крепнущих связях двух великих стран, об обмене культурными ценностями двух великих народов. Теплота и сердечность этого разговора глубоко взволновали всех присутствовавших в зале.

...Чудесен Мадрас — город, широко раскинувшийся под густым шатром тропической зелени, административный центр штата того же названия. Но исстари город считается столицей всей Южной Индии. Он славится своим прекрасным народным искусством, великолепными творениями древних зодчих, старинными храмами, равных которым нет во всей стране.

Здесь живут тамилы, темнокожие люди, любящие песни, танцы и труд. Этот край овеян древними легендами, здесь каждый камень воспет в народных балладах и старинных песнях.

Самое красивое место города — набережная. Она тянется вдоль моря много километров. Асфальтовая автострада окаймлена шеренгами пальм, магнолий, цветущих кустарников. А рядом — широкая полоса песчаного пляжа.

Золотой пляж зеленого города — любимое место отдыха мадрасцев. К вечеру сюда стекается множество мадрасцев посидеть на теплом песке, поговорить о делах, полюбоваться морем. Собравшись в кружок перед трепетным огнем закопченного светильника, люди тихо поют песню. И она чем-то похожа на рокот морского прибоя. Другие здесь же играют в какую-то занятную игру. Среди отдыхающих на песке горожан бродят крикливые продавцы ракушек и морских коньков, сластей, орехов, воздушных шариков, пищалок, погремушек. Здесь же, на берегу, сушат свои снасти рыбаки Бенгальского залива. На катамаранах — плотах из нескольких сучковатых бревен — они отважно выезжают на промысел за много миль от родного берега.

Не случайно поэтому, что именно набережная была выбрана местом встречи жителей Мадраса с делегацией Советского Союза в минувшее воскресенье. Задолго до начала митинга со всех концов города сюда потянулись толпы народа. У самой воды был сооружен высокий помост, украшенный цветами и флагами, а вокруг все пространство золотого берега заняли жители города. 250 тысяч человек собрались сюда на митинг дружбы.

Тысячи рук дружно захлопали, когда появились на берегу представители советского народа — Председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов, заместитель министра культуры СССР Н. Н. Данилов.

Мэр города Мадраса от имени горожан горячо приветствовал делегатов и преподнес им памятные подарки. К микрофону подошел К. Е. Ворошилов. Он передал сердечный привет индийскому народу от трудящихся Страны Советов. И снова загремели бурные овации в честь дружбы и братства двух великих народов...

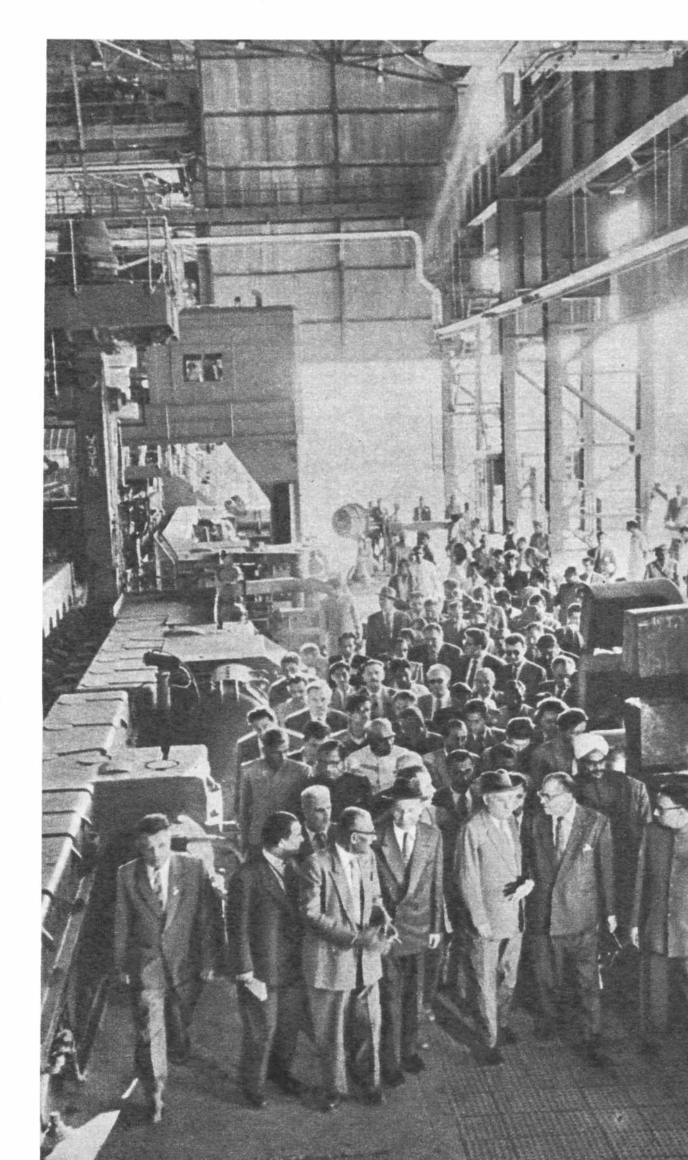
А на следующий день гостей из Страны Советов встречала Бенгалия, подарившая Индии и миру выдающихся писателей, художников, мыслителей, родина Рабиндраната Тагора.

Пребывание делегации Советского Союза в Индии подходит к концу. Сейчас, когда передаются эти строки, на стадионе Калькутты происходит массовый митинг дружбы великих народов. С большой речью выступил Ф. Р. Козлов. В ответ на его приветствие тысячи голубей взлетели в небо, как живой символ мира и дружбы между народами.

Калькутта, 2 февраля.

Представители женских организаций Мадраса встречают Е. А. Фурцеву.

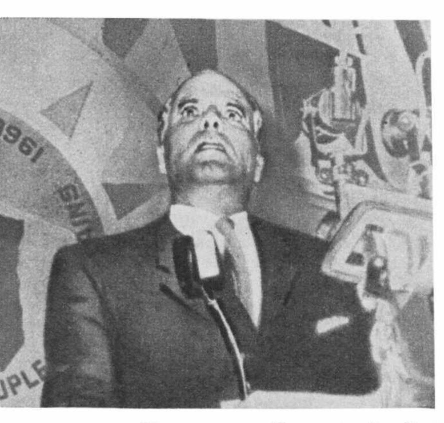

Ф. Р. Козлов и сопровождающие его лица в одном из цехов завода в Бхилаи.

Фото Я. Халипа.

Африка добьется свободы

Н. ПРОЖОГИН

Президент Тунисской Республики Хабиб Бургиба приветствует Вторую конференцию народов Африки.
Фото Ассошиэйтед Пресс.

Когда представитель Занзибара на Второй конференции народов Африки Хасан Нассер Мойо поднялся на трибуну, он попросил присутствующих вместе с ним повторить слово «Ухуру!». На языке его народа оно означает «Свобода!». Весь зал встал, и под его сводами прогремело троекратное: «Ухуру! Ухуру! Ухуру!»

После того, как смолкли аплодисменты, Хасан Нассер Мойо продолжал:

— Я вернусь к себе на родину, и люди спросят меня: «О чем говорили на конференции?» Я смогу сказать им: все делегаты говорили вместе со мной: «Ухуру!..»

На многих языках звучало в столице Туниса слово «Свобода!» в памятную последнюю неделю января. Это слово гневно и страстно произносили арабы Алжира; свободы требовали для своих африканских братьев делегаты молодых независимых государств Ганы и Гвинеи; о своей борьбе за свободу рассказывали представители народов Конго и Сомали, Анголы и Дагомеи, Мавритании и Ньясаленда — всех не перечислить!

Как неузнаваемо изменилось положение на африканском континенте со времени Первой конференции народов Африки в Аккре! В борьбу включились новые миллионы людей, и они добились многого.

Еще год назад огромная страна Конго, которая называлась-то не иначе, как в сочетании с прилагательным «Бельгийское», изображалась на Западе как «образцовая колония». Мощный взрыв народного гнева в Конго в январе прошлого года не оставил камня на камне от этой лицемерной легенды. Колонизаторам не удалось потопить в крови борьбу конголезцев за немедленную и безусловную независимость. В дни Второй конференции народов Африки из Брюсселя пришло сообщение о том, что правительство Бельгии вынуждено согласиться на провозглашение независимости Конго. Уже объявлено, что наряду с Камеруном и Конго в течение 1960 года будет провозглашена независимость Того, Сомали и Нигерии...

Но колонизаторы прибегают к бесчестным уловкам, чтобы фальсифицировать независимость рождающихся молодых африканских государств. Едва ли не наиболее распространенным приемом является «добровольное провозглашение» политической независимости, с тем, однако, чтобы было полностью сохранено экономическое господство иностранных монополий. С возмущением говорили делегаты конференции о ставленниках колонизаторов, вербуемых из числа местного населения некоторых африканских стран. Предавая интересы своих народов, эти отщепенцы становятся орудием проведения такой политики.

В ответ на создание единого фронта колонизаторов Африка сплачивает свои ряды. Не случайно проблема единства Африки была одним из самых жгучих вопросов повестки дня конференции.

Генеральный секретарь конференции, представитель гвинейского народа Абдулла Диалло говорил:

— Послушать колонизаторов — так получается, что вполне возможно франко-африканское или бельгийско-конголезское сообщество. Но по их теориям братство африканцев было бы... «расизмом», а африканское сообщество таило бы в себе «огромную опасность»... Колонизаторы пытаются внушить африканцам, — продолжал Диалло, — что человек Дагомеи ближе парижанину, чем своему брату, живущему в Лагосе, что алжирец якобы безразличен тунисцу и марокканцу.

В резолюции по алжирскому вопросу конференция потребовала, чтоб десятки тысяч африканских солдат, мобилизованных в африканскую армию, были выведены из Алжира. Одновременно была принята рекомендация — сформировать корпус африканских добровольцев для участия в освободительной войне алжирского народа.

В последние дни работы конференции по залу заседаний пронеслась весть: пришел человек, желающий стать первым волонтером этого африканского корпуса добровольцев. После окончания конференции делегаты, гости, многочисленные журналисты окружили молодого чернокожего человека. Он оказался уроженцем Берега Слоновой Кости, по имени Диаките. Мобилизованный во французскую армию и доставленный в Алжир, он не захотел сражаться против народа, борющегося за ту же самую свободу, о которой мечтают его соотечественники...

Вторая конференция народов Африки наглядно показала, что времена, когда колонизаторы могли по собственному усмотрению кроить и перекраивать карту Африки, безнаказанно натравливать африканские народы друг на друга, уходят в безвозвратное прошлое. Залог тому — неизмеримо возросшая политическая зрелость народов Африки. Она нашла свое воплощение в таких решениях конференции, как резолюции о единстве Африки, о единстве африканского профсоюзного движения, в разработке предложений о сотрудничестве независимых стран Африки в деле развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта, образования.

...Подведены итоги героической борьбы, намечены пути, ведущие к окончательной победе над колониализмом. Председатель объявляет Вторую конференцию народов Африки закрытой. Но еще долго не расходятся делегаты.

Делегация Ганы запевает свою боевую песню:

Во имя великой Африки
Всегда — вперед,
Никогда — назад,
Победа будет за нами!

Вслед за ними поют песни борьбы делегаты других стран.

Присутствующие в зале, аплодируя, скандируют: «Аф-ри-ка! Аф-ри-ка!» Кто-то снова восклицает: «Ухуру!» И уже все делегаты подхватили этот ставший здесь родным для всех клич Занзибара.

Африка требует свободы, борется за нее. Она ее добьется!

Тунис.

Делегаты конференции приняли участие в мощной демонстрации жителей столицы Туниса против испытания Францией атомной бомбы в Сахаре.

Губернатор штата Нью-Джерси Роберт Мейнер (справа) угощает главу советской делегации государственных деятелей Д. С. Полянского.

Советские гости посетили предприятия электро-газовой компании в Риджфилде, штат Нью-Джерси.
Фото Ассошиэйтед Пресс.

С МИССИЕЙ ДОБРОЙ ВОЛИ

— Мы приехали в вашу замечательную страну с миссией доброй воли, — сказал в Нью-Йорке Председатель Совета Министров РСФСР Д. С. Полянский, глава делегации советских государственных деятелей, находящейся сейчас на американской земле. Советская делегация прибыла в США по приглашению Исполнительного комитета конференции губернаторов штатов США в ответ на посещение нашей страны группой американских губернаторов.

У гостей из Советской страны было уже много встреч с государственными и общественными деятелями Соединенных Штатов и с простыми американцами. Есть одна общая черта в этих встречах — они проходят в дружественной атмосфере, и разговоры, которые ведутся между советскими делегатами и американцами, всегда откровенны. Новый этап, который наступил в советско-американских отношениях после визита в США Н. С. Хрущева, открывает большие возможности для развития контактов между двумя крупнейшими государствами мира. Об этих возможностях говорил в своем выступлении на обеде в Нью-Йорке Д. С. Полянский.

— Мирное сосуществование и мирное соревнование не исключают, а, наоборот, предполагают активное сотрудничество, обмен опытом, широкие экономические, культурные и научные связи. За соревнование в сокращении армий и вооружения, за успехи в производстве материальных и духовных благ для народа! К этому призывают вас советские люди, — так заявил Д. С. Полянский, обращаясь к американцам.

Этот призыв находит отклик в США. Во время визита американцы не раз высказывали суждения, что лучше соревноваться в хлебосольстве, чем в гонке вооружений.

Визит советских государственных деятелей в США поможет американцам еще лучше понять советских людей, нашу миролюбивую политику, нашу готовность жить в мире и соревноваться с Соединенными Штатами Америки.

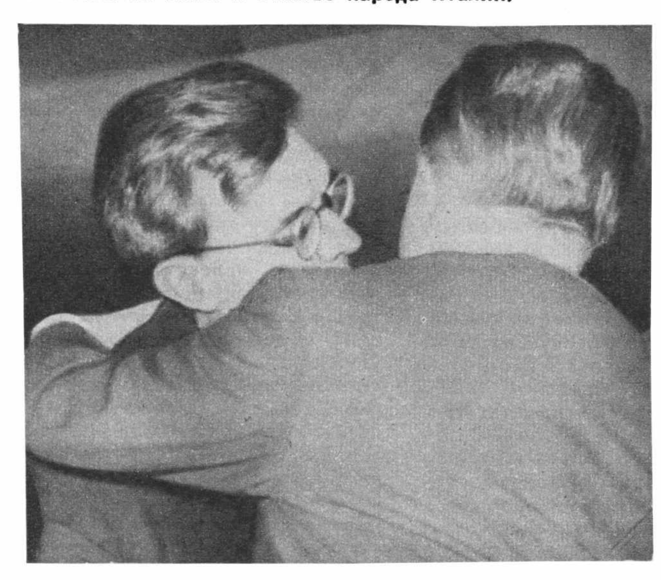
Пальмиро Тольятти.

СЪЕЗД ИТАЛЬЯНСКИХ КОММУНИСТОВ

Силу коммунистических идей, преданность коммунистов делу своего народа, доверие трудящихся к ним — все это показал IX съезд Итальянской коммунистической партии, состоявшийся в Риме. Тысяча сто делегатов съезда представляли около двух миллионов членов партии — мощный авангард рабочего движения.

На съезде с докладом «За демократическое обновление итальянского общества, за продвижение к социализму» выступил генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии товарищ Пальмиро Тольятти. «Мы являемся партией рабочего класса, народной и национальной партией...— заявил товарищ Тольятти.— Мы хотим стать еще сильнее, еще более твердыми в наших принципах, еще смелее в наших начинаниях и еще решительнее в наших действиях».

На съезде в числе представителей 29 братских коммунистических и рабочих партий присутствовала делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Президиума, секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым. М. А. Суслов огласил на съезде приветствие ЦК КПСС съезду итальянских коммунистов и пожелал итальянским коммунистам — нашим братьям по классу, по убеждениям, по целям борьбы — всяческих успехов в благородной деятельности на благо и счастье народа Италии.

После выступления М. А. Суслова на съезде итальянских коммунистов П. Тольятти и М. А. Суслов сердечно обнялись.
Фото передано газетой «Унита».

Редкие секунды

В то время, как в Швеции разыгрывалось первенство мира по скоростному бегу на коньках для женщин, а в Давосе (Швейцария) готовились к подобному же чемпионату мужчины, на высокогорном катке в Медео (близ Алма-Аты) разыгрывался традиционный приз Совета Министров Казахской ССР.

Хорошая морозная погода дала наконец возможность нашим конькобежцам выступить в полную силу. Несмотря на то, что сильнейшие наши скороходы находились за рубежом, в Медео были показаны великолепные результаты.

Так, алмаатинец Ю. Малышев пробежал 500 метров за 40,5 секунды. Студент Куйбышевского педагогического института малоизвестный спортсмен В. Родионов закончил дистанцию в 5 000 метров за 8 минут 10,7 секунды. Отличный итог!

Исключительного успеха достигли бегуны на самую длинную дистанцию — 10 000 метров.

Как известно, рекорд конькобежного марафона — 16 минут 32,6 секунды — с 1952 года держит норвежец Ялмар Андерсен. В прошлом сезоне Н. Штельбаумс (Омск) улучшил результат норвежца больше чем на секунду.

Результат же, показанный на днях в Медео, можно назвать феноменальным. Владимир Шилыковский пробежал 10 000 метров за 16 минут 13,1 секунды; это почти на двадцать (!) секунд лучше рекорда Я. Андерсена.

Интересно, что и Н. Штельбаумс значительно превысил свой прошлогодний результат.

Согласно положению, ни прошлогодний результат Н. Штельбаумса, ни выдающиеся секунды В. Шилыковского не могут быть засчитаны как мировые рекорды, так как они были показаны не на международных состязаниях и не на национальных чемпионатах.

Успех советских скороходов говорит о том, что рекорд Я. Андерсена будет штурмоваться в самые ближайшие дни в Давосе и Скво Вэлли.

Чемпионка мира по скоростному бегу на коньках конструктор Верх-Исетского завода Валентина Стенина.
Фото А. Бочинина.

Валентина Стенина — чемпионка мира

Из норвежской столицы, где проходило первенство Европы по конькобежному спорту, я привез в шведский городок Эстерсунд письмо. Его очень ждала Валентина Стенина. Приятно ведь получить весточку от мужа.

«Тебе же везет на шведском льду, не правда ли, Валюша? Ты не бегала на нем медленно,— писал Борис.— Торопись и сейчас. Во всяком случае, медаль из менее ценного металла, чем серебро, не получай...»

А спустя несколько дней конструктор Верх-Исетского завода Валентина Стенина поднялась на самую высокую ступеньку пьедестала почета, завоевав медаль из самого благородного металла — золота. Над небольшим шведским городком послышались звуки советского гимна.

28 скороходок начали свой спор. Стоял сильный мороз, который редко посещает Швецию. Первые старты принесли сенсацию: в забеге на 500 метров выиграла «специалистка» дальних дистанций челябинская студентка Лидия Скобликова. Больше всех этим событием была обескуражена... сама победительница.

Вторую дистанцию — 1 500 метров — покорила Стенина. Ее итог — 2 минуты 37,6 секунды.

Рядом со мной на льду стояла черноглазая парижская продавщица Франсуаза Люка.

— Что за чудный результат! Секунды русской спортсменки — словно звезды в скандинавских сумерках,— простодушно удивилась она.

Воскресные газеты писали: первый день доказал абсолютное превосходство советских девушек. Пожалуй, они намерены превратить первенство мира в чисто внутреннее соревнование.

Думается, журналисты поторопились: их прогноз поспешили опровергнуть польские спортсменки, закончившие, как известно, «свои университеты» на нашем катке в Медео.

Метеором пронеслась на километровой дистанции учительница из прибалтийского города Эльблонга Хелена Пилейчик. Даже Рылова и Стенина вынуждены были ей уступить. Лишь самоотверженный бег рязанской спортсменки Клары Гусевой позволил отвоевать для нашей команды золотую медаль.

Другой сенсацией второго дня соревнований явилась неудача Лидии Скобликовой. Она уверенно лидировала после двух дистанций и вдруг во время бега на тысячу метров упала.

1955 год был праздником для конькобежцев Свердловска. Тогда их землячка Римма Жукова в финском городке Куопио была увенчана лавровым венком чемпионки мира. И вот, спустя пять лет, свердловчанка Валентина Стенина повторила ее триумф. Мировое первенство вновь получает прописку в столице Урала.

Серебряная медаль остается прошлогодней чемпионке мира, Тамаре Рыловой.

Буквально за пять минут до отъезда из гостеприимного Эстерсунда мне удалось взять последнее интервью у вице-президента Шведского конькобежного союза майора Берга фон Линде.

— Первая тройка советских конькобежек великолепна! — сказал он.— Сильная воля привела к победе Стенину. Жаль, что упала Скобликова. Вообще советские конькобежки доказали, что они могут отлично выступать на любом льду и в любую погоду.

Игорь МЕЛЬНИКОВ

Эстерсунд.

НАРОД ЯПОНИИ КОПИТ ГНЕВ

Фото Джэпен пресс.

19 января в Вашингтоне был подписан новый американо-японский договор «О взаимном сотрудничестве и безопасности».

После 1945 года, когда над Хиросимой и Нагасаки взметнулись два страшных грибовидных облака, в Японии появилась зловещая фигура генерала Макартура. Его усилия были направлены на то, чтобы превратить страну восходящего солнца в американскую казарму. Миллионы простых японцев после конца войны надеялись на мирную жизнь. Но на их глазах Япония превращалась в военную базу. В 1951 году правители Японии подписали сепаратный мирный договор. Тогда же был подписан и «договор безопасности». Этим договором, как цепью, Япония была прикована к военной американской колеснице.

Тело страны было опутано американской колючей проволокой. Точно пятнами проказы, страна покрылась предостерегающими надписями: «Запретная зона! Вход на территорию базы вооруженных сил США карается японским законом! Не фотографировать!»

Американское атомное оружие принесло смерть сотням тысяч японцев. Но в соответствии с «договором безопасности» оно снова появилось на японской земле.

Японцы хотят жить мирно. Поэтому с момента подписания «договора безопасности» растет народный гнев против соглашения, толкающего страну к катастрофе. Движение против «договора безопасности» стало небывало сильным в последнее время, когда стало известно, что премьер-министр Киси по желанию США согласен поставить свою подпись под новым вариантом этого договора.

Против пересмотра договора протестовал весь народ: рабочие, крестьяне, духовенство, интеллигенция.

Но премьер Киси предпочел слушать не гневный голос народа, а распоряжения из-за океана. Вопреки народной воле он отправился в Вашингтон. Ранним утром 16 января несколько тысяч полицейских запрудили улицы Токио. Премьера Киси охраняли от гнева народа. Однако глава японского правительства решил «на всякий случай» отправиться на аэродром не по главным улицам, а в объезд. Только после вмешательства военизированной полиции японский премьер-министр смог сесть в самолет.

В Вашингтоне Киси сделал все, что от него ждали. Он подписал новый договор.

Но последнее слово не за Киси. По Японии снова идут волны протестов и демонстраций: японцы не хотят жить связанными кабальным договором. Японский народ копит гнев против тех, кто торгует его страной, он хочет видеть свою страну мирной и счастливой. Горе тому, кто захочет испытать полную силу народного гнева!

На демонстрацию вышли японские горняки.

Призвана военизированная полиция, чтобы премьер-министр смог сесть в самолет.

Владимир Павлович Решетов.

ВСТАЕТ ХИМИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Г. КУЛИКОВСКАЯ

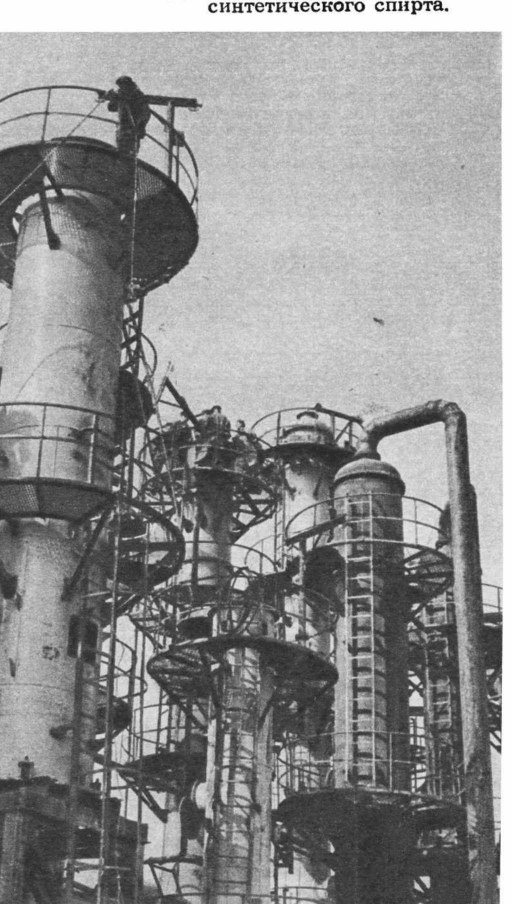
Фото М. Савина и Л. Крушинского.

Рисунки Ю. Черепанова.

Застыло изваянное в черном граните пламя. И кажется, что, окруженное ореолом, оно беззвучно тает в морозной мгле,— так точно скульптор запечатлел в камне факел метана. То нетленный памятник человеку, прославившему свой город. И недаром прах его покоится рядом с могилой великого Чернышевского. Имя этого человека — Борис Александрович Можаровский.

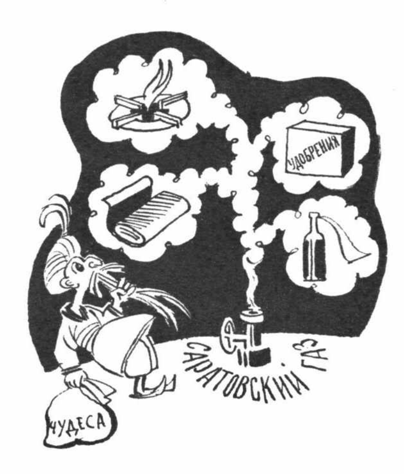
Еще шла война. Полыхали нефтебаки на волжском берегу. Плыли по реке, объятые огнем, баржи. А недалеко от Волги, от Саратова, в Елшанке, люди уже бурили скважины. Искали не нефть, а новое топливо — газ. И газ был найден. В те тяжкие дни в воздух впервые взметнулось мирное пламя. Это был огонь не разрушения, а созидания — факел саратовского метана. И чтобы зажегся он, трудились профессор Саратовского университета Б. А. Можаровский, геологи В. М. Сенюков, Л. А. Кузнецов, И. И. Енгуразов...

Строится вторая очередь завода синтетического спирта.

Дальнейшие события общеизвестны. Не только Саратов получил природный газ. Этот газ пришел и в столицу.

Однако открыватели его не могли тогда предвидеть замечательное будущее метана. Быть ему не только топливом. Он станет волокном и шерстью, удобрением и пластмассой, аммиаком и уксусной кислотой. А сам Саратов, город машиностроителей, преобразится в центр химии. Ныне три завода создаются в этих местах: один — на правом берегу Волги, в самом городе, другой — на левом берегу, в Энгельсе, а третий только-только поднимается над землей — в Балакове. О балаковском писать рано. Только через несколько лет он даст штапель и вискозный корд. Энгельсовский — пусковой. А часть саратовского уже действует. И оба они — в числе 271 первоочередной стройки страны. Начнем же знакомство с химией Среднего Поволжья в Саратове...

Химические парадоксы

Владимир Павлович Решетов и завод синтетического спирта — саратовцы. Значит, земляки. Когда завод начинал строиться, химика Решетова и в помине еще не было. Был тогда вчерашний воин Володя Решетов. Помогал искать нефть и в то же время завершал среднее образование, прерванное войной. Нет, не в вечерней школе, а в заочной: работа-то полевая.

Позже, когда за крекинг-заводом — последней городской отметкой Саратова — стали подниматься кварталы поселка «Синтезспирта», Володя поступил в Саратовский университет, на химфак. В 1956 году защитил диплом и получил направление на «Синтезспирт», в цех гидратации этилена, начальником смены. В это же лето прибыли в Саратов питомцы институтов и техникумов Ярославля и Сталинграда, Москвы и Горького. Участвовали в монтаже оборудования и готовили его к обкатке, принимали с соседнего нефтеперерабатывающего завода газ. В честь того события был зажжен факел.

Потом наступил торжественный день — день первого спирта...

— Мы все собрались у трубопровода, по которому должен был поступить готовый спирт из очистительной колонны, — вспоминает В. П. Решетов (к тому времени он уже стал начальником цеха).— На сгибе трубы сделали стеклянный «фонарик» для наблюдения. Стоим, волнуемся. Потом видим, лизнула трубу струя. Вот она расширилась, забила ровно и мощно, струя спирта, добытого из бросового ранее газа, получающегося при крекинге нефти. Закупоренный в стальные цистерны, синтетический спирт поехал затем по железным дорогам в Ефремов и Воронеж, на заводы синтетического каучука.

А к площадке возле трубы с «фонарем» хлынули экскурсанты. Открывают они краник, капает на ладонь прозрачная, как роса, влага.

— Хе, хе! — лукаво улыбаются гости. — Эфиром и еще кое-чем пахнет.

— И неспроста, — замечает Решетов. — Ездили как-то наши представители в Новокуйбышевск. Поднесли им хозяева в лаборатории угощение: отведайте, мол, продегустируйте и скажите, где пищевой, где синтетический. В затруднительном положении оказались дегустаторы. Так и перепутали. Спирт и спирт! Настоящий ректификат! Вот вам и парадоксы химии! Только что химики получали спирт из пищевого продукта, а теперь — из неживой природы, и по качеству не уступает пищевому.

Рассказывает обо всем этом уже не просто Володя, а Владимир Павлович, заместитель главного инженера завода по новой технике. Ведь этой новой техники здесь хоть отбавляй...

— Но самое интересное вон там, — показывает Решетов направо, туда, где возле высокой цилиндрической башни, обвитой лесенками и площадками, тлеет свеча второго факела. — Загляните! — советует он.

Мы отправляемся, ориентируясь на огонек, к башне.

Дитя завода

Кто называет его сердцем завода, а кто — дитятей. Но так как возились и возятся с ним не меньше, чем с малым ребенком, то справедливее его отнести к категории младенческой... Имя этого «дитяти» довольно мудреное: электрокрекинг. Обычно крекинг означает разложение нефти, а тут — природного газа метана. Слово «электро» говорит само за себя: под действием электричества.

Разместился электрокрекинг довольно привольно: в одном корпусе — собственной персоной, а в другом — в отраженном виде, представлен различными приборами. Однако электрокрекингу уже тесно. «Жилплощадь» его увеличится в несколько раз.

В торце первого корпуса две кабины без окон, кельи-темницы. На массивной двери предостерегающая, грозная надпись: «С огнем не входить. Взрывоопасно».

— Это во время работы, — поясняет кто-то. — А сейчас — пожалуйста.

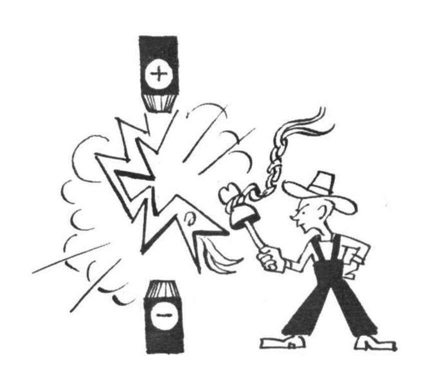
В кабине сверху вниз ступеньками спускается труба, и такая же идет снизу, навстречу. Посредине, на стыке, плоская круглая коробка. К ней присосались еще другие трубки, потоньше. Вот и все.

— Реактор. Сердце электрокрекинга, — объясняет инженер Сидоров.

Мы в замешательстве. Неужели это тот самый реактор, о котором столько было шума в газетах?! Такой маленький? Такой невзрачный? Конечно, интересно знать, как работает «малютка». На первый взгляд будто несложно. К верхней трубе подводится постоянный ток высокого напряжения. Между электродами возникает электрическая дуга. Под ее действием молекула природного газа дробится на осколки, а потом в результате сложных реакций образуется ацетилен — газ, удивительный по своей активности. Он жадно соединяется с другими веществами, и в итоге — пышный букет самых разных синтетических материалов. Мягкая и плотная материя, не уступающая коверкотам и сукнам, — один из них. Так вот во что — в синтетическую шерсть — нитрон — превратится природный саратовский газ, вызванный к жизни почти двадцать лет назад!

Но все это пока больше теоретически. А практически?

Сначала дуга совсем не хотела гореть. Ни одной минуты! Ни за что! Огненный шнур прерывался.

Казалось, в этого упрямца вселился злой дух. И равняться не на кого было, потому что электрокрекинг метана осуществляется в промышленных масштабах в нашей стране впервые.

Но дугу понемногу все же укрощают. Раньше уходили сутки только на то, чтобы ее разжечь, и горела она минуты: 10—20 минут — это считалось очень хорошо. Потом дуга стала гореть часы, а на

Анатолий Григорьевич Большаков.

ее «розжиг» уходило всего несколько минут. Сейчас реактор иногда работает пять — шесть суток без перерыва. А нужно, по проекту, 400 часов. Значит, впереди много работы, много непредвиденных трудностей...

Всю эту бурную биографию электрокрекинга пришлось выяснять у разных людей: инженеров, мастеров, аппаратчиков. Самого начальника цеха Дмитрия Ефимовича Гражданова в то время не оказалось на месте. Он был в Румынии. Знакомился с румынскими установками по электрокрекингу природного газа.

Пока электрокрекинг расправляет плечи и набирает силу, возводятся другие цеха второй очереди завода. Здесь ацетилен превратят в нитрил акриловой кислоты — НАК.

Дальше, к югу, лежит Чернуха. Речка не речка, а ручей. За Чернухой вспаханные поля. Но и туда придут через год — два строители. Там встанут корпуса третьей очереди завода. Но это еще в будущем. А нам пора заняться настоящим — перебраться на другой берег Волги, в Энгельс, и познакомиться с тем, как создается завод синтетического и искусственного шелка.

Капрон — есть!

В кабинете главного инженера завода А. Г. Большакова паркет, а в зале, в который он привел нас, — мозаика и метлахские плитки. На полу — ярчайший ультрамарин и нежнейшая пастель, темная охра и светло-розовый крем.

— Да что у вас тут будет?

Анатолий Григорьевич Большаков улыбается и смотрит вверх. Там продолговатые колпаки с белыми трубками — люминесцентный свет. А это что такое? Потолок не потолок, а ряды каких-то громадных металлических коробов.

— Вентиляция?

— Нет. В этом зале, да и во всех других, будет свой, индивидуальный климат, по заказу, — поясняет Большаков. — Здесь, например, довольно умеренный — плюс 18—19 градусов, влажность — 47—49 процентов. На него не должны влиять ни зима, ни лето и ни саратовский «дождичек». Так называют у нас частые пыльные бури. Вот почему для лучшей герметизации вместо окон во многих корпусах панели из прозрачного стеклянного кирпича.

Большаков рекомендует обратить внимание на стены. Они белые. Внизу — белые кафельные плитки, вверху — белая масляная краска.

— Каких же тепличных неженок разведете вы здесь, в этой оранжерее?

— Капроновую нить. Она действительно неженка. Исключительной требует заботы. И особенно наша. Тончайшая ведь будет! Пойдет на фабрики тонкого трикотажа, чулок-паутинок, чулок-эластик. Нить эта чувствительна ко всяким изменениям «погоды» необычайно. Стоит температуре немного подняться, и она поползет со шпуль. Вот мы и создаем ей «санаторные» условия.

— Как в Дарнице? Как в Клину? — спрашиваю я, имея в виду известные в стране заводы синтетического волокна.

— Похоже, но масштабы другие. Наш химический цех, например, разместился в огромном четырехэтажном корпусе, сделанном из сборного железобетона. В аппаратах непрерывной полимеризации белые хлопья капролактама превратятся в твердую, как слоновая кость, полиамидную смолу. Пять прядильных агрегатов, пять колоссов-уникумов, в три этажа каждый, превратят крошку полиамидной смолы в капроновую нить. С этой нитью еще ой-ой как придется повозиться! — И Большаков увлекает нас в другой зал.

Он так же велик — тут можно играть в футбол, — как и первый. А таких залов в этом главном текстильном корпусе несколько.

В левом крыле в ряд выстроились машины. Это агрегаты второй крутки новой конструкции. Их пришлось осваивать и на них же, как говорится, «давать план». Туговато приходится.

Только в конце января — не в срок! — Энгельсовский завод выдал первую капроновую нить, полученную из киевской крошки. Работают прядильные, крутильные и перемоточные машины. В эти дни вводится вся технологическая схема по производству капрона. Скоро пойдет своя нить и свое волокно.

— С опозданием? Ведь предполагалось к Новому году...

— Да, опоздали! — Большаков сразу мрачнеет. — Подвели да и подводят поставщики оборудования: из Моршанска, Ленинграда, Орла, Серпухова. С ними, поставщиками, еще долгий разговор: за первой очередью капрона — вторая. А потом и производство ацетатного шелка. Большим будет наш завод...

В муках, спорах и конфликтах, в напряженном труде, в преодолении всяких препятствий рождается на берегах Волги новый центр химической индустрии. Младенец подымается и становится на ноги. К семи годам ему шагать широко.

Напряженный старт

Сало ФЛОР,
специальный корреспондент «Огонька»

1960 год — олимпийский. В этом году состоится также шахматная олимпиада в Лейпциге.

Для любителей шахмат сезон начинается двумя «деликатесами»: чемпионатом СССР, который идет в Ленинграде, и матчем на первенство мира между М. Ботвинником и М. Талем.

Естественно, что эти два гроссмейстера не смогли принять участия в первенстве страны: М. Ботвинник дышит подмосковным воздухом, а М. Таль — воздухом Рижского взморья. Они готовятся к предстоящей борьбе, которую с нетерпением ждет весь шахматный мир. На расстоянии гроссмейстеры следят за чемпионатом страны. Их, вероятно, прежде всего интересуют теоретические итоги.

Не имеет возможности участвовать в ленинградском турнире и П. Керес. Но, кроме этой тройки, все наши знаменитости в свободное время гуляют по Невскому проспекту и наслаждаются красотой великого города.

XXVII чемпионат в Ленинграде не носит отборочного характера. Это как раз имеет свои преимущества, свою прелесть. Никто не стремится попасть ни в тройку, ни в пятерку, но все играют с большой охотой и как угодно «шахматной душе».

С самого старта развернулась острая спортивная борьба. Чувствуется, что каждый участник метит на... первое место.

Первенство СССР — важнейшее соревнование. Его результат ожидается с огромным интересом, ибо его рассматривают как своего рода неофициальное первенство мира.

У каждого участника есть свои интересы, свои заботы. Так, например, В. Смыслов после неудачи в Югославии очень нуждается в успехе. Если потеряны шансы на матч с М. Ботвинником, то хорошо «хотя бы» стать чемпионом СССР. Между тем еще не доказано, что труднее завоевать!

На старте В. Смыслову приходится очень туго. В пяти турах экс-чемпион мира еще ни разу не насладился радостью победы и четырежды с трудом добивался ничейного исхода. Все еще чувствуется кризис в творчестве В. Смыслова. В чем он выражается? Думается, что экс-чемпион потерял уверенность — неприятная штука для шахматиста. Поклонники большого таланта В. Смыслова надеются, что он разыграется и покажет настоящую смысловскую игру.

Если прислушиваться к голосу болельщиков, то первое место в Ленинграде должен взять их земляк Б. Спасский. Он много раз был близок к победе, и в то же время он единственный из наших ведущих гроссмейстеров, у которого нет золотой медали чемпиона страны. Пора! Если Спасскому удалось недавно в рижском турнире обойти «самого Таля» на два с половиной очка, то шансы ленинградца в нынешнем чемпионате велики.

Но вопреки всем прогнозам, расчетам, расписаниям Спасский на старте неожиданно потерпел поражение от бакинца В. Багирова, которого называют «заместителем Кереса», потому что он стал участником чемпионата после того, как выяснилось, что П. Керес играть на первенстве страны не будет.

В. Багиров в «порыве радости» победил Б. Спасского!

Поражение испортило Спасскому настроение только на один вечер. Со свойственным ему спокойствием он теперь «набирает скорость».

Ю. Авербах в Югославии присматривался к игре претендентов. Теперь он хочет применить теоретические знания на практике. Е. Геллер, В. Корчной, М. Тайманов, несомненно, скажут свое веское слово в борьбе за звание чемпиона. За кулисами Д. Бронштейна упрекают, что он уже «постарел». Говорят, что Д. Бронштейн в Ленинграде за шахматной доской хочет решительно опровергнуть эти слухи.

А как чемпион СССР Тигран Петросян? Ему нравится выступать в роли чемпиона. Тигран поэтому не возражает повторить свой прошлогодний успех. Он прилетел в Ленинград прямо после турнира в Бевервайке (Голландия), в котором с Б. Ларсеном поделил первое и второе места. Пожилой гроссмейстер не мог бы позволить себе подобные «танцы». Но в 30 лет Т. Петросян начал чемпионат после Бевервайка со свежими силами и показал мощный старт — четыре очка из пяти! Многообещающее начало!

Да не обидятся на меня мастера, которых я не упомянул! Среди участников первенства есть первоклассные, опытные мастера, «полугроссмейстеры» и дебютанты. Ни один из них не находка для любого гроссмейстера. В следующей корреспонденции я более подробно расскажу и о них.

Старт взят, все еще впереди!

XXVII чемпионат СССР по шахматам. За доской Б. Гургенидзе и Е. Геллер.
Фото Н. Науменкова (ТАСС).

Василий ЖУРАВЛЕВ

Забайкалье

САРИДАК

Просто, по-простому,
просто так
называют его попросту:
простак.

Для того ли
в молодой своей поре
зоотехникум окончил
в Бичуре?

Для того ли
парню выдали диплом,
чтоб кнутом
гонять отару за селом?..

Просто так!
А может, нет,
не просто так
называют его попросту:
простак?!

Некрасив, и неказист,
и ростом мал;
это правда —
с неба
звезд он не хватал.

Это правда —
шел с отарой впереди...
Но звезда-то
все ж сверкает на груди?

Все ж сияет
и не меркнет никогда
настоящая,
из золота, звезда...

Говорили парню люди
в Первомай:
— Саридак, теперь
колхоз весь принимай,—

он, раскрыв свой
сокровенный интерес,
от почета отказался
наотрез.

— Мне,— сказал,—
давай овец,
давай простор!..

Вот и ходит в чабанах
он до сих пор...

КУЛТУЧОК

Ветер, дующий от поселка Култук, байкальские рыбаки ласково называют «култучком».

На закате степь заснула
и заснули облака.
Свежим ветром потянуло
от поселка Култука.
Волны ровно завывают,
рассыпаясь на бегу.
И рыбачки запевают
на высоком берегу.

Чок-чок, култучок,
не зевай, култучок!
Давай, култучок,
помогай, култучок,
загоняй удачу в сети,
култучок!

Затуманились пригорки.
Бродят тени по кустам.
И уже бегут моторки
к облюбованным местам.
Даль ясна, и месяц светит
в наступившей кутерьме.
И, выбрасывая сети,
пляшет парень на корме.

Чок-чок, култучок,
не зевай, култучок!
Давай, култучок,
помогай, култучок,
загоняй удачу в сети,
култучок!

И за дальним перегоном
грузно в лодки до утра
рыбы падают со звоном,
словно слитки серебра.
Их так густо на рассвете
косяком издалека
прямо в сети гонит ветер
от поселка Култука.

Чок-чок, култучок,
не зевай, култучок!
Давай, култучок,
помогай, култучок,
загоняй удачу в сети,
култучок!

В ЗВЕРОСОВХОЗЕ

Антонине Трифоновой — работнице Забайкальского зверосовхоза.

Опять потянуло
тоской из урмана.
Заря догорела,
и нечего ждать!
Опять водопольем
ночного тумана
тайга затопила
Байданову падь.

Не видно ни гор,
ни каменьев клыкастых,
ни ламп в понизовье,
ни звезд в вышине.
Лишь черная полночь
на волнах гривастых
гарцует, как бáтор
на белом коне.

Лишь ветер с Байкала
доносит до слуха
гортанные вскрики
заспавшихся птиц.
Лишь брешут лисицы
протяжно и глухо —
семь тысяч
серебряно-черных
лисиц.

Туманная
будто бы стонет долина.
Звенит мандолина
из дальней тайги.
Но ты, Антонина,
стоишь, Антонина,
глядишь, Антонина,
не видя ни зги...

Таежные ночи —
тревожные ночи,
хотя ты и знаешь
в годину разлук:
твой батор
еще далеко не окончил
московского курса
сибирских наук.

Хотя ты и знаешь...
А все же, а все же,
встречая накрапистый
вкрадчивый дождь,
тоской ожидания
сердце тревожа,
стоишь, и грустишь,
и тоскуешь, и ждешь.

И все тебе кажется:
в волнах тумана,
от всех
от проезжих дорог
в стороне,
твой солнечный батор
с вершины Саяна
несется на белом
гривастом коне.

Несется, несется
к тебе из столицы
твой давний товарищ,
твой верный жених...
И сердцу не спится.
И лают лисицы —
семь тысяч роскошных
питомиц твоих.

ЧИМИТА

Чимите Григорьевне Шанюшкиной — заслуженной артистке Бурятской АССР.

В этот полдень,
когда в Подмосковье
даль недавней грозою промыта
и когда над лесистым затоном,
изогнувшись, склонилась лоза,
я опять вспоминаю, Чимита,
тебя вспоминаю, Чимита,
твои вспоминаю, Чимита,
ночные, Чимита, глаза.

Ты запела в горах, и как будто
зажурчали Икаты ключами.
Перекаты волны зашумели,
и на скалы поднялся марал.
И заря Баргузинской долины
вдруг зажглась
за твоими плечами,
и чабан, созывая отару,
в золотую дуду заиграл.

Всколыхнув забайкальское утро,
в тиши защуршали машины
по каленым каменьям нагорий
в твоем Курумканском краю.

Закричали кедровки. И кедры,
смиряя большие вершины,
наклонялись все ниже и ниже,
приветствуя песню твою.

А над озером чайки качались.
И утро гуляло по саду.
Кочевали летучие тучи.
Рождалась в распадках гроза.
И, не ведая с влагою сладу,
летел водопад к водопаду.
И во всем этом ты узнавалась,
твои узнавались глаза.

Узнавался твой голос звенящий,
манящий, желанный,
то тревожный, как горная Гáрга,
то спокойный, как ранний туман.
Может быть, потому я, Чимита,
вспоминая тебя, постоянно
вспоминаю твой песенный город,
твой подоблачный край —
Курумкан.

Край солнечный, Армения!

С выставки Мгера Абегяна

«Пользуются красками, но пишут чувством»,— говорил один из прославленных старых мастеров. Вот так и в живописи Абегяна: чувство художника переплавилось в чудесные краски. Сила и нежность в его искусстве. Здесь все на радость человеку: знойная зелень полей и садов, холодный, синий в жаркий день высокогорный Севан и величавый далекий Арарат, стынущий белым куполом в голубом покое неба...

На полотнах Абегяна горячие краски оттеняются прохладными, воздушными, и от этого еще ярче вспыхивает их солнечный жар. Вот «Скалистый берег Занги». Как красива своей светоносной яркостью гамма зеленых, желтых, фиолетовых, голубых тонов! Прохлада горной реки, полуденный зной накаленных скал и легкие облака, выплывающие в синий простор неба из-за сожженного солнцем косогора! Или другое полотно, пейзаж Бюракана,— картина, где так много говорит чувству залитый воздухом и светом простор, мягкость далей, теплая ласковость земли...

За последние годы много мастеров предстало перед нами, много запечатлелось в памяти полотен, скульптур, листов графики.

И еще один хороший художник, Мгер Абегян, стал новым добрым знакомым московских любителей искусства. Он поведал нам о родной прекрасной Армении.

В. ОЛЬШЕВСКИЙ

М. М. Абегян. СКАЛИСТЫЙ БЕРЕГ ЗАНГИ. 1957.

«Огонек».

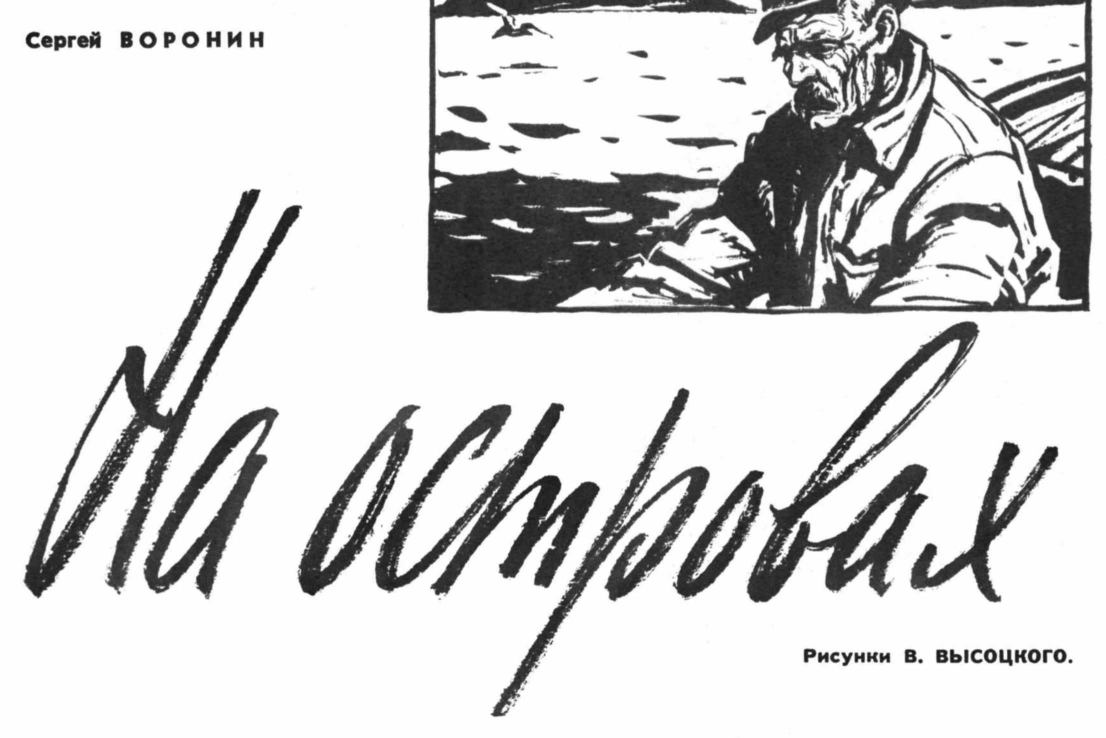
М. М. Абегян.
ПЕЙЗАЖ С БУЙВОЛОМ.
БЮРАКАН. 1956.

М. М. Абегян.
ПОРТРЕТ ЗОИ ПЕТРОСЯН. 1945.
Государственная картинная галерея Армении.

Рассказ

Сергей ВОРОНИН

На островах

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Острова видны с берега только в ясную погоду, тогда они кажутся ставшими на якорь военными судами — узкие полоски с неровными очертаниями поверху. Вблизи неровные очертания превращаются в сосны, чудом укоренившиеся в голых нагромождениях камней. Но большей частью островов не видно. Туманы, дожди, знойное марево заслоняют их. В такие дни об островах не думаешь. Нет их — и не надо. Но когда видишь, тянут они к себе. И если хоть раз побывал там, никогда не забудешь.

Игорь Николаевич бывал на островах. Как-то поехал туда с товарищем на моторке после трудного дня в лаборатории. Веселая была это прогулка! В протоках, меж островов, наловили много щук, наколотили уток и засветло вернулись домой. Прошло время — и снова потянуло, но товарищ уехал, а память об островах осталась, чтобы звать, манить. И вот он собрался. Ехал поездом, шел пешком и наконец добрался до устья речки, что впадает в озеро. На выходе этой речушки стоят пять — шесть домиков. В них живут рыбаки. Рядом с домами маячок. Это не тот маяк, который бросает луч в черную пучину моря. Нет, это просто огонек, одноглазый огонек, добродушно подмигивающий запоздавшим рыбакам: дескать, ничего, ребята, я тут... Следит за маячком бывший боцман Александр Макаров — человек молчаливый, с глубокими морщинами по всему лицу, хотя и не старый. Часть морщин у него лежит вертикально — это по щекам. У глаз они расходятся веером. Но веер — это уж слишком деликатное для него сравнение, поэтому лучше сказать: они похожи на окуневый верхний плавник. На лбу морщин немного, но они лежат прочно.

Макаров может делать все: разводить сад, ловить промыслово рыбу, бить зверя, смастерить лодку, может служить на судах и служил. Кроме того, он может сделать все, что бы ни заставили. Но он не любит, когда его заставляют. В охотку же Ладогу ведром вычерпает. Жену он любит редкой в наше время любовью — баловать не балует, даже ласковым словом не пригладит, но зато и не расстраивает. Живет она спокойно, за все десять лет, как поженились — а взял он ее вдовую, с девчонкой,—ни разу не всплакнула, ни разу не задумалась. Он был похож на маячок и как бы говорил Анне: «Ничего, все хорошо будет, я тут». И всегда освещал ее своими серыми, оттянутыми к вискам глазами ровно и спокойно.

Игорь Николаевич не знал его, но надеялся, что кто-нибудь из местных возьмется довести его до островов. В конце концов в деньгах всегда можно сойтись. Но Макаров о деньгах и слышать не захотел. Ему самому уже давно хотелось побывать на островах, да как-то все недосуг, а тут случай хороший, и согласился, наказав Анне собрать ему хлеб, лук и соль.

И вот они в лодке. Макаров гребет, Игорь Николаевич рулит. Он держит весло и смотрит по сторонам. Видимость отличная. Острова прямо-таки покоятся на воде! За кормой тихо журчит вода. Ни ветерка, ни шелеста. И на небе ни тучки. Нет, это не совсем так: над головой ни тучки, а в левом углу что-то мглистое... Но лучше не думать о неприятном... А Ладога хороша! Гладкая голубизна, только изредка покажется круглая, как в скафандре, голова тюленя или всплеснет, выйдя на солнце, стая лещей, а то просвистят над водой утки. Немного утомляет солнце. Оно отражается от воды, и приходится все время жмуриться. И Игорь Николаевич жмурится. Жмурится еще и потому, что хочется спать. Вода за кормой журчит и журчит, журчит и журчит... Макаров гребет и гребет, гребет и гребет. А вода журчит и журчит...

И он уснул, предварительно закрепив весло курсом на острова. И, как показалось ему, тут же проснулся. Но, видимо, прошло около часа, не меньше, потому что все небо было затянуто тучей, из которой падал крупный холодный дождь. По Ладоге шла волна. Острова были рядом, еще каких-нибудь сто ударов веслами — и путь окончен. Макаров как сидел полусогнувшись, так и продолжал сидеть и греб не по-спортивному — откидываясь всем телом, а по-рыбачьи — одними руками.

— Устали? — чувствуя некоторую вину перед ним, спросил Игорь Николаевич.

— От такого уставать нам не полагается...

Дождь пошел крупнее. Ветер подул с силой, подталкивая лодку в корму, и они быстро, как на парусе, вошли в проток и ткнулись в берег. Выскочили из лодки, спрятались под приземистой густой елью. Дождь с нее стекал, как с капустных листьев. Стоять под ней было хорошо. Кругом лил дождь, в протоке пузырилась вода, в сером тумане терялась Ладога, а под елью было сухо, как под крышей.

Но стоять и пережидать — дело скучное, и ладно, что, кроме снастей на щук, Макаров захватил удочки, к тому же в лодке оказалась консервная банка. На ее дне, сбившись в кучку, лежали черви. От нечего делать, пережидая дождь, закинули удочки. И сразу же поплавки скрылись. Макаров вытащил крупную плотвицу, на полкилограмма, не меньше. Такую же выхватил и Игорь Николаевич. И началось! Не успевали они забрасывать удочки, как поплавки тут же тонули и в воздухе сверкали зеркалами рыбины. Игорь Николаевич удивлялся, торопился и от этого ловил хуже, чем Макаров. Макаров же спокойно поправлял толстыми, плохо сгибавшимися пальцами червя, плевал на него, забрасывал и тут же тянул рыбину, опускал ее в оцинкованное ведро, где уже прыгало и металось более полутора десятка плотвиц. Игорь Николаевич косил на них глазом и досадовал, что не догадался предупредить Макарова, чтобы он клал свою рыбу отдельно. Теперь попробуй разберись, где его, а где чужая! Так они ловили до тех пор, пока были черви. Даже на кожицу, на объедки хватала плотва. Наверное, ветер загнал в проток с Ладоги большой косяк, только этим и можно объяснить такой сумасшедший клев. Но кончились черви — и как отрезало. Поплавки лежали неподвижно. Игорь Николаевич стал рыться под елью, отдирая мох, вороша тонкий слой слежавшихся иголок.

— Тут червей не бывает, — сказал Макаров, поглядывая на Ладогу.

Дождь перестал. Но ветер усилился. Теперь уже по всему простору с равномерными накатами, одна за другой, шли тяжелые волны, потряхивая белыми шапками. Макаров окинул взглядом мглистый простор, прислушался к глухому шуму воды. Снова пошел дождь. С ветром. И все помутнело, только хорошо, четко был виден небольшой круг взъерошенной воды. А за ним мгла, и оттуда, как из ничего, беспрерывно накатывались в этот круг волны, качали лодку и шлепали по берегу.

— Надо обратно,— сказал Макаров.

— А может, переждем?

— Пережидать придется до утра. Не меньше. Поехали.

Игорь Николаевич, опасливо поглядывая на волны, достал из рюкзака плащ, накинул капюшон и сел на корму. Того берега, куда надо было плыть, не было видно. Да и никакого берега не было видно, и Игорь Николаевич не знал, куда править.

— Положьте весло. Я один управлюсь.

Игорь Николаевич послушался. И тут же ухватился за борта лодки. Началась качка. Лодка отошла от острова, и ее тут же подкинуло. С разгона волна налетела на лодку, тряхнула ее и выплеснула на днище ведра полтора воды. Правый рукав у Макарова стал мокрым, хотя он и до этого от дождя уже намок. Макаров покосился на волны и выровнял лодку. Теперь уже волны не наталкивались на борт, они только скользили по нему от удара по носу. Так шли около получаса. Остров уже давно скрылся. И теперь, куда бы ни смотрел Игорь Николаевич, всюду была серая непробиваемая завеса. Лодку опять качало, опять налетала на нее бортовая волна. Снова на днище выплеснуло ведра полтора. Игорь Николаевич быстро взглянул на Макарова. Тот сидел, низко опустив голову. Он был весь мокрый. По вертикальным морщинам, как по желобам, стекала вода. И тут впервые на Игоря Николаевича напал страх, и стало совершенно ясно, что если только лодка опрокинется, то кричи не кричи, никто не услышит. Да и вообще никто и костей не найдет.

— Послушайте, на кой черт мы поехали? Надо было переждать!

Макаров ничего не ответил, даже не посмотрел на него. Все так же сидел, низко опустив голову.

— Вы что, не слышите?

Теперь Макаров, медленно подняв голову, посмотрел на него, но все равно не ответил.

«Странно», — подумал Игорь Николаевич и тут же заметил:

— А куда же исчезли чайки, утки? Почему никого нет? Прячутся. А нас черт понес в такой...

Но что «в такой», он не успел досказать: сверху, наискось, как изломанный, метнулся тонкокрылый «рыболов» и тут же пропал. «Какой бешеный ветер!» Снова волна перехлестнулась через борт. Но теперь уже нельзя было заметить, потемнел или нет рукав у Макарова, хотя его и окатило волной. «Это потому, что уже смеркается», — решил Игорь Николаевич и оглянулся. По-прежнему ничего не было видно. «Куда же мы плывем?»

— Послушайте, куда же мы плывем? — сердито спросил он Макарова.

— Домой.

— Но ведь нет же никаких ориентиров!

— А ветер?.. Садитесь на мое место.

«Переходить, меняться местами в лодке при такой погоде? Это по меньшей мере не-

осторожно», — это хотел сказать Игорь Николаевич, но не сказал, потому что Макаров уже шел к нему.

— Ну, быстрей, быстрей, — сказал он, — пока не развернуло!

А лодку уже разворачивало. Уже правый удар она получила, и целых три ведра плюхнуло на днище.

Игорь Николаевич, качаясь, пробежал вперед, сел и ухватился за весла. До этого дождь бил ему в спину, теперь начал хлестать в лицо. Грести было трудно. То одно, то другое весло зарывалось в воду или летело по воздуху.

— Э, да вы грести не умеете! — беззлобно сказал Макаров. — Давайте по местам. — И твердо, как по земле, пошел к средней банке.

— Осторожнее! — крикнул Игорь Николаевич, цепляясь руками за борт.

Макаров сел и начал грести. Дождь бил ему в лицо. Игорю Николаевичу — в спину. Лодку качало. Опять била бортовая волна. Всплески перепадали на днище. В ведре рыба уснула, только одна плотвица, забившаяся под мостки, шевелила хвостом.

— Далеко еще?

Макаров не ответил.

— Почему вы молчите?

Он опять ничего не ответил. Темнело. Теперь уже заметно было, как чернеет вода, как ниже придвинулось к Ладоге небо. Конечно, о солнце нечего и думать, оно уже закатилось, но и заката не видно, все закрыли облака... Но куда они плывут? Вполне возможно, что в Ладогу! Тут еще некстати вспомнилось, что ее глубина достигает ста метров...

— Послушайте, вы уверены, что мы правильно плывем?

— Скоро маячок засветит... Проверимся.

Теперь Игорь Николаевич с нетерпением стал ждать сигналов с берега. Но, как назло, темнеть перестало. Это верховой ветер разорвал облака, и на озеро пролился слабый свет. И дождь перестал. Только ветер стал еще сильнее. Он не то чтобы гнал, а прямотаки подстегивал волны, и они неслись, потряхивая белыми шапками. Стало холодно. Облака снова сомкнулись. Теперь уже начало темнеть быстро. И как только стемнело, правее от лодки мигнул красный огонек.

— Вон он, вон! — закричал Игорь Николаевич. — Правей надо, правей! — Он схватил весло и стал направлять нос лодки на огонек. И только выровнял, как тут же волной окатило по всему борту, и лодка накренилась так, что другой борт чуть не черпнул воды.

— Положь весло! — впервые крикнул Макаров.

Игорь Николаевич послушно положил. Нос лодки опять отвернулся от маячка. Теперь два страха толкались в сердце: один был рожден тем, как лодка чуть было не опрокинулась, другой — уходящим все правее огоньком маяка. И какой страх был сильнее, понять было трудно.

Макаров безостановочно греб, но лодка,

Доброе обещание

Когда я раскрыл первую страницу скромного сборника Вл. Цыбина, на меня сразу дохнуло полынной свежестью края семи казачьих рек, беркутов и раздольных степей, снеговыми вершинами, многокрасочной природой Семиречья, где «лебеди летуют у воды». Открылся великолепный простор могучих человеческих страстей, земля сильных характеров, радуга своеобычных легенд и песен. Меня перенес сюда бывший подпасок и шахтер, участник геологических партий и студент Литературного института, молодой автор книги. Вчитываясь в нее, я вспомнил тридцатые годы, когда впервые услышал сильный и звонкий голос другого певца Семиречья — талантливого до дерзости Павла Васильева.

Другие времена — другие темы, но тот же неповторимый колорит, тот же певучий говор, та же достоверность роднит земляков, поэтов двух поколений, беззаветно любящих свою суровую и милую землю.

> Что ж, слушай сердцем
> и глазами
> слепую поступь трав
> весной,
> ведь сердце,
> как трава, корнями
> навеки связано с землей.

Альпиниста, равно как поэта, всю жизнь неодолимо влечет восхождение к неведомым вершинам. Цыбину присуща преемственность, однако подчас он совершает свое восхождение и по известным уже тропам; в этих случаях достижения его, понятно, менее разительны. Неспроста столь близки «Август» Вл. Цыбина и «Август» П. Васильева, а еще больше «Бабье лето» первого и «Лето» второго.

Французский романтик Альфред Мюссе говорил: «Я пью из маленького стакана, но этот стакан мой». Главное, чтобы был свой «стакан». У Цыбина такой «стакан» есть, но пьет он именно из него не всегда. И это понятно: молодому поэту не так просто преодолеть гипнотическую силу другого своеобразного таланта.

Я погрешил бы против правды, если б не отметил стихов, оправдавших первую заявку поэта. Таковы несколько затянутые в конце стихи «Охотничий беркут», «Забалхашье», «Таежное» с рядом поэтических находок, обнаруживающих пронзительное ощущение мира и смелость изображения. Разве плохо сказано:

> Теперь уже
> и сосны-перестарки
> расстегивают почки
> на коре...

И уже просто хорош прозрачной лепкой человеческих характеров цикл «Деревня Опочки», где запоминается образ «гармониста-забавы», невесты, выступающей с платочком, «как подбитое крыло», где «на платьях у них цветы холодают...».

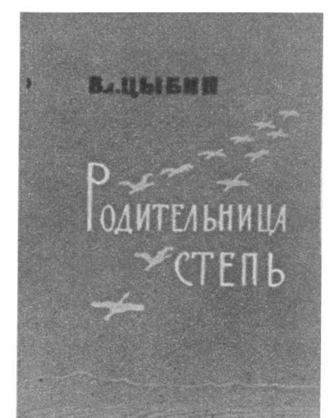
Не все равнозначно в стихах молодого автора. Многие стихи выиграли бы, если бы чутье чаще подсказывало Цыбину необходимость вовремя поставить последнюю точку. Его «нутряной» энергии иногда сопутствует невзыскательное отношение к слову. Отсюда такие небрежные рифмы, как «броню — седину», «зыбки — калитки», «тропинки — ложбинках»; отсюда такие смысловые огрехи, как «чтоб капля превратилась в гром», «ладони маминой руки»...

Радуясь знакомству с новым поэтом, нельзя не пожелать ему истинной пытливости в выборе материала, большей вдумчивости в работе. Поэзия может сделать духовный мир любителей стихов богаче, шире, многообразней.

Марк ШЕХТЕР

Вл. Цыбин. Родительница-степь. Лирические стихи. Изд-во «Молодая гвардия». Москва. 1959.

В АНТАРКТИКЕ — ДОМА!

Литература об Антарктике знает немало трагических страниц. Кому не памятны предсмертные строки англичанина Р. Скотта, который, достигнув Южного полюса, погиб на обратном пути от холода и голода; или запись в дневнике австралийца Д. Моусона: «Мы открыли проклятую страну. Мы нашли царство пурги и ветров».

Со времен Скотта и Моусона климат и природа Антарктики не изменились. Заглавие книги А. Трешникова «Закованный в лед» как бы подтверждает это. Да, по-прежнему закована в тысячелетние ледники «земля тайн» за Южным полярным кругом. По-прежнему суровы и дики ее обрывистые берега и высокогорные плато. Но главное, наиболее интересное в этой книге не описание природы, а деловой, местами даже суховатый отчет о труде и жизни советских людей, исследователей Антарктиды.

Герой Социалистического Труда океанограф А. Трешников возглавлял Вторую континентальную антарктическую экспедицию Академии наук СССР. Ему и его товарищам удалось проникнуть в глубь ледяного континента, чтобы создать станции для проведения Международного геофизического года.

Советские люди, не жалея сил, трудятся над освоением «белой целины» во имя науки и прогресса. Теперь они предстают перед читателем как постоянные, оседлые жители шестого материка. И в Антарктиде и в Арктике советские люди чувствуют себя как дома.

С. МОРОЗОВ

А. Ф. Трешников. Закованный в лед. Географгиз. Москва. 1959.

казалось, стояла на месте. По крайней мере маячок не приближался. Волны все время налетали на левый борт. Лодка качалась, иной раз черпала воду. И всему этому не было конца. «Ведь так же можно утонуть! — чувствуя, как поджимает сердце, подумал Игорь Николаевич.— Да, да, утонешь — и все!» Он видел в темноте черный контур фигуры Макарова, но даже не подумал о том, что и тот может о чем-то сожалеть; нет, все опасное касалось только его, Игоря Николаевича! А дождь сечет... И маячок не приближается. Ну, конечно, они топчутся на одном месте! И что значат жалкие усилия Макарова, когда такая волна? И ветер... А дома ничего не знают. И черт дернул поехать на острова! Одно дело — на моторке. А тут... Лодку опять качнуло, и снова плюхнуло на днище ведра полтора воды.

— Надо было остаться на островах! — крикнул Игорь Николаевич и посмотрел на маячок. Он был совсем вправо.

Макаров ничего не ответил.

— Это же черт знает что!

И опять Макаров промолчал. Неожиданно ветер стал дуть в спину, и лодка быстро понеслась к маячку. «Вот это здорово! — радостно подумал Игорь Николаевич.— Значит, он специально забирался в Ладогу, шел против волны, а теперь волна гонит к берегу...»

— Мы идем к маячку! — крикнул он.

Макаров ничего не ответил. А маячок мигал, звал к себе, как бы говоря: «Ничего, ребята, я тут...» Одно время казалось, что лодка не приближается к нему, потому что он как был маленьким огоньком, таким и оставался, но потом — это получилось как-то быстро — вдруг стал отчетливее, а потом оказался совсем рядом. Зашуршали камыши. Это лодка врезалась в них и, не дойдя до берега, уткнулась в песок. Макаров выскочил, потянул ее на сухое. Игорь Николаевич быстро прошел в нос, спрыгнул на берег и помог Макарову.

Дождь не переставал. Ветер дул с подвывом. Волны лезли на берег. Но все это не имело значения. Игорь Николаевич с удовольствием прошелся по земле, вдавливая песок твердыми каблуками.

Макаров взял ведро с рыбой.

— Мешок есть?

— Да... конечно...— Игорь Николаевич достал из рюкзака пластикатовый мешок и подставил его.

Макаров вытряхнул в него всю рыбу из ведра, оставив себе только три штуки, и пошел к дому, позвякивая ведром. Игорь Николаевич влез в лодку, нашарил рукой застрявшую плотвицу и бросил ее в мешок. Догнал Макарова и зашагал за ним.

Теперь маячок был за их спинами. И они не видали, как он помигивал кому-то во тьме. Но зато навстречу им приближались теплые огни из окон.

— Черт, ну и погодка! — сказал Игорь Николаевич, чувствуя необходимость поговорить. Ему было легко и радостно.

Макаров ничего не ответил. У дома они остановились.

— Может, у меня заночуете?

— Нет-нет, спасибо!.. Благодарю вас за поездку,— сказал Игорь Николаевич и пожал твердую и толстую, как горбыль, руку Макарова. Все вежливо, все как надо...

До станции он шел быстро, с удовольствием разминая ноги. На душе было весело. «Как все хорошо кончилось! — думал он.— А ведь могло бы случиться так, что и не шагал бы сейчас... Вот ужас-то был бы!»

На вокзале, в теплом, уютном буфете, ярко освещенном электрическими лампами, Игорь Николаевич выпил стакан портвейна. От этого стало ему лучше. Потом подошел поезд. Игорь Николаевич сел, и когда поезд тронулся, то настроение у него было совсем отличное. Он сидел в купе и рассказывал двум женщинам и одному степенному, весьма солидному гражданину, как поехал на острова, как поднялся ветер, как шел дождь и стало темнеть, а ему надо было возвращаться и как это было опасно. Он ничего не прибавлял в отличие от других рыбаков. Говорил только правду. Его слушали, удивлялись, верили и смотрели как на человека, совершившего подвиг. О Макарове же ни слова не было сказано, как будто его никогда и не было.

Впрочем, для Макарова это не имело значения. Он пришел домой, поел и лег спать.

Все, что произошло с ним в этот день, было делом обычным. Грудь его мерно вздымалась и опускалась, большие, тяжелые руки спокойно лежали вдоль тела. Он просто устал, только и всего. Все же пришлось немало поработать. Ладога, она такая, она редко бывает спокойна.

Точность биографа

...Весть о Февральской революции 1848 года во Франции застала Тургенева в бельгийской столице. Ранним утром 26 февраля Тургенев, живший в гостинице, услышал, как наружная дверь распахнулась и кто-то зычно прокричал: «Франция стала республикой!» В тот же день писатель выехал во Францию.

Таков один эпизод из жизни Тургенева, подробно воспроизведенный в новой книге Н. Богословского, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей».

Задача биографа была не из легких; чтобы рассказать о большой жизни, полной труда, событий, встреч, переживаний и размышлений, в рамках сравнительно небольшой книги, надо не только свободно владеть обширным материалом, но уметь правильно им распорядиться. Задача эта решена успешно. Правда, книга не охватывает всей сложной проблематики тургеневского творчества, но таких целей автор популярной биографии и не преследовал. Н. Богословский как биограф прежде всего показывает, какое место занимали романы и повести в жизни их создателя, воскрешает общественную атмосферу, в которой они появлялись, и литературную борьбу, которая им сопутствовала.

Тургенев — писатель и человек — предстает перед нами на сложном и пестром фоне русской и европейской жизни 40—80-х годов прошлого века. Мы видим его в домашнем быту и в литературных кругах, на охоте и за рабочим столом, в редакции некрасовского «Современника» и среди виднейших французских писателей (известно, что многие из них, в том числе Золя и Мопассан, считали себя учениками русского романиста).

На протяжении всей книги внимательно прослеживаются взаимоотношения писателя и его современников: Белинского, Гоголя, Бакунина, Некрасова, Герцена, Л. Толстого. Тургенев был связан с лучшими деятелями русской культуры. Дружба и разногласия, единомыслие и вражда нередко чередовались в этих связях, и автор не обходит молчанием острых противоречий общественного и личного характера, порой резко отделявших Тургенева от его недавних друзей.

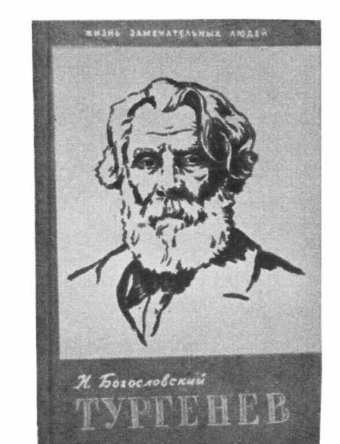
Много места уделено в книге и частным, семейным отношениям Тургенева. Читатель получает довольно полное представление о матери писателя, о драматической истории его дочери Полины Тургеневой, которая в детском возрасте была увезена из России и воспитывалась в семье Виардо. Что касается самой Виардо, то, пожалуй, ее роль в жизни писателя обрисована в книге недостаточно подробно.

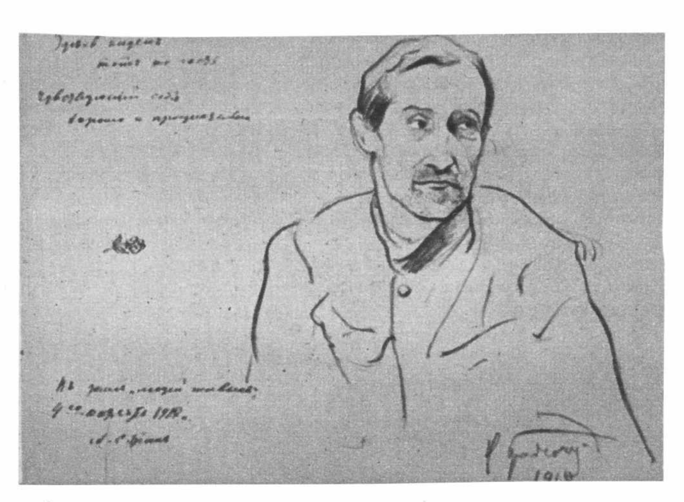
Несмотря на повествовательный тон и беллетризованный характер изложения, работа Н. Богословского строго документальна. Историческая достоверность и конкретность, внимание к деталям — один из главных принципов автора работы.

В этой книге, рассчитанной отнюдь не на специалистов, много свежих и новых наблюдений. Автор справедливо напоминает о большой роли Тургенева в организации некрасовского «Современника», об особой близости Тургенева к Белинскому в период их совместной жизни в Зальцбрунне, когда были почти одновременно написаны рассказ «Бурмистр» и «Письмо к Гоголю». Очень убедительно Н. Богословский сопоставил образы Елены из романа «Накануне» и героини романа «Что делать?» Чернышевского. Эти наблюдения обогащают наше представление о Тургеневе.

В. ЖДАНОВ

Н. Богословский. Тургенев. Изд-во «Молодая гвардия», Москва, 1959.

Александр Грин создавал книги о мечте и радости, стремился разбудить в людях творческую энергию. Он прославлял красоту мира, звал читателя к правде и справедливости; его лучшие произведения призывают к обновлению мира. В записных книжках, находящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, есть интересные высказывания Грина о своей работе. «Знаю,— пишет он, — что мое настоящее всегда будет звучать в сердцах людей. Да и сам я сколько радости испытал от своего творчества».

В 1918 году Грин часто бывал у Н. Г. Шебуева, в доме которого собирались писатели и художники. Там Грин и познакомился с Исааком Израилевичем Бродским. Однажды вечером Бродский нарисовал сразу два карандашных портрета Грина: Грина смеющегося и Грина спокойного, задумавшегося. На портрете Грин сделал надпись: «В доме людей живых» — и повыше вторую: «Здесь виден тот же гость, чувствующий себя хорошо и признательно».

Мы воспроизводим из альбома Н. Г. Шебуева один портрет А. Грина работы И. Бродского.

О. ВОРОНОВА

Петр **НИКИТИН**

Фото А. Гостева.

Утро золотит белую шапку Эльбруса. Убегая от ярких лучей, ночь нехотя сползает по скалистым склонам, прячется в расщелинах, растворяется в голубом тумане над горными речками. Воздух чист и прозрачен. Он бодрит и освежает, как нарзан, бьющий в скалах.

— Все же осень в горах — лучшее время... — восклицает мой спутник, очарованный суровой природой гор.

— А зима?.. — В голосе его товарища слышен вызов, желание поспорить.

— Чудесное время и зима, — миролюбиво соглашается первый.

— А весна, когда цветут скалы!..

— И того краше...

Оба от души смеются. Мои спутники страстно влюблены в природу Кабардино-Балкарии. Один с лицом горца, обветренным и мужественным, обожженным дыханием горных ветров, — председатель колхоза имени Ленина Аубекир Жашарбекович Мурачаев. Другой, суховатый, подтянутый, с озорным, веселым взглядом бывалого человека, с головой, поседевшей прежде времени, — советский работник Павел Андреевич Иванников. Оба коммунисты, оба депутаты Верховного Совета республики.

Сопровождает нас Муса Кайрбекович Кумыков. Он родился в этом балкарском селе Былым, стал председателем Угольного сельсовета. Кумыков припадает на ногу — последствие раны, полученной при защите Москвы.

Ему не терпится сразу показать все: и красоту дымчатых гор, окруживших родное село, и стремительный бег пенистых рек, и новые дома, куда переселились из землянок горцы, и познакомить с примечательными людьми, поведать о трудолюбии своих избирателей.

— Дома светлы, уютны... Огорожены штакетником... За ними посажены сады... Все дома глядят на улицу окнами... — В глуховатом голосе Кумыкова слышна гордость человека, одержавшего победу. Пусть маленькая, но настоящая победа над старыми обычаями и привычками. Ведь сколько горячих бесед проведено с Ибрагимом Джазаевым и Афошоковым Мамаем! Они выбирали типовой проект жилища сами, а дом хотели поставить по-старому: спиной на улицу — глухой стеной, без окон. «Деды по корану жили, огораживали очаг от чужого взгляда, и мы так хотим», — упрямо твердили они. На помощь Кумыкову приходил председатель артели Аубекир Мурачаев, человек непререкаемого авторитета, посвятивший свою жизнь родному колхозу.

Он спрашивал упрямцев: а хотят ли они жить по-прежнему в сырых землянках, без очагов, без электрического света, без зеленого дерева у порога дома, без детских яслей, без машины, что облегчает труд? Все это тоже кораном не предусмотрено! И старый коммунист получал ответ: «О, нет, уважаемый Аубекир Жашарбекович! Без этого мы жить уже не можем».

Молча смотрел на упрямцев председатель колхоза, думал, как еще глубоко сидят в сознании людей остатки старого, и говорил им: «Тогда не тратьте слов попусту: ставьте дом, как предусмотрено наукой». Ныне Джазаев и Мамай очень признательны председателю колхоза, а то бы выглядели они, как черные овцы в белой отаре: все колхозники построили дома светлыми, широкими окнами на улицу, и она, прямая, ровная, красуется посадками молодых деревьев.

Советское государство щедро помогло горному балкарскому селению Былым: отпущено полтора миллиона рублей на строительство домов. Семьям погибших воинов и инвалидов войны колхоз строил жилища своими силами. Так въехал в новый трехкомнатный дом инвалид войны Магомед Тебердиев, так получили дома вдовы Буслимат Кумыкова, Чокурат Динаева, мужья которых, смелые люди, расстреляны фашистами.

Нас приглашают в новый дом под черепичной крышей. Живет в нем колхозный чабан Хажирет Мирзоев. В доме три светлых комнаты, на окнах прозрачный тюль, никелированные кровати, шифоньер. Словом, квартира обставлена по-городскому. Есть и радио и радиола.

Мурачаев шутит:

— Богаче князя Али Басятова живут колхозники...

Мы спрашиваем о детях чабана, который так и остался малограмотным.

— Сагид в медицинском институте, дочь Люля в седьмом классе, младший сын в шестой ходит... — Мать гордится детьми и тем, что они растут грамотными людьми, что перед ними широкая дорога. Она рассказывает о том, как прежде горы отнимали, высасывали все силы.

— Что, горы подобрели?..

— Горы строги по-прежнему, — отвечает Мирзоев, — но порядки иные, человечные.

Я вглядываюсь в лицо старого человека, полвека проходившего с отарами в горах: в глазах его мудрость большой жизни, любовь к труду, гордость за новое, что утвердилось в ущельях Эльбруса.

Селения Былым не узнать и постоянному жителю этих мест. Новый Былым отличается от старого, как чистый Баксан от дождевой лужи. И живут в нем не по обычаям дедов, а по законам социалистического общества. Горянка в колхозе самостоятельна, она выбирает себе друга по сердцу, по любви, она большая общественница. Лели Толгуевой восемнадцать лет, колхозники избрали ее депутатом Эльбрусского районного Совета. Чем она заслужила доверие односельчан? Это передовая производственница: годовой план надоя молока она выполнила за три квартала и зарабатывает своим трудом побольше иного джигита. Ее черные глаза загораются искорками, когда Лели говорит о книге, о занятиях и строго спрашивает моих спутников:

— Когда же будет вечерняя школа? Обещали, так выполняйте.

Требование справедливое. И придется серьезно подумать о том, как исправить промашку директора школы и помочь ему организовать среднюю школу для взрослых.

— Все желают учиться, — говорит Мурачаев.

Мы стоим на берегу говорливой речонки; она стиснута побуревшими склонами гор. Нагромождения камня ниспадают к ревущему Баксану. Если отсюда смотреть наверх, то шапка валится с головы: по крутизне ни пройти, ни проехать. Но что это за черные, еле различимые крапинки на прозелени гор? Они то расползаются, то собираются в кучки, то растягиваются цепочкой, огибая скалы.

Это «кой» — овцы, богатство здешних мест. Их пасут мужественные люди — колхозные чабаны. Они карабкаются по самым неприступным местам, выискивают в ложбинках и расщелинах сочные травы, от которых овца набирает жир, мясо и шерсть.

К вопросу о шерсти... Мурачаев рассказывает о том, что в горах среди животноводов бытовало убеждение (оно еще сохранилось кое-где), будто тонкорунных овец под Эльбрусом пасти нельзя: слабые они, нежные для горного климата.

— Неправильное убеждение, — говорит Аубекир Жашарбекович. — Опытом проверил. Отара тонкорунных овец второй год пасется и ничего, привыкает.

— Не хромает? — спрашивает Иванников.

— Догляд нужен. Сухое пастбище надо выбирать... — Председатель колхоза, как заправский зоотехник и опытный чабан, объясняет нам о сложившейся практике выпаса тонкорунных овец в горах.

Этим бы опытом поделиться с соседями ближайших ущелий: выиграло бы общее дело.

Непосвященный спросит: а в чем разница, тонкорунная ли пасется овца в горах или местная, грубошерстная? И те и другие нужны стране. Но доходы от овец разные: в колхозе имени Ленина тысяча тонкорунных овец принесла доход в 170 тысяч рублей, а такое же количество грубошерстных овец — только 10 тысяч рублей.

На крутых, усыпанных осколками камней склонах виднеются копны сена: трудолюбивые руки скосили травы там, куда и подойти трудно. Косили, напрягая все мускулы и приседая на корточки, чтобы не свалиться вниз. «Кто не косил травы в горах, тот еще не умеет работать», — сложилась поговорка в горных селениях Кабардино-Балкарии.

Мурачаев думает о том, как бы механизировать уборку трав и на склонах гор.

— Ракеты пускаем на Луну... А машину для гор придумать, что ли, не сможем...

☆ ☆ ☆

Чамай Баталович Уяняев — председатель Президиума Верховного Совета республики, наш спутник в путешествии по Балкарскому, или, как его еще называют, Черекскому, ущелью, — интересный собеседник. Он хорошо знает историю этих мест, революционное прошлое своего народа и сегодняшнюю жизнь селений.

Дорога поднимается все вверх и вверх. У моста через шумный Черек на высокой скале большой силуэт В. И. Ленина, нарисован-

ДЖУ БОЛГУ

ный киноварью. Чамай Баталович показывает пещеру Кемырбаша, что означает по-балкарски «железная голова»: такую кличку дал народ Магомету Османову, непреклонному борцу с белогвардейцами в дни гражданской войны.

Вот и знаменитые «Голубые озера». Самое большое из них лежит в золотой оправе леса, не шелохнется, словно задумалось и таит какую-то ему одному ведомую тайну. Глубина озера более двухсот пятидесяти метров. На берегу строятся пансионаты, гостиницы. К слову сказать, напрасно туристы обходят эти места дикой, первозданной красоты. Может, и потому, что о них мало кто знает. И как тут не упрекнуть организации, призванные заниматься туризмом, а заодно и тех, кто курортами ведает!

Нальчик — замечательный бальнеологически-климатический курорт. В городе, похорошевшем, отстроившемся после войны, старый парк занимает до восьмисот гектаров, смыкаясь с диким лесом горных склонов. Есть где погулять, подышать воздухом буковых массивов: город и санатории буквально утопают в зелени. Недавно правительство отпустило большие средства для строительства санаториев, гостиниц, летних пансионатов; ведутся подготовительные работы по сооружению канатной дороги на Эльбрус, к Приюту одиннадцати. Обогатится Нальчик и мощными нарзанными источниками, не уступающими кисловодским. Уже бурится скважина, чтобы с глубины тысячи трехсот метров достать нарзан, которого здесь, в горах, так много.

...От «Голубых озер» подъемы все круче. Каменистая дорога то карабкается вверх по карнизу, пробитому в скалах, то стремительно ныряет вниз: к селению Верхняя Балкария добраться не так-то легко. Все восстания балкарского народа против своих князей, царского правительства, битвы с белогвардейцами связаны с этим красивым ущельем. И новое, что пришло с Октябрьской социалистической революцией в эти горы, утверждалось здесь в жестоких схватках. Об этом напоминает Чамаю Баталовичу каждый поворот дороги, каждая щель в скалах. Вот небольшое углубление в сером камне — тут погиб Асланук Сарабашев, председатель Совета селения Верхняя Балкария. В давние годы его убили бандиты, убили за то, что нес в родное село свет ленинской правды.

В селе, где жил Сарабашев, — богатый колхоз. Им руководит Магомет Ульбашев, человек большого и для этих мест роста, широкоплечий, истый богатырь. Он рассказывает о трудолюбии горцев, о растущем богатстве колхоза, о том, что давно нет в горах аулов, где люди прятались от непогоды в сырых, дымных землянках.

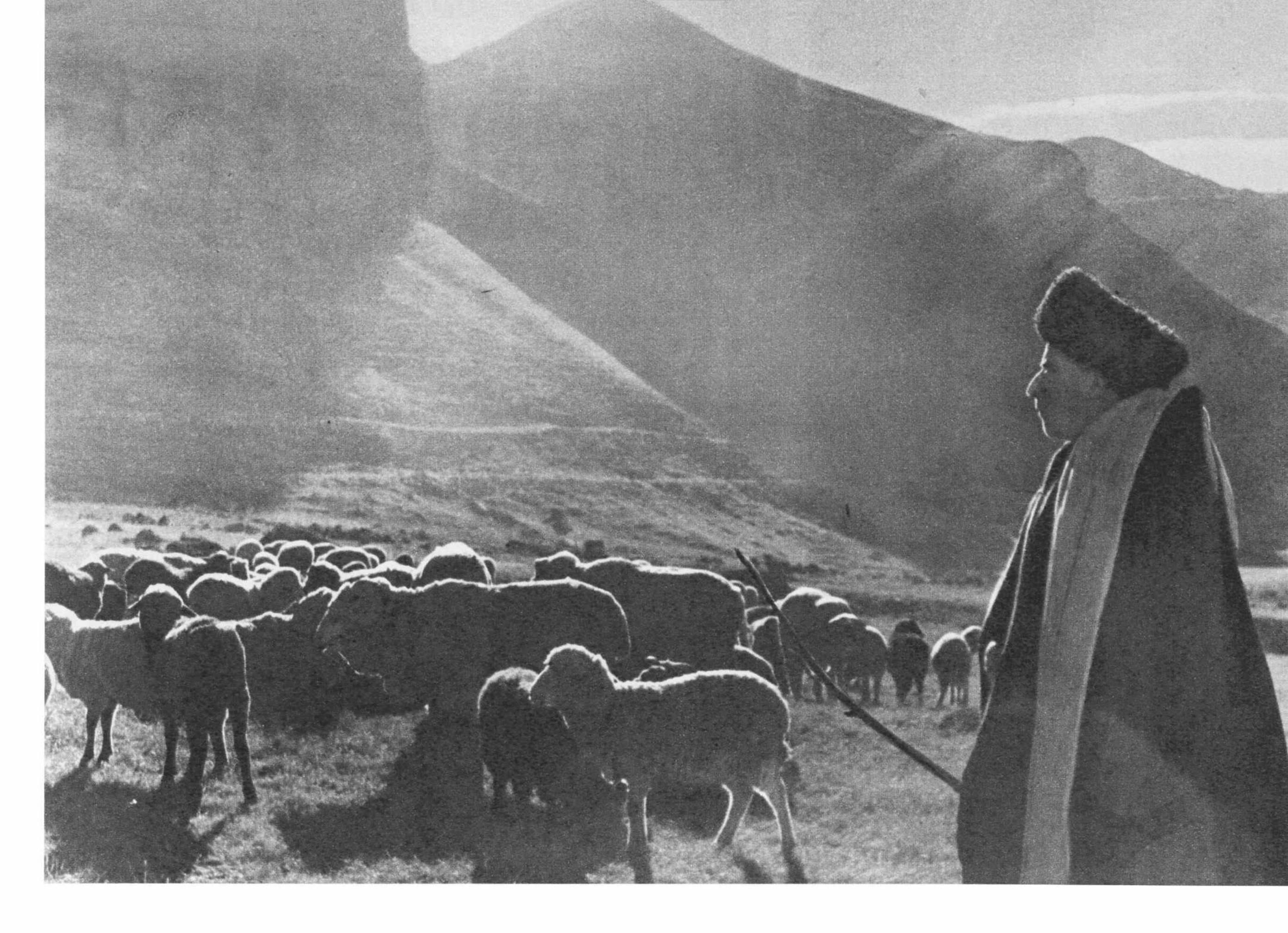
Мы стоим у здания правления колхоза. Отсюда, сверху, хорошо видны дома горного селения. Внизу по ущелью вытянулись ровные улицы с коттеджами, так непохожими на старое, дымное и темное жилье горца.

— Две землянки оставим как память...— задумчиво произносит Софиат Баксаковна Ульбашева, председатель сельсовета. — Как тяжелую память о старой жизни... Пусть молодежь заходит в эти музеи прошлого, чтобы научиться ценить настоящее...

...В ущельях Эльбруса бьют ключи новой жизни. Сегодня над долинами и горами слышится родное и приветное:

— Джу болгус! Добро пожаловать!

Добро пожаловать, дорогие друзья и братья по общему великому делу — строительству коммунизма!

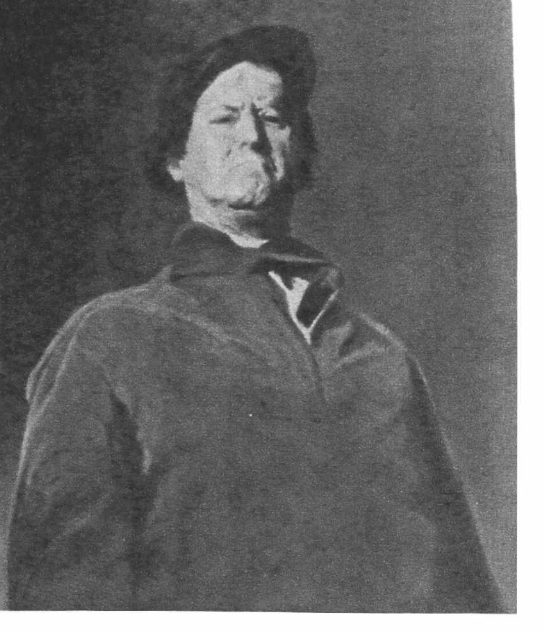

Чабан колхоза имени Ленина Хажирет Мирзоев.

Председатель колхоза имени Ленина депутат Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР Аубекир Мурачаев и тракторист Юсуп Динаев.

С!

Корнелиу Баба. Автопортрет.

В ГОСТЯХ У

Борис ПОЛЕВОЙ

На правительственном приеме, устроенном в честь пятнадцатилетия новой Румынии, мой старый друг, замечательный поэт Михай Бенюк, показал мне высокого, просто одетого человека, пробиравшегося сквозь толпу гостей об руку с худощавой женщиной с очень характерным и выразительным лицом. Оба они показались почему-то знакомыми. И в то же время было совершенно ясно, что ни этого человека, ни его спутницы я никогда не встречал.

— Это Корнелиу Баба, — сказал мне поэт. — Хороший наш художник. Его картины, говорят, имели успех у вас в Москве, на выставке искусства социалистических стран.

Корнелиу Баба!.. Все стало ясно. Сразу вспомнилась и интереснейшая выставка, порадовавшая москвичей бесконечным многообразием, красотой, одухотворенностью творчества, и румынский зал, где постоянно толпились люди, преимущественно молодежь. Искусство мастеров, представленных в этом зале, привлекало тем, что оно отражало сегодняшний день новой Румынии, позволяло ощутить биение пульса страны, строящей социализм.

Но особенным успехом в этом зале пользовался стенд, где висели четыре картины Корнелиу Бабы. Его полотна привлекали удивительной человечностью. Они не претендовали на «эпическую масштабность» и были посвящены просто отдельным эпизодам из жизни тружеников. Но, написанные в прекрасной реалистической манере, эти полотна обладали большой притягательной силой. Каждая картина на первый взгляд казалась совсем простой, однако возле каждой из них хотелось постоять, подумать, проникнуть в мысль и ощущения изображенных на ней людей, разгадать их душевное состояние. И чем дольше стояли зрители у этих полотен, тем более глубокими казались запечатленные на них сцены. Как бы проявлялся в картине второй, третий план, возникало ощущение, что настолько знаешь этих людей, что можно бы написать о них рассказ, повесть.

Вот полотно «Отдых в поле». Где-то на краю своей узенькой полоски спит молодой пахарь... Спит в спокойной позе всласть натрудившегося человека, закинув правую руку за голову. Сон его крепок. Все тело обрело покой. Он не проснется, пока не исчерпает до конца этот знойный час отдыха... Тут же, прикрытый пестрым лоскутным одеяльцем, разбросав пухлые ручонки, спит его маленький сынок. А на переднем плане сидит молодая крестьянка в пестрой расстегнутой кофте и белом платке. Ее руки лежат на коленях, пальцы сцеплены. Некрасивое, но волевое, очень притягательное лицо отмечено глубокой задумчивостью. Умные, широко посаженные глаза смотрят вдаль... Мать семьи, может быть, водившая по пашне волов, накормила своих мужчин и, пока они спят, отдыхает, бодрствуя. Но всматриваешься в задумчивое лицо, глубокие, усталые глаза и видишь, что женщина не просто отдыхает. Она думает... О чем? О своих домашних заботах или о чем-то далеком, прошедшем? Может быть, вспоминает уходящую молодость? Или жалеет, что жизнь идет не так, как мечталось в девичестве?.. Как хочется ближе понять, лучше узнать эту женщину!.. Все смотришь и смотришь на нее. И вдруг эта столь просто написанная крестьянка начинает вырастать в образ глубоко эпический, народный, а самое полотно кажется чем-то вроде некрасовской поэмы о женщине-труженице и ее доле...

Корнелиу Баба не только живописец, но и великий мастер художественного портрета. Удивительно его умение не только схватить очень точно внешность человека, но и передать его душевную сущность... Для меня лично это умение раскрылось в портрете писателя Михаила Садовяну, с которым я связан давней дружбой. На портрете этом, детали которого как бы тают в полутьме, вырисовывается с поразительной четкостью, по-рембрандтовски, сребfinancial волосая голова старика и его пухлые, большие, явно знавшие когда-то физический труд руки. Крутой лоб. Узкие, будто бы в вечном прищуре глаза. Плотно сомкнутые губы, на которых словно раз и навсегда застыло непримиримое и в то же время очень человечное выражение...

Меня этот портрет поразил тем, что напомнил сцену, при которой мы познакомились с этим писателем. Это было еще в королевской Румынии, на каком-то торжественном заседании. В самом разгаре торжества в зал вдруг вошел король. По установленному ритуалу все находившиеся в зале встали, и только один величественный старик с львиной головой и лицом крестьянина, проживавшего долгую жизнь, остался сидеть, сосредоточенный в самом себе, пренебрегающий условностями, и на его губах, опущенных углами вниз, стыло непоколебимо твердое выражение человека, знающего себе цену, которое так хорошо удалось схватить и запечатлеть художнику. «Кто он?» — спросил я тогда своего соседа. «Как, вы не знаете?! Это же Михаил Садовяну, писатель», — ответил сосед; в голосе его прозвучало большое уважение. Позже мы познакомились с писателем, и мне много раз доводилось наблюдать его на разных международных конгрессах. Я бывал у него дома, а он — у меня. Его выразительное лицо передавало много оттенков чувств, но то, что художник запечатлел на портрете, то — редкое, которое мне довелось видеть всего один лишь раз, — говорит о «снайперском» глазе мастера...

Я познакомился с полотнами Корнелиу Бабы в Москве, в дружеской среде, где советские люди закономерно отдавали должное этому великолепному художнику, последователю метода социалистического реализма. Но я видел его полотна и в Венеции, на Бьеннале. Вместе с лучшими работами советских мастеров они выделялись там своей огромной человечностью в массе «произведений» кривляющегося, вопящего модернизма. Однако и там, где реализм и человечность объявлялись чуть ли не анахронизмом, всегда можно было видеть людей, задумчиво стоящих около полотен Бабы.

И вот теперь я увидел художника и все смотрел и смотрел на него. Я сразу узнал его по широко известному автопортрету. И все же я поражался: как же не

Отдых в поле. Фрагмент.

КОРНЕЛИУ БАБЫ

Иллюстрация к повести М. Садовяну «Митря Кокор».

похож был этот высокий, скромный, деликатный человек на того неистового, непримиримого фанатика, каким он сам себя изобразил!.. Нас познакомили, и я приехал в его небольшую мастерскую, разместившуюся в одном из невысоких домов, построенных народным правительством для художников и скульпторов на дальней зеленой окраине Бухареста.

Скромность обстановки удивляющая. Ничего лишнего. Никаких безделушек, статуэток, вазочек, украшений. Ничего, что отвлекало бы, уводило в сторону мысль. Именно мастерская, где имеется лишь то, что может понадобиться художнику для работы. И великое множество эскизов, зарисовок, набросков, этюдов... Только здесь, в мастерской, и можно постигнуть, какой огромный предварительный труд был затрачен на те работы, которые созданы этим бесконечно взыскательным мастером. Вот они — наброски к картине «Отдых в поле». Смотрим, поражаясь, с каким упорством и трудолюбием художник искал и находил типажи, позы своих персонажей, искал и находил детали картины, которые потом безжалостно устранял с полотна единым взмахом кисти... Огромный труд!.. Видно, как много раз, словно синтезируя все сделанное, мастер приближался к решению и как смело и самоотверженно отбрасывал его: не то, не то, не то!.. И принимался за новые поиски.

— Иногда мне вдруг ночью приснится какой-то новый вариант картины, над которой я думаю или работаю. Вскакиваю и начинаю рисовать. Тороплюсь, как бы не забылось...

— И все для того, чтобы утром разорвать или замазать все нарисованное или написанное, — говорит жена художника. — Он к себе совершенно безжалостен! Иной раз мне кажется, все готово. Всем нравится. Друзья одобряют. А он вдруг схватит кисть и... все замажет. Без всякой жалости. Плод многодневных трудов!..

Женщина говорит об этом с печалью. На лице ее появляется то же выражение, что и на мастерски написанном с нее портрете: задумчивое, озабоченное, грустное. Чувствуется, что ей жаль того, что так безжалостно уничтожил этот строгий, вечно неудовлетворенный собою мастер. Зато у него самого, на лице его, которое лишь мгновение тому назад было полно доброжелательства, появляется неприязненное, даже фанатическое выражение.

— Если бы все давалось легко, вряд ли кого могло бы это удовлетворить! И прежде всего меня самого, — отрывисто говорит, почти вскрикивает он. — Именно в поисках вся красота и радость нашего дела. В преодолении трудностей. В борьбе с самим собой... Ловкость — это не мастерство. Когда кисть опережает мысль, то работа, даже очень профессиональная, становится плоской. И зритель пройдет мимо нее, как проходит мимо давно примелькавшегося пейзажа, не замечая его...

Ах, как хотелось бы, чтобы в эту минуту Корнелиу Бабу услышали все мастера «скоростной» живописи, которые, надеясь, что «тема вывезет», пишут свои картины иной раз даже не по торопливым эскизам, а по фотографиям...

Смотрим наброски к полотну «Крестьяне». Спрашиваем, почему лицо человека, возглавляющего крестьянскую семью, дано несколько туманно, как бы не прописано в деталях. Судя по бесконечным набросками, это любимый образ художника. И во всех только что просмотренных эскизах это лицо старого, усталого, умудренного жизнью человека написано четко и точно.

— Видите ли, — мягко и деликатно говорит художник, — я стремился в лице запечатлеть взгляд, а не сами глаза. Разве не случалось вам видеть на каком-нибудь портрете глаза, выписанные с величайшей точностью, а взгляда, выражения — нет? Случалось?.. Ну вот! А я старался всем выражением лица передать, **куда** мой герой смотрит, **как** смотрит, передать его душевное, человеческое состояние...

И снова из светского, милого, доброжелательного хозяина Корнелиу Баба превращается в человека непримиримого. Сердясь, он говорит:

— Я знаю художника, пишущего так, что на его картине можно каждый волосок пересчитать в бороде персонажа. Знаток скажет, из какого драпа сшито нарисованное пальто и сколько этот драп стоит в магазине... Да разве это мастерство?! Это худший вид ремесла... Художник должен будить мысль зрителя, заставлять его додумывать то, что даже не изображено, искать и находить **свое** решение темы. Пусть зритель становится как бы соучастником творческого процесса... И пусть выводы, сделанные кем-нибудь из зрителей, даже не совпадут с замыслом художника! Неважно!.. Зритель стал активным участником творческого процесса. Он не забудет того, что видел, что разбудило в нем мысль...

Речь заходит о замечательной повести Михаила Садовяну «Митря Кокор». Это небольшая книга о бедном, забитом жизнью крестьянине, который, прикоснувшись к опыту советских тружеников, становится учителем жизни и для своих односельчан. Корнелиу Баба сделал для этой повести серию замечательных рисунков, показав живые человеческие характеры, проявившиеся с особой силой в острый момент перелома от старого к новому.

Художник чуть задумывается, потом говорит:

— Мне хотелось в этих рисунках осмыслить все то удивительное, нарождающееся, радующее нас, что пришло в Румынию с народной властью. И повесть дала великолепный повод для этого...

Уже прощаемся у дверей с гостеприимными хозяевами. И здесь последний вопрос к художнику: «А вы давно пишете?»

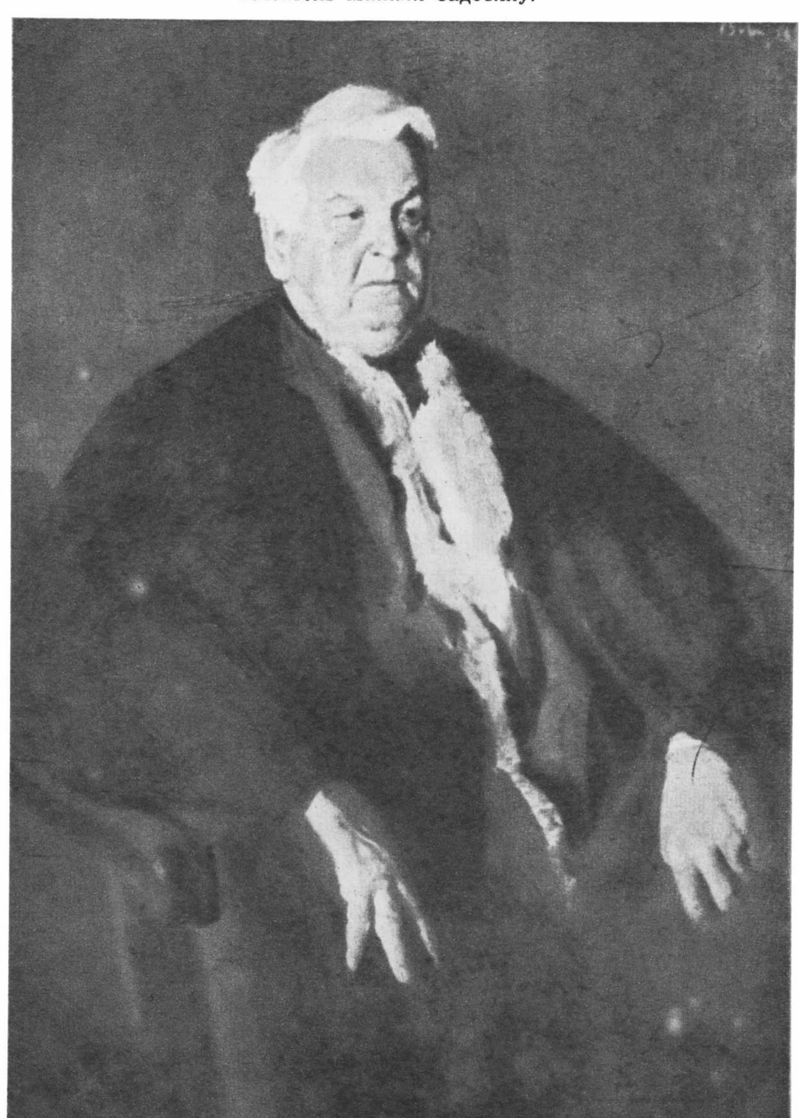
— С детства. Я вырос в мастерской художника. Но вот сейчас у меня такое ощущение, что я нахожусь еще в начале художественного пути. Я сделал еще очень мало. Мне кажется, что многое из того, что я сделал, стоило бы перерисовать... Вообще все еще впереди. Да, впереди.

Это говорит всемирно известный художник, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств, избранный в 1958 году почетным членом Академии художеств СССР. Говорит убежденно и, несомненно, искренне. И в эту минуту Корнелиу Баба, неистовый и непримиримый мастер-боец, сразу становится похожим на свой автопортрет...

Л. Стурза-Баландра в роли Вассы Железновой.

Писатель Михаил Садовяну.

ЧТО ОСТАЛОСЬ ЗА КАДРОМ...

В. ПОЛЯКОВ

Фотографии на цветной вкладке рассказывают о колхозе в селе Калиновке, о том, чем живет маленькое село на северо-западе Курской области.

Многое сделали калиновцы за последние пять — шесть лет. Есть в селе прекрасные животноводческие фермы. Более чем в двадцать раз за эти годы увеличено производство мяса. Хорошее общественное хозяйство, большие доходы позволили взяться за перестройку села. В Калиновке есть Дом культуры, десятки новых жилых домов, школа-интернат, детские ясли.

Но, мне кажется, фотообъектив не запечатлел одного важного события в жизни деревни. Впрочем, может быть, это событие и недоступно для фотоаппарата. А рассказать о нем непременно нужно.

Дело было осенью 1958 года. Возвращаясь из отпуска, Никита Сергеевич Хрущев заехал в Калиновку проведать своих земляков, познакомиться с их делами. Это был не первый его приезд в родное село. Почти каждый год во время своего отпуска товарищ Н. С. Хрущев заезжает сюда, в Калиновку, всегда у него с земляками находится тема для серьезного разговора.

Так было и на этот раз. Никита Сергеевич осмотрел поля, животноводческие фермы, культурно-бытовые учреждения. Затем в клубе состоялась встреча с колхозным активом. Говоря о задачах колхоза, товарищ Н. С. Хрущев посоветовал подумать, нельзя ли калиновцам объединиться с одним из соседних колхозов.

— Конечно, — заметил Никита Сергеевич,— это дело самих колхозников, пусть они решают, объединяться с соседями или нет. Но все же ваш колхоз маловат по размерам. У вас только тысяча триста гектаров пашни. Между тем для здешних условий более рентабельным, товарным, более перспективным было бы хозяйство, скажем, в две с половиной — три тысячи гектаров. В таком хозяйстве лучше можно использовать технику, а следовательно, обеспечить более высокую производительность труда. Некоторые колхозники могут сказать: зачем укрупняться, нам и так хорошо. Вы действительно живете хорошо, а можете жить еще лучше и гораздо больше, чем сейчас, производить продуктов для народа. Нельзя на дело смотреть только с позиций сегодняшнего дня; надо посмотреть вперед. Если бы объединиться, например, с колхозом «Прогресс» или «Память Ильича», у вас открылись бы гораздо большие возможности.

Спустя два месяца председатель калиновского колхоза В. В. Грачев с трибуны Пленума ЦК КПСС передал товарищу Н. С. Хрущеву благодарность колхозников за добрый совет и заявил, что калиновцы объединились со слабым соседним колхозом села Жеденовка, что теперь в колхозе стало 4 700 гектаров земли. Под аплодисменты участников Пленума Грачев сказал:

— Думаю, что через 2—3 года объединившийся с нами колхоз будет поднят до уровня Калиновки.

Никита Сергеевич тогда заметил Грачеву:

— За два года можно это сделать.

Короткие заметки не позволяют полностью раскрыть, как помогали калиновцы своим соседям из Жеденовки, передавая им опыт, обучая их вести хозяйство разумно, экономно. Сошлюсь лишь на один пример. Каждый год в Жеденовке сеяли кукурузу, притом на большой площади. В 1958 году там засеяли почти 200 гектаров кукурузы. А что собрали? Даже стыдно называть цифру: 50—60 центнеров зеленой массы с гектара (в Калиновке собирают 600—700 центнеров).

И вот при такой неудаче решили все же в 1959 году посеять 300 гектаров кукурузы, с тем чтобы вырастить на каждом гектаре 450—500 центнеров зеленой массы и початков. В Жеденовку прибыли специалисты из Калиновки, опытные колхозники работали вместе с соседями, учили их. Дело, казавшееся непосильным для жеденовцев, увенчалось большим успехом. Впервые они вырастили почти по 500 центнеров кукурузы с гектара и заложили 6 тысяч тонн силоса. Появилась возможность развести втрое — вчетверо больше скота, чем было в колхозе до объединения.

...Мы приехали в Жеденовку через год после объединения здешнего колхоза с калиновским. Год— небольшой срок. Но как шагнуло вперед ранее отстававшее хозяйство! Не хочется приводить много цифр, но здесь без них не обойтись.

В 1958 году жеденовцы собрали с гектара 12 центнеров озимой пшеницы. И считали это неплохим урожаем. А год спустя с помощью Калиновки — 30 центнеров.

Северо-запад Курской области славится коноплей. Жеденовцы знают эту культуру десятки лет. Это один из важных источников дохода. Но до 1959 года урожай конопли оставался на уровне 2—3 центнеров. Даже в хороший по климатическим условиям 1958 год взяли 3,4 центнера конопли (волокна) с гектара. А минувший год словно перевернул все понятия об урожаях: сняли тут по 9,7 центнера.

Или производство мяса. На сто гектаров в 1958 году Жеденовка давала 27 центнеров, а теперь — 60,4 центнера.

И, наконец, еще две цифры. Денежный доход в селе Жеденовка за год вырос с 1 245 тысяч рублей до 4 миллионов.

Повысились, конечно, и доходы колхозников. Им выдали денег в пять раз больше, чем в 1958-м...

Да ведь дело не только в деньгах. Рублем не всегда у нас определишь благосостояние человека. Я попросил жителя села Жеденовка Ивана Ефимовича Солодова рассказать, как ему живется после объединения слабого колхоза с сильным. Иван Ефимович назвал свой заработок, а затем, немного подумав, сказал:

— Главное даже не в рубле.— И тут же пояснил: — Год назад не было в доме радио, а теперь есть. Год назад не было электричества, а теперь есть. Год назад не было клуба, а теперь ходим смотреть кино, слушать лекции в калиновский клуб. Год назад не было школы-интерната. А теперь она есть. Год назад...

В народе родилась примечательная пословица. Когда человек унаследовал от кого-то плохие привычки, о нем говорили: «С кем поведешься, от того и наберешься». Мне кажется, пришло время, когда эта пословица может выражать положительные черты наших дней. В самом деле, слабый, отстающий колхоз «повелся» с передовым, стал учиться у его мастеров. И вот, видите, научился: «набрался» хорошего, неузнаваемо изменился.

Веками жизнь крестьянина складывалась так, что сосед отгораживался от соседа забором. Ныне рухнул этот забор. Один человек раскрыл душу перед другим. Один человек бескорыстно помогает другому. Один человек радуется успеху другого или разделяет его горе, его неудачу. Это и есть наше самое гуманное, самое человечное общество!

Рассказывая о калиновском примере, не могу не вспомнить такой случай. Во время исторического визита Н. С. Хрущева в США мы, советские журналисты, видели по пути следования немало заколоченных ферм. У одной из таких ферм остановились. Нашли соседа разорившегося фермера и любезно спросили, не расскажет ли он нам о судьбе хозяина заколоченного дома. Фермер пожал плечами: он ничего не может сказать о соседе, он не знает, что с ним случилось.

Мы не собираемся винить фермера в равнодушии к судьбе своего ближнего. Не он, конечно, виноват. Виновата капиталистическая система с ее подлой моралью: человек человеку враг.

Мне захотелось закончить репортаж тем, чем он был начат. Снимки, которые публикуются на вкладке, правильно передают то, чем живет сегодня Калиновка. Но главное осталось за кадром. Это главное — моральная сила калиновского примера. А ее значение необычайно велико. Маленькая Калиновка являет миру пример нашей морали, выраженной в формуле: человек человеку друг!

В читальном зале Дома культуры.

Это одна из новых улиц села, она принадлежит молодежи. Здесь разместились школа-одиннадцатилетка, дом для учителей, интернат.

Колхозный Дом культуры.

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Около 2,5 миллиона рублей составил в истекшем году доход колхоза от животноводства.

На снимке: молочнотоварная ферма колхоза.

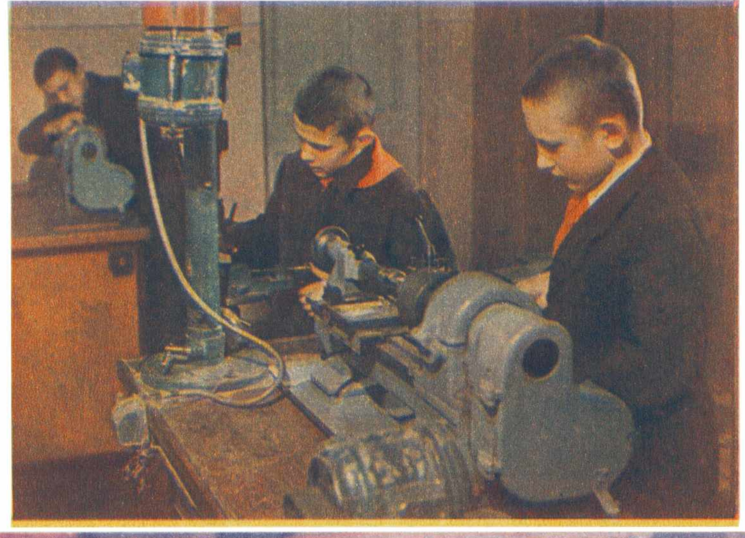
Школьница Галя Слободчикова после занятий ухаживает за коровами.

Дом культуры. В кружке художественной самодеятельности идет репетиция. М. И. Коровкина и В. М. Назаров исполняют частушки.

Для старшеклассников при школе оборудованы механические мастерские.

В Калиновке организована агрохимическая лаборатория. Ею руководят окончившие Тимирязевскую сельскохозяйственную академию Владимир и Нинель Торины.

Хорошо живется в Калиновке молодежи! Бо́льшая часть юношей и девушек, оканчивающих десятилетку, остается жить и работать в родном колхозе.

На снимках: в спальне колхозной школы-интерната; на лыжне в окрестностях Калиновки.

Скорпионовы ягоды

Рассказ

Р. ЗЕРНОВА

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Из соседнего сада через забор до самой земли свешиваются тяжелые ветви; летом в темной зелени янтарные блестящие шарики — белая черешня. Рвать ее нельзя, хотя у бабушки в саду и нет такого дерева. И даже если упадет на землю спелая черешенка, все равно ее нельзя есть.

Однажды в первое лето после маминой смерти, когда Галя приехала в Ленинград, папа принес кулек из магазина.

— Аннушка, ну-ка глянь, что я тебе принес!

Галя прибежала, посмотрела, сморщила нос и сказала:

— Та я ж это не кушаю! Это же скорпионовы ягоды!

Папа удивился, захохотал и стал кричать:

— Как, как? Ну-ка повтори!

— Скорпионовы ягоды,— твердо сказала Галя.— Они у Скорпиона в саду растут. Бабушка мне не велит их брать.— И ушла, вздернув твердый раздвоенный подбородок.

Папа перестал смеяться и больше ничего не спросил: кто же не знает, что Скорпион — это Сидоренчиха, бабушкина соседка, которая повесила на этом самом дереве Галиного пестрого котенка!

А к Скорпиону в сад свешивается бабушкина яблоня, там их яблок тоже никто не ест. Положим, Скорпионов Шурик раньше брал, но старался так есть, чтобы мать не видела.

А когда утонул в реке Скорпионов Шурик, и принесли его в дом мертвого, и вышла в сад сама Сидоренчиха-Скорпион, громадная, растрепанная, страшная, привалилась к стене и завыла, то бабушка, Галина бабушка, влезла на ту самую яблоню — даже табуретки не подставила! — и стала кричать:

— Ну! Чья была правда, Скорпион? Что ж твой бог тебе не помогает, богомолка?! Нет, бог, он правду видит! Ты хотела, чтобы моя Катя так лежала, ты хотела, чтобы моя Галочка так лежала,— и вот бог мою правду услыхал! Нету тебе прощения! Ни на том, ни на этом свете! Нету!

— Бабушка! — звала ее Галя сдавленным голосом, замирая от ужаса и стыда.— Бабушка, сойди! Он же умер, бабушка!

— Иди, деточка, иди до дому, нечего тебе тут слушать! Ну, Скорпион, молчишь теперь? Нет, ты вспомни, ты вспомни!

— А, чтоб тебе с того дерева не слезть! — неслось со Скорпионова двора.— Чтоб тебе повысыхали твои бесстыжие очи! Чтоб твоей цыганской байстрючке...

— Не касайся своим поганым языком до ребенка! — не своим голосом кричала бабушка.— Не касайся!

— Бабушка, сойди, бабушка!

В то лето Галя вытянулась, похудела и научилась думать по ночам, лежа без сна. Иногда она тихонько плакала в подушку. Бабушка просыпалась, будила деда:

— Дед, а дед, проснись, шось мне сдается... Галю! Ты не спишь?

Галя не откликалась. Бабушка, кряхтя, вставала и, тяжело ступая по половикам босыми ногами, подходила к ее постели, нащупывала большой шершавой рукой вспотевший под косами затылок.

— Совсем задохся ребенок! — говорила она сердито.— Дышать нечем стало, духота такая, господи, прости меня, грешную!

Она выходила во двор и, стараясь не стучать, отворяла тяжелые деревянные ставни. Сразу становилось виднее: в теплом лунном свете тихо мерцало зеркало, темнели веера фотографий вокруг, и странной пустотой зиял тот угол, где раньше были иконы. Бабушка возвращалась, зевая, распахивала окно, и в комнату с пронзительной силой ударяла предутренняя свежесть, и звуки, и запахи июльской ночи: хор лягушек, жасмин, метиола, треск кузнечиков, сонный вскрик потревоженной птицы...

— Сглазила-таки мне ребенка, Скорпион проклятый! — негодовала бабушка.

Но кончилась июльская сушь, пошли дожди и грозы, и Галя отошла, повеселела... Только если случалось ей встретить Сидоренчиху в переулке, она старалась проскочить мимо, чтобы та не заметила. Однажды она не выдержала, оглянулась: старуха стояла, широко расставив громадные ноги в мужских ботинках, и смотрела на нее горючими, как антрацит, глазами.

Гале было тогда одиннадцать лет.

А теперь ей пятнадцать, и она уже не помнит своих детских снов, и не называет Сидоренчиху Скорпионом, и ей не страшно, когда бабушка рассказывает:

— Она половину дома продает, пьяница проклятая: на водку-то денег надо! Вот ты которое лето не приезжаешь, не знаешь ничего. Ведь запила Скорпион-то, с самой Шурикиной смерти и запила. Сперва деньги, какие были, пропивала, потом вещи таскать начала, а нынче весной дом продавать надумала. И вот, ты только слушай: днем к ней покупатели приходят, а ночью она идет и фруктовые деревья с той половины выкапывает, на свою пересаживает. Вот такой Скорпион проклятый, ты только подумай!

— Ах, бабушка! — говорит Галя.— Ну, охота вам во все это вникать? Ну, продала, ну, выкопала... Есть еще в нашей жизни такие люди. Их перевоспитывать надо!

— Скорпиона перевоспитывать? Перевоспитаешь ее, как же! Да ты знаешь, что она родную мать убила? За эту самую землю, за дом, за сад!.. А ты говоришь, перевоспитывать!

— Как убила?

— А так. Мать неграмотная была, а Катька-Скорпион, как батя помер, на себя всю землю переписала. Весь этот переулок Гавриловский ее стал. Мать как про то узнала, так в ту же ночь и померла: разрыв сердца! А тут и революция на дворе.

— Ну вот видишь, бабушка! А ты говоришь, убила!

— А тебе надо, чтоб она ее ножом или топором, да? Ты того не понимаешь, что она без ножа зарезала, без яду отравила? Э, да где тебе понять! Далеко тебе до мамы твоей, до Кати... До моей Катечки, до моей умницы, до моей голубоньки...

Бабушка уходит в дом, и Галя остается одна со своими мыслями.

Ах, да какое все это имеет значение наряду с тем, что вчера авиапочтой пришло из Ленинграда письмо, которое начиналось словами: «Здравствуй, дорогая Аня!..»

На Украине Галя и Анна — одно имя. В паспорте она Анна, и в Ленинграде все зовут ее Аней, Аннушкой... «Мне дали имя при крещеньи — Анна, сладчайшее для губ людских и слуха».

— Бабушка, зови меня Анной.

— Хорошо, Галочка. Э, да ты что? Ты куда собралась такая расхристанная?

— Да я только за хлебом, бабушка!

— За хлебом! Мимо Скорпионова дома пойдешь! Скидай тапки, туфли надень! Платье розовое! Ничего, ничего, не жарко! Пусть посмотрит на тебя, пусть позавидует, пьяница, бесстыжие ее очи!

За воротами Галя стаскивает узконосые туфли и блаженно вздыхает, зарывая маленькие ноги в теплую пыль. Хорошо! Папа всегда велит ей летом ходить босиком. Скорее бы они приезжали! Рядом с папой и тетей Ниной так легко, спокойно, ясно!

Тетя Нина — папина жена, Галина, как это говорится, мачеха. Они с мамой учились в одном классе. Маму Галя помнит не очень хорошо: иногда вдруг вспомнит нежный и низкий голос, или черные бусы, или большие желтоватые руки на голубом одеяле: она все болела... А лица не помнит.

Лица маминого не помнит, а как пришла тетя Нина и сказала, что мама умерла, никогда не забудет. Бабушка тогда сняла со стен иконы и порубила их в саду топором. Дед стоял рядом и плакал, и слезы висели у него на длинных усах. И долго-долго тот угол комнаты, где прежде висели бабушкины боги, был светлее, пока не переклеили обои.

И все-таки странно, что бабушка не обиделась на тетю Нину, когда они с папой поженились. На бога обиделась, а на тетю Нину нет. И когда приехали они с папой за Галей, отдала ее беспрекословно, только на летние каникулы велела отпускать. А последние несколько лет Галю отправляли в Крым: почудилось папе, что у нее что-то в легких. Вечно он над ней дрожит, даже смешно!

А все-таки Женя Попов прислал письмо первый: «Дорогая Аня».

Пока не было письма, ей казалось, что она... ну, что она хочет дружить с этим Поповым, что, может быть... А теперь ей ничего уже не кажется, прислал письмо и прислал, и никакая тут не любовь... Когда придет любовь, то разве ей так будут писать, так говорить? Ей скажут те невероятные слова, которые она иногда придумывает. Ей скажут: «Любовь моя...» Ей скажут: «У меня сердце замирает, когда я слышу легкий шум твоих шагов...»

— Мне буханку белого, пожалуйста!

Продавщица молодая, незнакомая. Раньше была старушка, которая всегда говорила: «Смотрю на тебя — ну, живая Катечка! И волос, и взгляд, и походка...»

А бабушка, когда слышит такое, только головой качает: куда уж Гале до ее ненаглядной Катечки! И однажды высказалась:

— Эх, Галочка!.. Где сосна умерла, на том месте сосна больше не вырастет.

— А что же вырастет, бабушка?

— Елка вырастет. Тоже зеленая, тоже зимы не боится, а все ж таки не сосна.

— А когда елка умирает?

— А когда елка, то на том месте березка вырастает. Белоствольная. Вот и ты у меня после Катечки, как березка.

Нет, не заменит ей Галя маму, и, видно, никто не заменит, хоть есть у нее и сыновья и внуки.

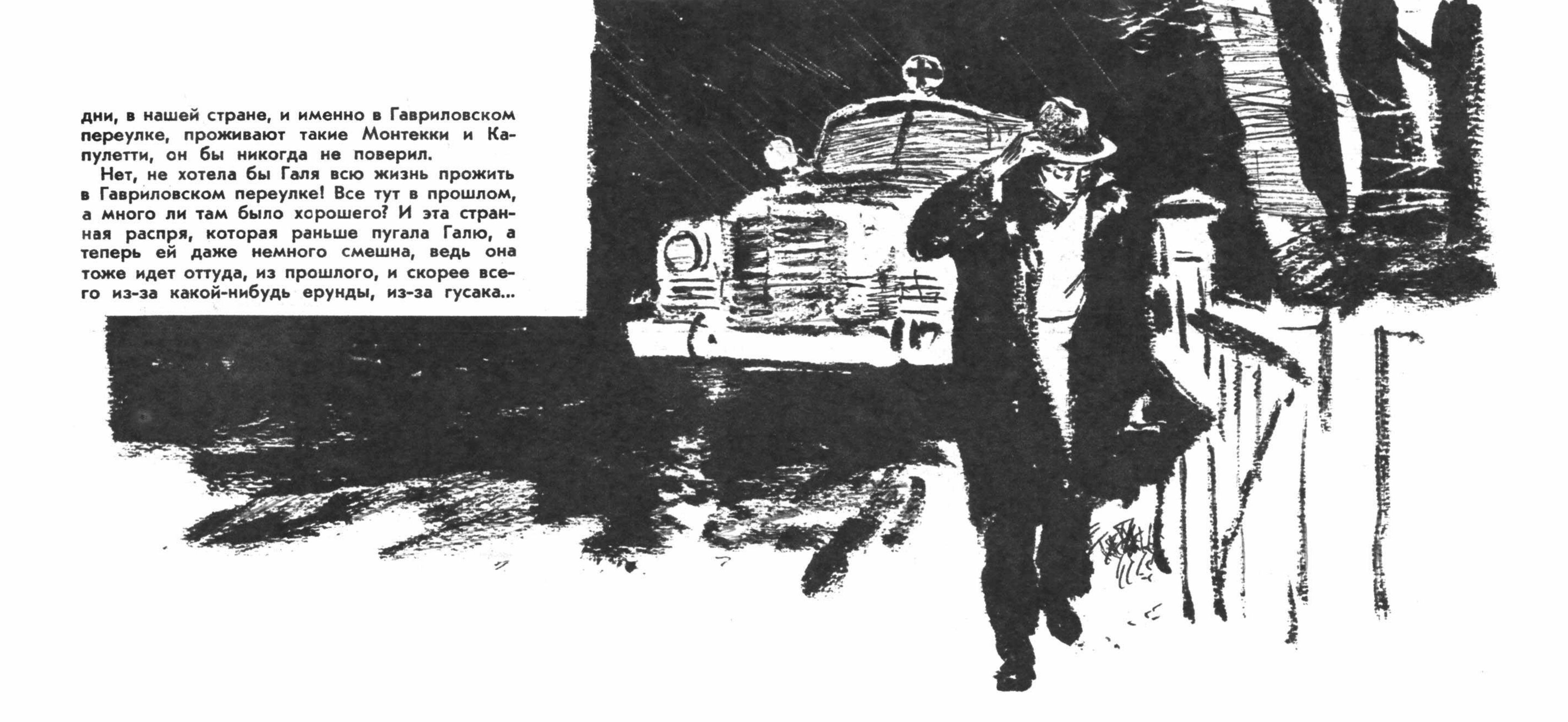
Галя любит бабушку, хоть с ней не так-то легко. И любит ее маленький дом, выбеленный подсиненной известкой, и калачики, и фуксии на окнах, и вот эту теплую рассыпчатую пыль под босыми ногами...

Осторожный гудок сзади. Галя отскакивает на обочину. Неслышная и плавная, в облаке пыли проносится длинная машина и останавливается у Скор... у соседских ворот. Значит, приехал из Москвы старший Сидоренчихин сын, Павел, у которого мальчик Борька. Наверно, Борьке уже скоро в школу идти, а был такой маленький пискун, когда она видела его в последний раз.

Галя с ним незнакома. Феодальная распря. Если бы рассказать Жене Попову, что в наши

дни, в нашей стране, и именно в Гавриловском переулке, проживают такие Монтекки и Капулетти, он бы никогда не поверил.

Нет, не хотела бы Галя всю жизнь прожить в Гавриловском переулке! Все тут в прошлом, а много ли там было хорошего? И эта странная распря, которая раньше пугала Галю, а теперь ей даже немного смешна, ведь она тоже идет оттуда, из прошлого, и скорее всего из-за какой-нибудь ерунды, из-за гусака...

У калитки Галя вытирает розовым подолом пыльные ноги и опять втискивает их в туфли.

— Бабушка, а на соседской черешне цветы. Подумай, август, а черешня вдруг зацвела!

— К чему бы это? — говорит бабушка и задумчиво поджимает губы.

— А что, это не к добру, да?

В кротком Галином голосе бабушка что-то улавливает.

— Ну, ну! — говорит она обиженно.— Смейся, смейся с чужого горя!

— Бабушка, да разве я смеюсь? Только помнишь, когда у нас курица петухом запела, ты ее сразу зарезала.

— И правильно. Не к добру это. Что она, сказилась, петухом петь?

— А потом сама жалела. Лучшая твоя несушка была.

— И правильно,— говорит бабушка, не слушая.— Ох, парит как! Гроза собирается, чуют мои кости, у меня уже и пальцы задеревенели! Не люблю я грозы.

Небо ясно, в сонном золотистом зное дремлет во дворе высокий тополь... Галя идет в сад, она сейчас будет писать ответ Жене Попову. И в конверт... В конверт можно было бы положить белый цветок черешни. Ведь это интересно — цветок черешни в августе!

Она подходит к забору. Цветов на дереве немного, их можно сосчитать. Но Галя медлит: ей почему-то трудно сорвать одну из этих бело-розовых звездочек. Она медлит, и стоит у забора, и слышит, как у себя в доме разорятся страшная старуха:

— Обдуть меня хотели? Не пройдет вам номер! Думаете, стара стала Сидоренчиха, так и не видит, не понимает? Думаете, я продам вам дом за стопку водки, за хвост селедки? Да чтоб вы не дождали! Да я в исполком пойду!

— Мама,— звучит негромкий, по-московски акающий голос,— да бросьте же вы, право! Ведь вы сами подписали! Вот они говорят...

— А, и ты против меня! Родной сын против матери! Люди добрые, смотрите! Родной сын с ворогами против матери! Ему, видно, не жаль материного добра, не надо материного наследства!

Галя уходит обратно в дом, так и не сорвав цветка.

Вечер был тусклый и душный, птицы покрикивали тревожно, и бабушка была неспокойна: гремела кастрюлями, выдвигала зачем-то ящики комода, кричала на деда. Тот отмалчивался, пощипывая свои седые запорожские усы. Галя только дивилась: до чего покорен своей строгой жинке этот Тарас Бульба! «Наверно, он в молодости был похож на Андрия»,— думала она.

Гроза разразилась к ночи. Она шла издалека, и сперва казалось, будто она устала, истомилась в дороге, так лениво, словно не всерьез, погромыхивал гром, так недружно и редко падали теплые капли. Потом тополь во дворе испуганно лопотал листвой, в окно сверкнула синяя молния, что-то сорвалось, загрохотало — и гроза забурлила, загремела, захлопала ставнями... Галя не спала и слышала, как бабушка вставала, пила воду, негромко ругала деда, искала свечу: гроза, видно, что-то повредила, и электричество не горело.

— И что тебе не спится? — удивлялся дед.— И ходит и ходит... Ну, чего ты ходишь?

— У Скорпиона-то...— вдруг сказала бабушка ясным голосом,— что-то случилось. Я выходила ставни закрывать, машину видела, «Скорую помощь».

— Ну? — сказал дед.— Пойти узнать. А вдруг с Павлом что или с пацаном?

Заскрипела деревянная кровать: дед сел.

— Куда? — рассердилась бабушка.— Куда ты пойдешь на ночь глядя? Без тебя там не обойдутся? Тоже мне врач нашелся! Спи! Это у Скорпиона припадок сердечный: ее чуть покупатели не обманули. Жила, как зверь, и помирать будет, как зверь, — от жадности.

Скрип кровати. Вздох. Тишина. И снова приглушенный бабушкин голос:

— Петро, ты не спишь, Петро?

— Не сплю,— отвечает дед сипло.

— А тяжко ей умирать будет,— говорит бабушка.— Сколько у ней на душе всего! Как она перед своим богом покажется, богомолка?

— Раньше люди говорили,— откликается дед, и по голосу слышно, что ему уже не хочется спать,— когда ведьма умирает, надо крышу разобрать чи половицу вырвать. Чтоб было куда ее душе уйти. У ведьмы душа грешная, тяжелая...

— Молчи уж, безбожник! Нет, пришел ее час, пришел!

Тишина. Гале кажется, что в комнате нечем дышать. Человек умирает — пусть жадный, пусть даже скверный человек,— а они радуются. А если действительно там нужна помощь?

— Ты куда, Галю?

— Бабушка, я пойду туда... Я не могу... Она же человек, в самом деле! Может, там помощь нужна?

— Вон ты как! Человек! — Бабушка выпрямляется, и в слабом свете свечи Галя видит застывшее, холодное, почти чужое лицо.— Ну что ж, иди! — говорит она холодным, чужим голосом.— Да не забудь спросить, сколько она от фашистов получила за Славку, за его чистую душу! Сколько ей заплатили, спроси у нее, за Катины вечные слезы!

— Настя! — предостерегающе говорит дед.

— А что? Она девка молодая, пора ей правду узнать! А то помру я, кто ей расскажет? Тебе до сих пор никто ведь про Славку не говорил? Ни Нина, ни папа твой? Ну, как же, и меня просили молчать, не мутить твою душу! Нет, где уж тут молчать, если ты Скорпиона утешать собралась! Сердобольная!

Большая, темная, бабушка проходит по комнате и останавливается спиной к окну, сжав на груди руки. И опять гремит гром — долго, гневно, неохотно затихая.

— Они вместе учились — Катя и Николай, папа твой... А Славка к ним уже в старших классах пришел, его из другой школы перевели. Отчаянный парень был; учителям нагрубил — его и перевели. Сам невысокий, кучерявый, глаза так и горят, на цыгана похож. Вроде у него мать не то румынка была, не то цыганка, не знаю, они не в нашем районе жили, я ее и не видела никогда; знаю, что замуж чуть не каждый год выходила; Славка, я думаю, и отца-то своего не знал. И вечно он всех перекривлял, со всех надсмешки строил; за это, я думаю, его и учителя не любили. А мама твоя, как он пришел... Уж я ее и ругала, и уговаривала, и Славку на порог пускать запретила... Куда там! Как мне ее все равно подменили!

Бабушка тяжело вздохнула, и пламя свечи заколебалось, задрожало.

— Сколько я ночей из-за него, хулигана, не спала, сколько слез выплакала! Думала: не будет Катечке с ним счастья, несамостоятельный парень, все надсмешечки, все шуточки... Да еще мать такая... Говорю Кате: «Ты что себе думаешь? Ведь с ним горя намыкаешься! Брось ты его лучше сама», — говорю. Да что ей мои слова! Один раз — они уже тогда в институтах учились, он в этом... в связи, а Катечка в своем, в учительском — я ее на ключ заперла, чтоб к нему не убежала. Так она, что ж ты думаешь, в окно выскочила!

И вдруг что-то у них случилось, у Катечки и у Славки. Не знаю, вот до сих пор не знаю, что у них такое вышло. Только не от моих слов это сделалось. То раньше он каждый вечер у нас под окнами Катю ждет: в дом-то я его не пускаю, так он под окном стоит, песенку какую-то насвистывает, и Катя к нему выбегает. А тут нет его и нет, и она дома сидит, тоскует, по ночам плачет, а виду не подает.

— Гордая была,— сказал дед.— Все ваша порода, горе мое!

— Наша порода! — с гордостью согласилась бабушка.— Вот уж Галя в тебя — сердобольная, отходчивая! Ну, томилась она, томилась, Николай к ней все ходил, успокаивал, она вроде и успокоилась. В июне, в первое воскресенье, и записалась она с Николаем; не

в мае, чтобы всю жизнь не маяться. И мы с дедом радовались.

— Это ты радовалась, — сказал дед.

— А ты? Ты, скажешь, не радовался? Сам говорил: хороший парень, самостоятельный и нашу Катечку с детства любит.

— Он-то любил, — сказал дед с горечью. — А она? Ты мать, почему ты ей не сказала?

— А что я могла ей сказать? Что?

У них шел свой, налитый давней болью разговор, и оба они на минуту забыли про Галю, которая слушала, не дыша, не чувствуя, как холодеют спущенные с кровати ноги. Гроза стала удаляться, гром гремел реже и тише, свеча оплывала на столе, и длинная бабушкина тень, качаясь, всползла по занавеске на потолок.

— На свадьбе все соседи были, и Скорпион была с мужем и с Шуриком маленьким. Муж у нее с дедом на одном заводе работал, тоже слесарь был. Только по-настоящему он хоть и на заводе работал, а был обыкновенный частник. К нему со всего города маникюрши ходили: он им инструмент чинил, первый мастер был этого дела.

— Не чинил, а точил, — поправил дед.

— Ну, точил! Это его Скорпион заставляла, ему бы на что? Ну, денег у них было, отрезов, вещей всяких — что и говорить! И хозяйство: корова, поросенок, куры... Как помещики, жили. Славка, когда я его еще в дом пускала, бывало, подойдет к забору и кричит: «Эй, тетя Сидоренчиха, в комитете комсомола говорили, завтра вас раскулачивать придем!» Ох, и не любила же она его!

Если б не война, может, ничего бы и не было. А тут — в понедельник это было, на второй день войны, — вдруг в комнату входит Катя, а за ней Славка. Я и глазам своим не поверила.

— Что уж тут: верить не верить!.. — пробормотал дед. — Мне, мужчине, и то видно было, как она его при нас да при муже своем поцеловала.

— На войну провожала, вот и поцеловала! — строго сказала бабушка. — Они с Николаем на фронт в один день уходили, сразу. Потом и дед добровольцем пошел, как же! Герой гражданской войны, как там без него справятся! Уж я плакала-плакала, да разве ему докажешь? Упертый, старый черт, прости меня, господи! А тут эвакуация, да немцы все ближе... Славкина мать тогда умирала, у Кати на руках и умерла, оттого мы и не ушли никуда. Как ее схоронили, уже не уйти было и не уехать.

У Скорпиона тоже в те дни муж в больнице лежал: рак у него был, — он уже при немцах умер. А Павка, и другой сын у нее был, Василь, те на фронт были взяты. Оставалась одна она с Шуриком. И стала она до меня и забегать: видно, скучно ей одной-то; все меня точила. «Ну, где твои большевики? — спросит. — Много они тебе помогли? Где они теперь? Ищи ветра в поле!» «Как же ты, — скажу, — можешь так говорить? У тебя ж у самой сыны в Красной Армии». «А что сыны? — скажет. — Эти сыны порченые, они бога не боятся. — Она уже тогда богомолка была, в черном платке все ходила, как монашка. — Один у меня сын остался, Шурик, я его человеком сделаю. Все добро ему оставлю».

Мы с Катей тихо жили. Про первую зиму и вспоминать неохота, а весной двор картошкой засадили и стали ничего жить: я по хозяйству, она в школе у себя, когда школы пооткрывались. Потемнела вся, аж черная ходит, куда и красота ее подевалась... Я-то, положим, даже рада была, что она немцам в глаза не кинется, а все ж таки сердце болело. Придет из школы, поест, чего я приготовлю, сядет в угол и молчит. И молчит и молчит. Зимой она вдруг повеселела, когда немцев от Москвы погнали.

А летом опять у немцев успехи пошли, опять Скорпион ко мне бегает, дразнится. А Катя молчит. У нас репродуктор был; я включу, бывало, а она выключает. Раз выключила и говорит: «Господи! Ведь есть же где-нибудь партизаны! Где ж они? Как их искать? Что делать?»

И еще зима прошла. И вот — в середине марта это было — ночью однажды я сквозь сон слышу: кто-то под окном у нас насвистывает негромко так. Что, думаю, такое, кто к нам добирается?

Сама застыла, языком пошевелить не могу. Вдруг слышу, Катя прыг с постели да к двери... Ничего не спрашивает, запором гремит, отворяет. Я говорю: «Катя, да ты что?»

И входит невысокий такой мужчина, прилично одетый, в пальто, в шляпе; лица не видать. Да неужто я его, горе мое, не узнаю хоть в какой темноте?! А он, халамидник, еще смеется. «Ну как, — спрашивает, — тетя Настя? Примете сегодня или аревуар-бонжур-сесиль?» Такая поговорка у него была еще в школе.

«Ты что, — говорю, — никак отвоевался?»

«Из плена я», — говорит.

Катя стоит рядом, его за руку держит, словно не верит, и молчит. А я приглядываюсь. Что он, меня на дурницу провести думает! Что я, пленных не видела? Он хоть и похудел, а все-таки у него мясо на костях есть, такие из плена не выходят.

Остался он у нас жить. В кладовочке я его поселила; теперь у меня там кадушки с огурцами. Я все приглядываюсь. Вижу, он днем прячется; выходить выходит, да только по ночам; пропадает где-то день, два, потом опять ночью приходит. У меня уж за него сердце изболелось: поняла я, что он не зря от людей прячется. А Катя, когда нет его, не спит, все со мной о нем разговаривает: какой он храбрый да какой бесстрашный. Объяснила, что он партизан, к нам в город для связи послан и на парашюте прыгал. Как был, так и остался отчаянный.

Он и Катю куда-то по своим, видно, делам посылал. То раньше она дома все сидела, а теперь куда там! И опять вся улыбается, светится! Сводки мне все читает московские — у них теперь появились. Но вижу, не только сводки тут. Что ж я, не живой человек, не понимаю? «Катечка, — говорю, — что ж ты себе думаешь? Что же ты со своей жизнью делаешь?»

Как она на меня посмотрит, как глазами полохнет! «Мама, — говорит, — все равно мне без Славки не жить. И вы мне, мама, — говорит, — про Николая не вспоминайте. Я перед ним не виновата».

— Не виновата! — с горечью сказал дед. — Мужу жена не виновата!

— А что, скажешь, виновата? Он ее замуж брал, что ж он, не знал, что Катя спит и Славку во сне видит?

— А зачем она шла? Кто ее неволил?

— Кто, кто... Гордость ее проклятая, вот кто!.. Тот дурак в обиду, она в обиду — так и получилось. Думала, наверно, что забудет, и забыла бы, не будь войны! Слушай, Галочка! И вот когда стал Славка у нас жить, то уж пуще всего мы боялись Скорпиона. Как войдет она, я стараюсь куда уйти, чтоб она в хате не задерживалась. Может, это ее заело, а может, просто она приглядываться стала, только раз в воскресенье встречаю я ее на улице, она с Шуриком из церкви идет. И она говорит: «Что-то мне показалось, будто ночью на улице кто-то насвистывал, дьявола, прости господи, вызывал. До вас, что ли, кавалеры ходят?» У меня все перевернулось: верно, ночью Славка опять уходил и, чтоб меня не будить, Кате посвистел. «Не знаю, — говорю, — до нас ходить некому; так, какой пьяница, может, мимо шел...» «Да мне вроде свист знакомый показался, — говорит, а сама все мне своими глазищами так душу и сверлит. — Вроде я этот свист раньше часто слыхала. Уж не приехал ли тот голодранец?» «Ты про что?» — спрашиваю.

Да. Славке я сказала: «Ты как ночью придешь, больше не свисти, мало ли что. Постучи, я тебе открою».

Посмотрел он на меня внимательно. «Хорошо,— говорит,— тетя Настя, я вас понял. Капиталистическое окружение».

И вот раз под вечер приходит до нас Скорпион — и прямо на кухню. Хорошо, Славка у себя в кладовочке, закрывшись, сидел! Ну, заводит она опять свое: «Много тебе дали твои большевики? Помогло твоему Петру, что он у них в красных конниках был?» «А твоему,— говорю,— много помогло, что он у тебя за печкой, как мыша, ховался?» Так разговариваем, как всегда. Я ей говорю: «Ты не очень-то сейчас разговаривай, а то скоро твои сыны с Красной Армией придут, спросят, как ты их тут поджидала». «Что ты, — говорит, — все мне сынов тычешь? Разве б они такие были, если бы не Советская власть? Мои бы дети купцы были. Мы бы богатые люди были. Если бы не переворот их проклятый, знаешь, сколько б моя земля стоила?»

Смотрю я на нее — сказать ничего не могу. Ну, что с ней, с истуканом таким, разговаривать? И тут, слышу, дверь стукнула: Катя пришла. Я не успела и дыхнуть, как она на кухню и на ходу жакетик снимает.

Как глянула на нее Скорпион, у меня и сердце зашлось. Ну, думаю, пропали мы: все поймет. Ведь Катечка-то уже в положении была, живот видно было.

— Что ты ребенку такие вещи рассказываешь?! — рассердился дед.— В положении, в положении!.. Тьфу!

— Не слушай его, Галочка, ты девушка молодая, тебе надо правду знать. И вот как глянула она на Катечку, так у нее лицо такое ехидное стало. «Что ж, крестница, — спрашивает,— видно, не скучно без мужа молодой?» А Катя — ну что ее толкнуло! — говорит: «А у меня муж со мной, что мне скучать?» «Где ж ты его ховаешь, что ж родне не кажешь?» «Придет час, покажу!» «Какого же это ты часа ждешь? Уж не своих ли красных, когда придут?» «А хотя бы!» «Видно, муж твой у них героем?» «Может, и так!»

И так они быстро словами перекидываются — раз-раз! Как пулемет. Стоит Катя против нее — одного роста они были — да так смотрит на нее, так лицо у ней горит, глаза блестят! Вот как сейчас ее вижу!

Тут я и говорю Скорпиону. «Ну, — говорю,— иди, Скорпион! Все высмотрела, все вынюхала, теперь иди! Нечего,— говорю,— тебе тут больше делать!» И пошла она от нас, как побитая собака. Только в дверях остановилась и говорит: «Ну, хорошо же, родственнички, спасибо вам за ласку, я ее не забуду, да и вы не забывайте!»

И вот ушла она. Славка из кладовки вышел, одетый, пальто на руке: осень уже была, дождь лил. «Ну,— говорит,— теперь мне здесь больше оставаться нельзя, а то я вас сгублю и дела не сделаю. Спасибо вам, мама»,— и тут в первый раз мамой меня назвал.

«Это я виновата,— Катя говорит.— Не могла я перед ней стерпеть...»

«И правильно! — говорит.— Мы с тобой люди, что ж нам от Скорпиона хорониться! Я и сам хотел к тебе выйти, да подумал, что она визг поднимет! Ну, ничего, скоро наши придут, уже недолго осталось, а теперь,— говорит,— станем, повинимся перед мамой, если что не так делали... Пусть она нас благословит...»

И откуда он это слово-то взял? Он прежде его и знать не знал, наверное! Вот стали они передо мной на колени, я, было, к иконе. А потом думаю: как же к ним с иконой, они же неверующие! Нет, думаю, я их просто родительским словом благословлю. И сказала я им: «Дети мои! Благословляю вас родительским благословением, вовеки нерушимым. Живите,— я им сказала,— в любви! И бога не забывайте, людей не обижайте!» Это я уже так сказала, как полагается.

Вот так, Галочка, я говорила твоей маме и мужу ее нареченному, невенчанному.

Бабушка длинно, прерывисто вздохнула.

— И ушел от нас Славка. И больше мы его не видели, ни живого, ни мертвого. Той же ночью пришли к нам полицаи, искали чего-то, искали, ничего не нашли, а потом Катечку увели, маму твою. И сидела она в тюрьме до самых Октябрьских праздников, пока наши пришли и ее освободили. Допрашивали ее там, мучили, почки отбили... Прожила она еще семь лет, но разве то она была? Так я больше у нее светлого лица и не видела.

А про Славку нам потом партизаны рассказали. Он от нас на другую квартиру ушел, к железнодорожнику одному, а за тем, оказывается, следили. Пришли их брать, они отстреливаются. Сколько там тех полицаев, гестаповцев полегло — и не сосчитать! Славка, когда один остался, гранату бросил и сам взорвался. Отчаянный был парень.

— Герой он был! — сказал дед твердо.— Герой советского народа.

— Я и говорю, отчаянный!

Помолчали.

— Бабушка,— спросила Галя дрожащим голосом.— А ребеночек? Так и не родился?

И опять стало тихо.

— Почему не родился? — сказала бабушка.— Родился. Девочка родилась. Галей назвали.

Комната наполнилась звоном и тьмой, и Гале показалось, как будто на нее навалилась какая-то огромная подушка, которая не дает ни вздохнуть, ни подумать. И сквозь эту подушку она слышала:

— Так как же ты мне велишь, сердобольная? Идти до нее? Ухаживать, спасать? Нет, пусть бы она на глазах моих помирала — я бы ей воды не поднесла; пусть бы с сумой ходила — я б ей куска хлеба не дала! И когда Шурик ее потонул, я знала: это ей за Катю мою, за Славика, за тебя, Галочка, внучка моя сердобольная!

— Но почему?..— спросила Галя без голоса.— Почему ее не судили потом? Почему вы не пошли?..

— Почему, почему!.. Сестра ведь она мне! Родная сестра! На два года и старше всего.

— Тетя Настя! Очень вас просим, придите проводить мать.

— Спасибо за приглашение,— степенно отвечает бабушка и туже затягивает под подбородком концы белоснежного платка.— Только я не пойду: мне там делать нечего.

Дядя Павел — толстый, желтолицый, усталый — не уговаривает больше: поворачивается и уходит. А бабушка остается у окна, и сидит, и молчит, и смотрит. С той самой ночи она молчит, словно вся выговорилась. Молча собирает на стол, молча входит и выходит. Так же молча подала она Гале конверт со старыми письмами — все, что осталось от мамы.

И Галя третий день все читает эти письма. Они написаны знакомым папиным почерком — прямые, никуда не клонящиеся буквы. Оказывается, у него с самого детства был такой почерк.

«Катенька! Мы со Славкой бежим за билетами. В полвосьмого будем у твоего дома. Условный свист: «Скажите, девушки...»

«Катя! Мой девиз: ННН — несмотря ни на что».

Это написано на клочке бумаги. Как это сохранилось?

«Можешь смеяться, что у меня нет самолюбия. Для меня нет никого, кроме тебя. Я знаю, что любовь завоевать нельзя, иначе ты бы меня любила. Но ведь другом своим ты не перестала меня считать? Почему же...»

Письмо-треугольник — самое начало войны. Как оно успело дойти, боже мой?!

«Я виноват перед тобой, перед вами обоими. Я должен был знать, что ты не переставала любить его. Прости меня, Катя, если можешь. Позволь мне остаться твоим другом — навеки, до смерти, до края...»

Последнее письмо — в желтом конверте, с обратным адресом. С их теперешним ленинградским адресом.

«Катенька, дорогой, любимый друг мой! Позволь мне приехать за тобой и Галочкой. Здесь врачи, профессора, друзья. Мы поставим тебя на ноги, клянусь тебе, Катя...»

Осторожно входит дед. Он с рассвета у соседей: помогал сколачивать гроб. Вид у него виноватый, усы обвисли.

— Настю! — говорит он негромко.— Може, зашла бы туда на минуточку? Все ж таки сестра. А? Настю?

— Иди до нее,— говорит бабушка, не поворачивая головы.— Иди, сердобольный.

— А ты как же? Настю?

Бабушка молчит и смотрит на улицу. Дед тихонько откашливается, глядит на окаменевшую прямую спину, потом машет рукой и уходит, стараясь не скрипеть сапогами.

А от другого?.. От отца ни письмеца, ни записочки. Он не писал, не любил писать? Или, может быть, мама все уничтожила, чтобы не помнить, не вспоминать? Только фотографию сохранила — маленькую, «пятиминутку», с отломанным уголком... Темное веселое лицо, длинные губы смеются... И этот подбородок, крутой, раздвоенный, — вот, оказывается, откуда он у Гали...

В комнату без стука с разбегу влетает незнакомый мальчик лет шести. На нем короткие штаны и вышитая украинская сорочка. Он подбегает к бабушке, не оглядываясь по сторонам, не сомневаясь.

— Бабушка Настя,— говорит он удивительно светлым, каким-то щебечущим голосом.— Пойдем к нам. Мы все тебя очень просим!

Ну да, это же Борька, сын дяди Павла. Вот он какой! Бабушка смотрит на него, а он уже тянет ее за руку, стаскивает с места.

Бабушка встает.

— Пойдем, Галю,— говорит она и опять затягивает платок под подбородком.— Тебе тоже надо. Голову покрой.

Такое золотое, хрустальное, росистое великолепие стоит на дворе в это утро, так дружно пахнут свежестью тополя, и яблони, и чернобривцы на круглой клумбе, так счастливо сияет солнце, будто идет не август, а май и долгие летние дни еще впереди...

В переулке оживление. Знакомые старухи стоят у соседской калитки. Они помнят Сидоренчиху владелицей всей той земли, на которой стоят их домики, на которой выросли их дети... С ней уходят их последние воспоминания о трудном, бедном и голодном времени, но это — время их молодости. И они пришли проводить это время и свои воспоминания.

Когда Галя с бабушкой входят в сумрачную, душную комнату, люди расступаются, и Галя видит высокий стол, свечи, охапки мокрых еще цветов и желтое каменное лицо с закрытыми черными веками. Не сразу она понимает, что это и есть Сидоренчиха. Дядя Павел идет к бабушке навстречу и хочет под руку подвести ее к гробу, но она слегка отталкивает его и идет твердой поступью, ни на кого не опираясь, не отрывая глаз от неживого лица. Священник — не старый еще, в черной рясе, с длинными волосами и подстриженной бородой — посторонился, заметно робея. Бабушка села на стул у изголовья покойницы, сложила на коленях тяжелые, негнущиеся руки. И в комнате стало совсем тихо.

— Сестра моя Катерина,— говорит бабушка ровным голосом.

Галя чувствует, как у нее по спине вдоль позвоночника пробегает тонкий быстрый холодок.

— Я прощаю тебе,— говорит бабушка,— что ты нашу мать убила из-за жадности своей лютой...

Священник испуганно издали осеняет крестом бабушку, а заодно и покойницу.

— Я прощаю тебе,— продолжает бабушка,— что ты дочку мою Катечку немцам выдала.

Я прощаю тебе, что ты зятя моего нареченного, Славика, погубила и дочку его без отца оставила.

Я прощаю тебе, что ты внучку мою Галочку сглазить хотела.

Я прощаю тебе, что ты котенка ее повесила, последнюю радость у сироты отняла.

Мерно падают бабушкины слова, и люди смотрят на нее и слушают, и даже священник стоит, опустив руки, и не крестится больше. Рядом с ним стоит незнакомая румяная женщина в черном платке; она смотрит на бабушку, приоткрыв в изумлении рот.

— И прощаю я тебе, что смолоду на тебя, как батрачка, работала, на жадную, ненасытную твою утробу.

И прощаю тебе, что ты мужа с женой разлучить хотела.

Дед досадливо машет рукой и отворачивается.

— А моей вины перед тобой нету! — гордо заключает бабушка. — Перед людьми говорю: на твое добро не завидовала, тебе зла не делала, все ждала, когда тебя твоя совесть замучит. Не в чем мне перед тобой каяться.

Бабушка встает.

— А теперь, батюшка,— сказала она священнику,— можете служить панихиду. На кладбище я не пойду, а ворота открою.

Тот поклонился, перекрестился и что-то сказал румяной женщине в черном платке. Она опустила глаза и, не меняясь в лице, завела бесцветным голосом:

— «Со святыми упокой...».

Маленькая рука легла на Галину влажную ладонь.

— Пойдем,— шепнул Борька.— Папа сказал, что нам с тобой не надо этого слушать.

После дымного сумрака, густого ладанного духа, тяжких бабушкиных прощений, похожих на проклятия, странного тонкого пения опять Галю охватила успокоенная тишина утреннего сада. И опять — в который раз за эти дни! — ей показалось, что все ей приснилось, но, мертвый и темный, стоял среди сада этот низенький, приземистый, давно не беленный дом с закрытыми ставнями, и за ставнями была смерть, которая поселилась там давно-давно...

Сейчас ее унесут, эту страшную женщину, которая жила только ненавистью. Разве можно жить ненавистью? Унесут ее — и мертвый перестанет хватать живого, и жизнь пойдет без нее, и память о ней угаснет... Приедут другие люди, побелят стены, начнут жить...

Борька вздохнул и сказал:

— Мы тут не останемся. Папа сказал: не надо нам этого дома.

— И правильно,— говорит Галя.— Это нехороший дом, не надо вам его.

— У меня папа в Москве был веселый,— говорит Борька.— А сюда приехал — и не смеется никогда. А твой папа веселый?

— Очень! — говорит Галя. — Он очень хороший, мой папа!

Он очень хороший. Но почему, почему они с тетей Ниной скрывали от нее правду? Думали, что она не поймет? Но ведь ей уже пятнадцать лет! И как ей быть теперь? Признаться ли, что она все знает? Знает и поэтому любит его еще больше? Он поступал все время так хорошо, но почему же он испугался правды?

Борька дергает ее за руку.

— Пойдем! — говорит он таинственно.— Я знаю одно место... Пойдем!

Он бежит вперед, то и дело оглядываясь и прижимая палец к губам, и вдруг останавливается у забора, у того места, где черешня перекидывает к бабушке свои нарядные ветки, похожие на белые рукава.

— Вот! — торжествующе говорит он. — А теперь подними меня, я нарву цветов. Раньше бабушка не разрешала, говорила, что они ваши, раз на вашей половине. А теперь ведь можно, да?

— Теперь можно,— говорит Галя.— Рви хоть все, мы не жадные.

Она поднимает Борьку. Он торопливо рвет белые звездочки, вот у него уже полны руки.

— Ты не бойся,— говорит Галя.— Черешне это даже полезно. Ей сейчас нельзя цвести, это у нее как болезнь. Сойди на землю, я тоже нарву.

Этот цветок папе. Этот тете Нине. Этот... Жене Попову?

— А почему она болеет? — спрашивает Борька, поднимаясь на цыпочки.— Ее, наверное, лечить надо?

— Поселятся тут добрые люди,— говорит Галя певучим голосом, похожим на бабушкин,— и будут ее лечить, заботиться о ней. И будет она цвести, как все деревья, весной... За деревом тоже надо смотреть, и ухаживать, и любить, и растить... А потом будут ягоды...

— Я люблю ягоды,— говорит Борька.

Заунывное, тонкое пение раздается в саду: из дверей выходит священник, махая длинной лампой, из которой синими клубами валит ладанный дым; за ним — румяная женщина. Потом — одна, ни на кого не опираясь,— бабушка. А за ней дед, и дядя Павел, и еще двое мужчин выносят длинный некрашеный гроб. Старухи, обитательницы Гавриловского переулка, идут за гробом чинно, не переговариваясь, опустив глаза.

Бабушка подошла к калитке и распахнула ее широко, как только могла.

— Скатертью дорога! — сказала она звучно.

И когда последняя старуха, глядя себе под ноги, переступила за ворота, бабушка повернулась, нашла глазами Галю и сказала:

— Пошли домой. Нам в этом гнезде делать больше нечего.

— И я с вами! — сказал Борька.

ЗОЛОТО СЕВ

Дорогая редакция!

Расскажите, пожалуйста, о тех, кто ищет и добывает золото и другие драгоценные металлы.

Н. ЧУБАКОВА.

Елец, Липецкой области.

Вл. РУДИМ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Искатели твердых солнечных лучей

Сердито и холодно шумит речка. На склонах сопок наклонились друг к другу лиственницы, словно обнялись, как подружки. Обточенные ветрами гольцы похожи на каких-то зверьков, ставших на задние лапы. Меж деревьев пылают фиолетовые костры кипрея. От сырости мурашки бегут по спине. И все-таки как волнует и восхищает эта суровая красота чукотского Заполярья!

На берегу нас двое — главный геолог Сеймчанского геологического управления Салат Михайлович Абаев и я. Зеленая двукрылая «Аннушка», посадившая нас на косе, уже скрылась за сопками. С непривычки как-то неловко себя чувствуешь: все связи с миром прерваны, и ты с глазу на глаз с тайгой.

— По нашим прогнозам, в районе той партии, куда мы направляемся, должно быть найдено золото! Новое месторождение, понимаете! — говорит Абаев.

Глаза у Салата Михайловича карие, и когда он поворачивается к солнцу, кажется, что в них загораются золотинки.

— Золото! Это же самая высокая награда геологу за все его труды и лишения!

Закидываем за плечи рюкзаки — в них по паре белья, несколько плиток шоколада и буханка хлеба. В путь!

В одной протоке коварная галька вдруг осыпалась под нами, и мы очутились в воде. Хорошо еще, что у Салата Михайловича была палка — с ее помощью выбрались на твердое место.

— В тайге с техникой безопасности дело очень сложно, — улыбается он. — Тут что угодно может случиться самым неожиданным образом.

Выливаем воду из сапог, меняем портянки, предусмотрительно захваченные Салатом Михайловичем. Мокрые портянки привязываем к рюкзакам: пусть сохнут на ходу.

Через полчаса Салат Михайлович остановился:

— Начинается проклятая кочка́!

Я еще не знал, что это такое, и с любопытством рассматривал усеянную кочкарником долину. Мохнатые кочки, покрытые густой шапкой жесткой осоки, были чем-то похожи на верблюжьи горбы. Они стояли то редко — и тогда приходилось хлюпать по болоту, то теснились густо — и тогда мы пытались идти прямо «по головам», которые пружинили, качались и сбрасывали нас. Грешникам в аду шагать бы по такой дороге!

— Зато вы ходите по земле, где до вас никто не ходил! Вы сейчас как первооткрыватель, разве не заманчиво? — говорит Абаев.

Конечно же, заманчиво! Чувствовать себя первооткрывателем, идти по земле, еще совсем не тронутой цивилизацией, по земле, исхлестанной пургами, ливнями, исхоженной зверем, облетанной птицею, но совсем еще не знающей, что такое человек, — как это здорово! Скоро эта земля будет разбужена, разгадана, человек укротит ее, обуздает.

Двигаемся дальше. Погода начинает портиться: моросит дождь, поднимается туман. Вскоре он становится таким густым, что идти уже опасно: можно заблудиться.

Стало очевидно: сегодня не добраться до партии.

Резко похолодало, мы давно уже надели ватники. У нас нет ни положка, ни спальных мешков. Придется коротать ночь у костра. Абаев выбрал место возле кустов кедрового стланика: он знал по опыту, что там, где стланик, должно быть сухо. Я принялся ломать ветки стланика для костра. Салат Михайлович меня остановил: это дает много дыму, но мало жару. Валежник бы...

Запылал огонь, горячо дохнул в лицо. Салат Михайлович разжег и второй костер — на галечнике. Когда он прогорел, мы смели ветками пепел, укрыли горячую гальку стлаником и улеглись на этой постели, источающей сильный смоляной аромат. В общем, не так уж плохо. Одно лишь неудобно: все время нужно ворочаться, так как снизу греет, а сверху холодно. Температура упала едва ли не до нуля — вот какое оно, северное лето!

Я взглянул на Салата Михайловича. Он лежит на спине, заложив руки под голову, и о чем-то думает.

Костер освещает его лицо, выдубленную северными непогодами щеку, сильный подбородок с ямочкой, как у ребенка. Эта ямочка — своеобразный «паспорт» характера Абаева, мягкого, по-восточному открытого, непосредственного — он родился в Осетии.

Мы вспоминали далекую Осетию, маленький высокогорный аул Цей, где родился Абаев...

Семья была большой и бедной. Босоногий Салат пас овец. Три дня в стаде, три дня ходит в школу. Там юный колхозный чабан влюбился в русскую девушку-геолога, которая приехала в Осетию на практику, и вдруг со всей глубиной понял: «Какой же я неуч! Разве такого полюбит девушка?»

И Салат... сбежал учиться. Прямо в Москву! В Центральном Комитете комсомола выслушали парня и направили в Харьков. Так и пошло: ФЗУ, затем работа на шахте «Мария» в Донбассе, потом рабфак и, наконец, геологический факультет Харьковского университета.

— Выходит, Салат Михайлович, что любовь сделала вас геологом!

Абаев переворачивается, хрустя стлаником, и говорит:

— Вот уже два десятилетия прошло после университета. И все это время работаю на Севере... Однако нам нужно часок — другой поспать.

...На рассвете туман рассеялся. Часа через четыре мы добрались наконец до партии.

Нам прежде всего предлагают согреться чайком.

Геологи С. М. Абаев (справа) и О. Х. Цопанов.

← Вот он, Малый Анюй!

ЕРА

— Нет, сперва покажите золото, а потом уж чай, — говорит Абаев.

Он с волнением, быстро раскрывает капсулу — конвертик, сделанный из плотной бумаги. В нем второй, совсем маленький конвертик, словно обертка аптечного порошка. И в ней желтое пшено. Золото! То самое золото, о котором геологи говорят, как поэты: это солнечные лучи, остывшие и затвердевшие от соприкосновения с вечной мерзлотой. Долго они скрывались под землей, а теперь извлечены из ледяных кладовых. И человек, нашедший эти твердые лучи, заставит их снова засверкать!

Начинается профессиональный разговор: какое золото, где взято, сколько граммов на лоток, на кубометр... Итог: найдено, судя по предварительным данным, новое месторождение.

Абаев не случайно рвался сюда, он чувствовал: именно тут будет получен «золотой урожай». И «взрастили» его многие: и те, которые тут находились сейчас, и те, которые ходили здесь раньше, создавали геологическую карту, делали прогнозы,— все, кто работал в прежние сезоны, подготовив успех своим преемникам.

Геолог Лидия Климова.

Нелегко досталось это золото! И я сразу припомнил, как сплавлялся на парусиновых лодчонках колымский ветеран Михаил Гусаров и как спасли его от голода ламуты, снабдив олениной; увидел Глеба Сосунова, переходящего реку вброд в одном белье и носках в то время, как галечниковое дно уже заледенело; а вот Степан Желнин и Виктор Петров сплавляются на плотах; исследуя «белое пятно», они проплыли 600 километров по бурным рекам... Да разве всех перечислишь! А нынешний сезон?.. Возвращаются из маршрута геолог Лидия Климова и коллектор Элла Шаткова — две женщины, о которых никак нельзя не упомянуть. Подруги тащат рюкзаки с образцами горных пород, обливаясь потом. Солнце жжет немилосердно. Блузки изорваны, брюки свисают лентами. Лида и Элла обрезали брюки ножом — думали, что так легче будет. Но голенища сапог до крови натерли ноги.

Тогда Лида сняла с себя майку, разорвала ее и обвязала ноги там, где терли голенища. А Элла пустила в ход свой платок. Так и появились они на базе, оборванные, грязные, уставшие до невозможности.

И когда я несколько дней спустя беседовал с Лидией Климовой, сразу же поразившей красивыми глазами, ослепительной улыбкой и завидной жизнерадостностью, она больше рассказывала об Элле, а о себе — скупо, неохотно.

— Элла просто необыкновенная, честное слово! — говорила Лида.— Она прекрасный товарищ, смелая — лезет в любую воду прежде мужчин. Хорошо стреляет... А какие она печет пирожки! Одним словом, Элла—золото!

Сейчас не поверишь, что Лида и Элла еще недавно, живя в Сеймчане, не питали друг к другу особых симпатий и вовсе не обрадовались, попав в одну партию. Но как крепко подружились они в тайге, как хорошо узнали друг друга в тяжких маршрутах, где так часто нужна поддержка товарища!

О разных проблемах

Третий день мы живем в шумной, говорливой палатке, которая что ни час, то приносит моей записной книжке новое и новое. Но из множества тем я выбрал две, на мой взгляд, самые главные: первая — золото, рождающее здесь и стихи, и споры, и даже целые лекции; вторая — комары, нещадно терзающие человека, посланные на него самой злющей на свете нечистой силой.

Стихи о золоте я не стал записывать — они не стоили этого благородного металла. Лекцию же записал. А были в той лекции такие прелюбопытные сведения: золото стало известно людям более чем за 4 тысячи лет до нашей эры. Среди сведений о его добыче есть такой факт: 2 500 лет назад существовали рудники Кассандры, в которых греки добывали золото. Крупнейшее месторождение находится в Трансваале — оно дает половину всей добычи, приходящейся на долю капиталистических стран.

За все время, от древнейших времен до наших дней, во всем мире добыто примерно 100 тысяч тонн золота. Можно ли представить такое количество зрительно? Можно: это будет куб, ребро которого сравнительно невелико— примерно 17 метров: ведь золото очень тяжелое!

В России добыча золота началась в первой половине XVIII века. До открытия россыпей в Калифорнии и Австралии Россия занимала первое место в мире по добыче золота. За период с 1752 по 1920 год было получено около 2 850 тонн металла. В довоенное время (1936 год) наша страна уступала по добыче лишь Южно-Африканскому Союзу.

...А теперь о комарах. Они не давали нам покоя ни на минуту, ни днем, ни ночью. Они лезли в глаза, в нос — повсюду.

Стоило вдохнуть ртом — и рот набивался комарами, которых потом приходилось долго выплевывать. Они были в чае, супе, каше.

Чтобы спокойно поесть, девушки накрывали себя вместе с мисками кисеей до самой земли — только сидя в таком укрытии, можно было спокойно есть. Комар — самое ненавистное и страшное чудовище тайги. Олень на бегу заглатывает полные легкие комаров и погибает; лошади и собаки, измученные и искусанные комарами, теряют всякий аппетит, слабеют и гибнут. Человек, работающий в тяжелейших условиях, не может выспаться, отдохнуть. И были случаи, когда приходилось отправлять людей в больницы из-за нервных расстройств, вызванных комарами.

Неужели, черт возьми, нельзя с ними бороться, неужели нечем защититься от них?

Об этом возник у нас горячий разговор.

Имеются, конечно, некоторые средства от комаров — диметилфталат, рипудин. Но, во-первых, они еще недостаточно эффективны — действуют всего два — три часа, а во-вторых, и этих-то средств мало, слишком мало.

Отправляясь в командировку к геологам, я заинтересовался еще в Москве средствами защиты от комаров. Так я очутился в Московском университете, на кафедре органической химии. Профессор А. Н. Кост, доценты Л. Г. Юдин и Е. Х. Золотарев, оказывается, много внимания уделяют этой проблеме и уже добились успеха: создан новый, очень эффективный препарат. По начальным буквам фамилий окрестили его так: кюзол. Чем же он замечателен? Надежно действует 10—12 часов. Вы представляете, можно спокойно работать, можно спокойно отдыхать!

Далее: эффективен против комаров, мошки, энцефалитного клеща! На пропитанную кюзолом одежду не попадает ни один клещ. Он хорошо защищает человека и животных. Его испытали в различных районах нашей страны геологи, топографы, студенты, солдаты... Наконец, для его производства имеется в нашей стране в неограниченном количестве дешевое сырье — хинолин, который можно получать из каменноугольных смол (а рипудин, к слову сказать, мы покупаем за границей).

— Ну, и где же он, кюзол? — спросили меня геологи.

— Где? В лаборатории. Уже более двух лет только в лаборатории.

В чем же дело? Вот в чем: никто не хочет взяться по-настоящему за выпуск кюзола. Совнархозы отказываются, а Госплан РСФСР— там тоже занимались этим вопросом — не проявляет достаточной настойчивости.

Надо надеяться, что Госплан РСФСР, а также Министерство геологии и охраны недр СССР наконец устранят все «но», и столь необходимый тысячам людей кюзол все же появится.

...На четвертый день, заполнив блокнот перечнем нерешенных проблем, мы отправились в обратный путь.

Река-зверь

Лагерь на берегу Малого Анюя. Только здесь, на Севере, я впервые услышал об этой реке — Анюе. Вернее, о двух реках — Малом и Большом Анюе. На карте они похожи на оленьи рога — два русла соединяются и впадают в Колыму единым потоком. И любопытно, что Малый Анюй называется еще Сухим Анюем, в чем виден «характерец» реки: она то обсыхает, сажая все плывущее на мель, то снова ревет после дождей, заливая неосторожных и доверчивых путников, принявших высохшее на

время дно реки за твердый берег.

Малый Анюй не хочет образумиться — он по-прежнему хитер и коварен.

...К вечеру ветер задул неожиданно и сильно.

Палатки затрепетали, надулись бока, и казалось, это в агонии дышит тяжелобольной. Заметались лиственницы, и на землю то здесь, то там посыпались маленькие шишечки.

В эту ночь было не до сна. Палатка рвалась и трещала, рядом падали деревья.

Я начал припоминать: какие лиственницы растут возле палатки — большие или маленькие? Справа была особенно мощная, — упала она или еще стоит? Лучше было бы, конечно, если б уже упала.

Рассвело. На территории лагеря вдоль и поперек валяются деревья, обнажив серые корни, похожие на мертвых, застывших спрутов. Корни лиственниц растут не вглубь (там вечная мерзлота), а стелются по земле, едва прикрытые мхом.

Направляюсь к Анюю: нужно все-таки умыться. Река неузнаваема: она стала почти вдвое шире, мутной, грязной и мчится (именно мчится), унося деревья, кустарник, мох и еще какой-то таежный хлам. В ближней протоке стиснутый берегами поток не вмещался и выгнулся дугой — середина была выше краев. Право же, это какой-то хищный зверь, выгнувший спину и мчащийся в погоне за добычей. На моих глазах Анюй захлестнул последнюю галечниковую косу, исчезла последняя протока — вода теперь неслась широким, сплошным потоком. Вот он уже достиг лиственницы на берегу, захлестнул ее, а дерево только беспомощно протянуло ветки-руки, словно просит: «Помогите!»

Пока я умывался, мне пришлось несколько раз пятиться — так быстро прибывала вода.

Свиреп Малый Анюй, жесток! Виновник большого несчастья, он навеки поглотил одну молодую жизнь и замахнулся было на вторую, но тут вовремя подоспела помощь.

Вот что произошло на Малом Анюе.

Прораб Виктор Фадеев и геолог Чулпан Хусаинов переправлялись на моторной лодке через реку. На самой быстрине лодка налетела на затонувшую лиственницу и перевернулась. Все произошло так быстро, что не успели схватить спасательные круги.

Фадеев и Хусаинов ухватились за лодку. Но тут Фадеев увидел, что его рюкзак вынырнул из-под лодки и поплыл вниз. А в рюкзаке — карты, документы, дневники работ! Виктор устремился за рюкзаком, поймал его. Изо всех сил пытался приблизиться к берегу, но сильное течение быстро несло вниз. Так он проплыл более километра. Впереди показались две протоки, а между ними завал из наносника. Виктор столкнулся с заломом, и его сразу же подмыло под бревна. Вынырнув, ударился о бревна и снова под воду. И еще раз. И еще. Воздуха уже не хватало. Все тело сковано холодом. Вдруг Виктор ощутил, как его переносит через что-то твердое — это была жердина, торчавшая со дна. Ухватился. Волна выбросила наверх. Увидел в двух метрах отвесный берег. Всего в двух метрах! Но это были два метра такой быстрины, что у Фадеева уже не хватило сил преодолеть ее. Он опять окунулся в воду, раз, другой, третий... И вдруг увидел по течению резиновую лодку.

На помощь спешил начальник партии Белодед. Скорей, скорей! Фадеева втащили в лодку, причалили к берегу.

А Чулпан? Что с Чулпаном? Он упорно боролся с течением, пытаясь направить лодку ближе к берегу. Но это никак не удавалось. Ледяная вода начинала сковывать движения. И тут геолог увидел совсем близко по течению островок. Хусаинов оставил лодку, изо всех сил начал загребать к островку. Увы, он не знал, что это был коварный ховых — плавучий зыбкий островок, непрочный кусок земли и мха, оторванный течением от берега. Чулпан добрался до островка, попытался влезть на него и провалился, запутавшись в корнях и кустарнике. Хусаинов погиб. А было геологу всего-навсего 25 лет. Он недавно окончил Казанский университет, только год назад женился.

Тело Чулпана искали в завалах, береговых наносах. Безрезультатно. Кто-то обратил внимание на собаку, верного спутника Чулпана: она забралась на далекую косу, заваленную ивами и лиственницами, и все время сидела на одном месте, жалобно повизгивая. Там и нашли тело Хусаинова.

На земле виднелись следы росомахи: хищник подбирался сюда, но его отгоняла собака.

На следующий день прибыла жена Чулпана — Фания.

...Когда Фании было всего четыре года, у них в доме поселился командированный по фамилии Хусаинов. Он сдружился с девочкой и если она капризничала почему-либо, то говорил:

— Слушайся старших, иначе я не отдам тебе в мужья своего сына Чулпана.

Потом постоялец уехал, шутка была забыта.

Прошли годы. Фания выросла, поехала в Казань учиться в педагогическое училище. И там, в Казани, случайно познакомилась со студентом университета Чулпаном Хусаиновым, тем самым, которого давно узнала заочно.

И они полюбили друг друга.

Многое вспомнилось... И то, как уже здесь, на Крайнем Севере, Чулпан, ожидая прихода жены с работы из детского сада, варил ей суп, совсем несоленый, и как она помогала мужу переписывать начисто после походов пикетажные книжки... И его последнее письмо, пришедшее после того, как Чулпана не стало; геолог писал, что в районе партии много дичи и он собирает пух куропаток для подушки: будет подарок жене ко дню рождения; писал, что один рабочий из озорства убил лебедя и это сильно огорчило всех в партии... Вспомнилось, что при расставаниях Фания и Чулпан никогда не целовались и не пожимали друг другу руки...

Анюй, Анюй, никогда тебе не простится твое злодеяние!..

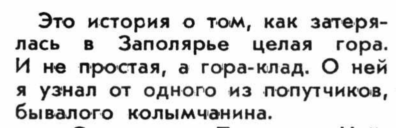
...Хоронили мы Чулпана Хусаинова на Зеленом мысу — там, где в устье Колымы разместилась база Анюйской экспедиции.

На высоком правобережном холме в вечномерзлом грунте была выбита ломами могила. Друзья произнесли короткие прощальные речи. Над могилой поднялся красный обелиск, увенчанный звездочкой.

Подумалось: как много славных дел свершили и свершают тысячи геологов, самоотверженных и безвестных людей! Каждый из них, как солдат в сражении, приносит своей армии победу. И, право же, стоит увековечить их общие дела памятником Неизвестному геологу, подобно тому, как ставят монументы Неизвестному солдату.

Лиственницы повалены ветром.

Тайна Мягкой горы

Это история о том, как затерялась в Заполярье целая гора. И не простая, а гора-клад. О ней я узнал от одного из попутчиков, бывалого колымчанина.

— Слыхали про Пильхурны Нейку? Про Мягкую гору? В той горе, как предполагают, скрыто богатое месторождение серебра, а может быть, и платины.

...Как-то колымские геологи получили письмо из Одессы от В. Ф. Уварова, который лет тридцать назад работал на Чукотке. Он писал, что ламуты рассказывали ему о горе, названной Загадочной, или Мягкой.

Уваров обращал внимание, что северные народы дают наименования только большим рекам и горам. Ламуты считают: на севере сплошные сопки и такое множество рек и речек, что если все называть, то слов не хватит. А тут вдруг сопка имеет название, да еще двойное! Значит, решил Уваров, ламуты снова открыли серебряную гору.

— Как снова? — спросите вы.

Очень просто: серебряную гору уже несколько раз находили и несколько раз теряли.

Оказывается, об этой горе и серебре упоминалось еще в документах первой половины XVII века, и хранятся эти документы в Центральном государственном архиве древних актов.

В одном из таких документов читаем о том, что «служилый человек Лаврушка Григорьев и сын боярский Ивашко Ерастов» расспрашивали колымского князца Порочу: «И тот Ковымской князец ему, Лаврушке, в распросе сказывал: есть де река Нелога за Ковымою рекою, впала в море своим устьем; а на той де реке Нелоге — блиско моря в горе в утесе руда серебряная».

По сведениям Ивашки Ерастова, серебро находится на реке Нелоге «от моря недалеко в яру, а висит де из яру соплями... От той серебряные руды сопли отстреливают томарами и стрелами...»

Когда составлено это? 29 сентября 1644 года! Вот с каких пор было известно о загадочной серебряной горе!

На ее поиски снарядили несколько отрядов. Это было тяжкое путешествие. Люди «принимали всякую нужу, ели коренье и траву, и души сквернили всякою скаредною (негодною) ядью, и голод и наготу терпели».

И все же нашли эту гору! Но ведь в какое время? Карт не было, не было ничего такого, чтобы твердо и точно указать ее местоположение. Смельчаки, ходившие в дикую, суровую и далекую глушь, умерли. И гора потерялась! Потом ее снова нашли. Сколько раз это повторялось? Трудно сказать.

Уваров пишет, что уже в более позднее время, приблизительно в 90-х годах минувшего столетия, ламуты заплатили царскому правительству ясак серебром, взятым из Мягкой горы. Но поскольку чиновники, не удовлетворившись серебром, все равно потребовали ясак мехами, гора была забыта, пути к ней затерялись. Последний раз, по слухам, ламуты бывали возле этой горы в 1932 году.

А сейчас никто не знает, где эта гора и что в конце концов она таит в себе. Много ли серебра или мало? Только ли серебро? Может быть, и платину — ведь в те времена, от которых дошли до нас документы, не умели отличить серебро от платины.

Вот так и бродит по Колыме, по Заполярью легенда о серебряной горе.

Главное свое внимание геологи уделяют разведке золота, освоению экономически выгодных районов. Так что Мягкая гора — дело будущего, сказали мне геологи. Во всяком случае, можно не сомневаться, что загадка эта будет в свое время разгадана.

Окончание следует.

Ян Матейко (1838—1893). ВИТ СТВОШ С ВНУЧКОЙ (ок. 1438—1533). ВНУЧКА ВЕДЕТ ОСЛЕПШЕГО ХУДОЖНИКА К ЕГО СКУЛЬПТУРЕ. 1865.

Собственность Национального музея в Варшаве.

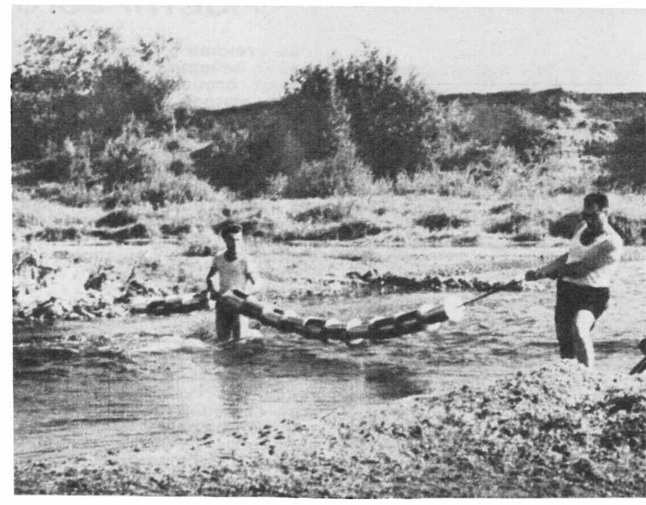
ВЫСТАВКА ПОРТРЕТОВ, РИСУНКОВ, КАРИКАТУР ЯНА МАТЕЙКО

Ян Матейко.
ПОРТРЕТ ПЕТРА МОШИНСКОГО, КОЛЛЕКЦИОНЕРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА. 1874.

Собственность Национального музея в Кракове.

Гидростанция-гирлянда

Постановка «гирляндной» ГЭС на Москве-реке.

Фото А. Золотарева.

Недалеко от деревни Петрово, где Москва-река разделяется на рукава, минувшим летом работала необычная гидростанция. Поперек потока с берега на берег был переброшен простой трос, и на нем нанизаны поперечные турбины, похожие на ведра, разрезанные вдоль. Под напором течения турбины вращали трос, и он, работая, как вал, приводил в движение генератор. Электрический ток от генератора питал лампочки, развешанные на деревьях.

Вот что рассказывает конструктор этой «гирляндной» гидроэлектростанции инженер Б. С. Блинов:

— Сооружение малых ГЭС обычно обходится очень дорого: требуются сложные изыскания, надо строить плотины. Да и затопление прилегающей к реке местности почти всегда невыгодно колхозам: под воду уходят самые урожайные земли поймы. А мне хотелось создать такую энергетическую установку, которую могли бы построить своими силами колхозники и рабочие совхозов без больших затрат.

И вот мой проект осуществлен. На Москве-реке работала малая ГЭС, которую мы называем «гирляндной». По конструкции она очень проста и может быть установлена на самых маленьких реках. Для нее достаточны глубина в 25 сантиметров и скорость течения 1 метр в секунду. Наши турбины могут с успехом работать и подо льдом. По стоимости «гирляндные» ГЭС в десятки раз дешевле, чем гидростанции с плотинами.

— А какой мощности могут быть станции вашего типа?

— Различной. Например, на реке Бие спроектирована «гирляндная» электростанция на 250 киловатт, а в колхозе «Родина», под Москвой,— на 32 киловатта. Количество турбин может быть увеличено, и благодаря этому возрастет общая мощность установки. Кроме того, «гирляндную» электростанцию легко переставлять с одного места на другое. Минувшим летом я со своими помощниками механиками В. Герасимовым, Ф. Семянниковым, Н. Селезневым и Г. Зеленовым не раз проделывал такой опыт.

Потребность в малых гидростанциях весьма велика. Б. С. Блинов получает много писем из колхозов и совхозов, из самых различных уголков нашей Родины с просьбой выслать чертежи «гирляндной» ГЭС. Он уже разослал 64 комплекта чертежей. Разработку типовых проектов «гирляндных» ГЭС начал институт проектирования сельских электростанций.

Г. АЛЕКСЕЕВ

КРОСС ДРУЖБЫ

Прозвучала отрывистая команда, и группа бегунов устремилась вперед... Пожалуй, никогда на Свердловском городском пруду не было такого оживления, как в эти дни, когда более тысячи студентов горнометаллургического техникума имени Ползунова ежедневно совершают кроссы...

А вечером на большой географической карте в вестибюле техникума переставляют флажки. Они движутся на восток по длинной прямой, соединяющей столицу Урала — индустриальный Свердловск — с китайским городом Шэньяном...

Такая же карта находится и в Шэньяне, в Горнометаллургическом институте, но флажки там переставляют в обратном порядке: с востока на запад. Будущие китайские металлурги совершают массовый пробег в Свердловск...

Пробеги эти носят, конечно, символический характер. Ни шэньянцы, ни свердловчане не покидают пределов своих областей. Расстояние, равное пути между двумя городами, участники кросса преодолевают на собственной территории.

В своем письме свердловским студентам китайские друзья пишут:

«К 14 февраля — дню десятой годовщины подписания советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи — мы «добежим» до вашего техникума».

А вскоре в Шэньяне была получена телеграмма с Урала: «Бежим навстречу со средней скоростью 370 километров в сутки. Горячий привет китайским друзьям»...

Весь коллектив Свердловского горнометаллургического техникума с энтузиазмом участвует в этом массовом кроссе дружбы. Свердловчанам надо пробежать до Шэньяна и обратно в общей сложности 10 540 километров. Каждый участник кросса пробегает в день не менее 400 метров.

Среди участников кросса не только студенты, но и преподаватели, многим из которых перевалило за пятьдесят.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото И. Тюфякова.

Домик для садоводов

Кому не приходилось, подъезжая к городам, видеть маленькие домики, окруженные фруктовыми деревьями! Это коллективные сады горожан. Работники многих заводов и учреждений, коллективно арендуя землю, возделывают ее, проводят тут все свое свободное время. Для того чтобы постоянно ухаживать за садами, садоводы строят маленькие, легкие домики. Вот об этих домиках я и хочу рассказать. Они должны быть красивы и дешевы, невелики по размерам и вместительны.

До сих пор садовые домики строили кто как умел. У одного садовода около 10—12-метрового строения вдруг вырастают колонны, возводится торжественный портал, у других сарай не сарай — кое-как сложенные листы железа и фанеры.

Сейчас проектный институт Госстроя СССР разрабатывает новый тип садовых домиков, которые будут отличаться рациональной внутренней планировкой и красивым внешним видом.

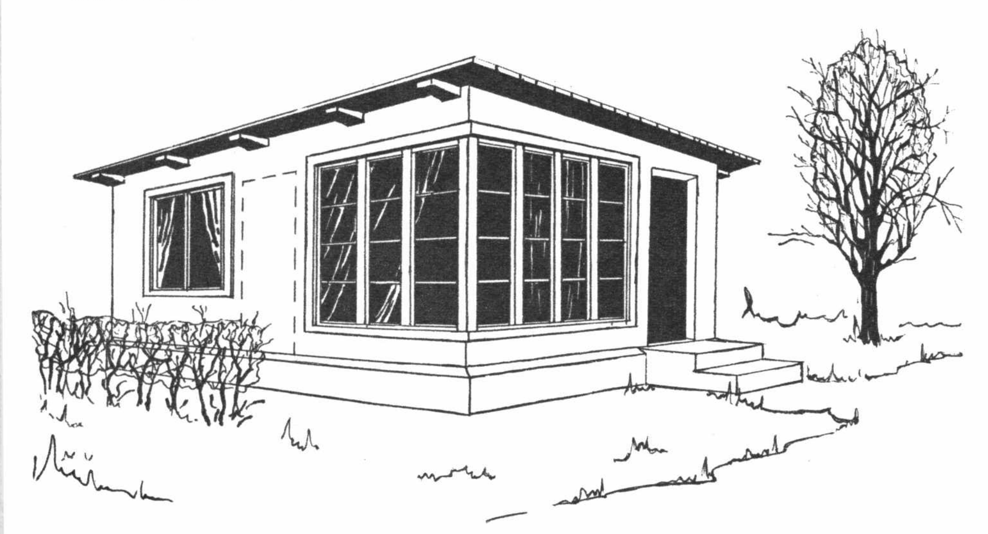
Мною предложен один из вариантов: домик площадью в 3 м 60 см × 4 м 80 см, состоящий из комнаты и террасы под общей односкатной крышей. Комнату от террасы отделяет встроенная мебель: шкафы для белья, одежды, посуды, кухонный стол.

С наружной стороны в домик встроен шкаф для садового инвентаря. Его можно использовать и как подсобное помещение. На террасе предусмотрено место для холодильника и телевизора.

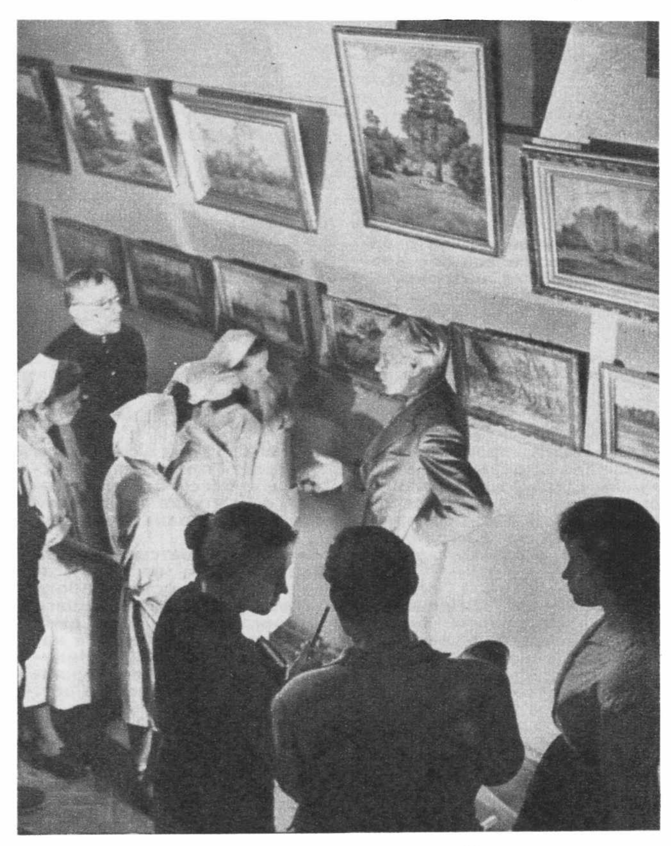
В комнате — поставленные углом два матраца, затянутые ситцем, и треугольный столик. Во встроенный туалет с полками и тумбочкой складываются постельные принадлежности. Несмотря на малую площадь, комната становится емкой, удобной, ее легко содержать в порядке, для каждой вещи есть свое место.

Легкую, современную по стилю мебель могут сделать сами владельцы домика. Она не требует лакировки, достаточно покрасить ее нитролаком или эмалевой краской под цвет стен и декоративных тканей, которые завершат оформление комнаты.

М. ШВЕЦОВА

На выставке в фабричном клубе

В клубе фабрики «Дукат» была открыта большая выставка картин художника-любителя А. Н. Троицкого.

Алексею Николаевичу Троицкому 61 год. Он пенсионер. Впервые Алексей Николаевич начал рисовать, когда ему было уже за сорок...

— Мой младший сынишка,— рассказывает художник,— однажды просил меня сделать ему картину в красках и не отставал от меня до тех пор, пока я не согласился. Результат был неожиданным: я увлекся живописью...

На выставке около ста работ. Все это пейзажи среднерусской полосы. Чаще всего пейзаж Алексея Николаевича светлый, жизнерадостный. Художник любит и лиричность заброшенных лесных уголков, и тихое очарование осеннего дня, и небо в наступающих сумерках...

Работы Троицкого пользуются большим успехом у посетителей выставки. А сама выставка эта — начало организации постоянно действующей изостудии при фабричном клубе.

Э. МАЛЬБАХОВ

Фото Д. Ухтомского.

ВОКРУГ НАС

М. В. Фрунзе в Батумском ботаническом саду

Исполнилось 75 лет со дня рождения Михаила Васильевича Фрунзе — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, верного соратника В. И. Ленина, талантливого полководца и организатора Вооруженных Сил.

В Центральном архиве Грузинской ССР обнаружили интересный документ, рассказывающий о том, какое большое внимание уделял товарищ Фрунзе развитию науки.

В 1921 году М. В. Фрунзе — чрезвычайный посол Советской Украины в Турции — ехал в Анкару. По пути, остановившись в Батуми, он побывал в Ботаническом саду и сразу оценил его огромное научное и хозяйственное значение.

Как член Центрального Комитета РКП(б), Михаил Васильевич Фрунзе обратился с докладной запиской в Наркомзем РСФСР. Он предложил оказать Ботаническому саду срочную помощь: отпустить средства, чтобы пригласить ученого-ботаника, садовника с помощником и рабочих, приобрести инвентарь, регулярно снабжать работников сада литературой, оборудовать для них лаборатории, благоустроить помещения для сотрудников и их семей.

Михаил Васильевич Фрунзе.

Фото П. Оцупа.

«О принятых Вами мерах прошу не отказать поставить меня в известность» — так заканчивал Фрунзе свою докладную записку.

И. ОРАГВЕЛИДЗЕ

Счастливого плавания!

За стеклом ходовой рубки синеет вечернее море, вспыхивают огоньки маяков: кажется, открой раму — в лицо пахнет соленым ветром.

Нет, открывать раму не стоит, — тогда сразу же разрушится иллюзия, и картина ночного моря предстанет перед нами всего лишь искусно выполненной диорамой. А вот сама рубка с компасом, штурвалом и прочими корабельными принадлежностями тут самая настоящая. Ее только недавно сняли с разобранного на слом знаменитого ледореза «Федор Литке».

Сотни тысяч миль во льдах и туманах прошел этот славный корабль, прокладывая трассу Северного морского пути, доставляя научные экспедиции в высокие широты Арктики. Многими походами ледореза руководил тот, кто стоит сейчас в рубке крайним слева. Это заслуженный советский моряк, капитан дальнего плавания Александр Павлович Бочек — директор выставки Морского флота, открытой недавно в Москве.

Выставка эта по справедливости может быть названа музеем. Тут собраны и исторические реликвии русского и советского флота и множество интереснейших экспонатов, пропагандирующих современную технику.

У главного входа внимание посетителей привлекает огромный глобус. Под углом к экватору его охватывает орбита из прозрачного плексигласа. Глобус вращается, и под плексигласом вспыхивают и гаснут электрические лампочки, создавая иллюзию движения светящейся точки. Так показаны полеты искусственного спутника Земли.

На стендах вы увидите модели каравеллы Колумба и парусного шлюпа «Мирный», на котором плавал М. П. Лазарев — «российский Колумб» Антарктиды, атомного ледокола «Ленин» и научно-исследовательской подводной лодки «Северянка»... Красочные панно и фотографии изображают советские корабли в полярных водах обоих полушарий, океанографические исследования в тропиках и на экваторе.

Действующие макеты и модели показывают работу портовых кранов на погрузке и выгрузке судов, ремонт кораблей в доке, судовые дизели, радиосвязь, радиолокацию.

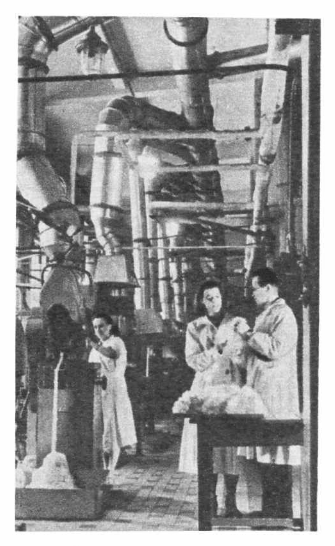
На выставке показана также работа учебных заведений Морского флота. Можно не сомневаться, что многие юноши, побывав тут, выберут профессию.

С. ТИМОФЕЕВ

В рубке ледореза «Федор Литке» (слева направо): директор выставки капитан А. П. Бочек, главный художник Б. М. Явич, главный методист С. А. Шапошников.

Фото М. Савина.

Агрегат по формированию волокон нитрона.

Фото Ф. Короткевича.

Мех из искусственных волокон

Нитрон — химическое волокно — идет на изготовление тканей, меха, ковров. Всесоюзный научно-исследовательский институт искусственного волокна разработал технологический процесс получения нитрона.

БЛИЗНЕЦАМ ИСПОЛНИЛОСЬ ПО ГОДУ

Год тому назад у молодых супругов: армянки Анны Варгановой и грузина Сергея Пцкиаладзе, рабочих Тбилисского паровозоремонтного завода,— родилось трое близнецов: Дато, Кето и Нино. На днях все они счастливо отпраздновали свою первую годовщину.

Б. АКСЕЛЬРАД

Счастливая мать с тремя близнецами.

Фото автора.

Время, вперед!

О величии времени рассказывает документальный фильм «День нашей жизни», созданный режиссером Р. Карменом по сценарию Г. Шерговой на Центральной студии документальных фильмов.

Обычный день в сентябре 1959 года. Скромными черными цифрами обозначен он на листке календаря, мелкими буквами отмечены происшедшие в этот день важнейшие события. В календарях этим скромным строчкам придется потесниться — здесь появится запись о запуске советской космической ракеты на Луну.

Вымпелы Советского Союза были посланы на Луну, и обычный день стал великим в стремительном беге нашего времени. И еще один день сентября будет отмечен в календаре—15 сентября: Никита Сергеевич Хрущев поднялся на борт серебристого воздушного лайнера. Советский премьер летел в Америку с благородной миссией мира. Этот исторический визит вселил радость и надежду в сердце каждого, кто ненавидит войну, кто хочет мирно и счастливо жить и трудиться, как жили и трудились в этот день советские люди во всех уголках нашей Родины.

«Наш фильм мог быть бесконечным»,— говорят вначале его авторы. Действительно, около ста операторов периферийных студий под руководством Д. Каспия и В. Микоши снимали 16 сентября для фильма «День нашей жизни» сюжеты по всей стране. Событий было множество, больших и малых, характеризующих время и человека. Из всего этого многообразия нужно было отобрать главное, наиболее типичное, определяющее нашу жизнь, показывающее приметы советской действительности. На экране — атомный ледокол «Ленин», строительство Ново-Ангарска, величественная панорама Сталинградской ГЭС... Авторы фильма показывают неисчислимые богатства нашей Родины: якутские алмазы и камский лес, целинный хлеб и кавказский виноград, обилие мяса, молока. Но, главное, мы видим на экране хозяина и создателя всех этих богатств — нашего современника, простого и великого советского человека, его ум, сердце, душу.

Каков же он, герой нашего времени? Очевидно, такой же талантливый, смелый, решительный, как тот хирург, что делает сейчас сложнейшую операцию сердца. Мы видим только его чуть тревожные глаза, умелые руки, слышим властный голос: «Остановить сердце!» Искусный хирург возвращает человеку жизнь. Усталым движением врач снимает марлевую маску. Счастливое лицо. А в следующих кадрах — веселые лица исцеленных детей.

И вот другой человек — тоже искусный целитель сердец. Он не врач. Он садовод. Но в доме садовода Тетерина нашли любовь и ласку семеро сирот. Ребята обрели семью, забыли о горестях и заботах, стали счастливы.

Фильм как бы говорит зрителям: «Вглядитесь пристальнее в лица этих людей. Вдумайтесь поглубже в их деяния. Постарайтесь понять дерзновение и благородство их замыслов и устремлений, и вам откроется истинная красота нашего современника...» В цветную ленту вмонтированы черно-белые кадры хроники военных лет. Разрушенный город... От школы остались всего две стены. Но среди этих развалин идут занятия. Маленькие сталинградцы отвечают уроки, слушают объяснения. Были у них и школьные перемены, которые тогда назывались военным словом «отбой». Обо всем этом вспоминает старая учительница Скобцова, подходя к зданию новой красивой школы.

Высокий гуманизм нашего времени, торжество наших идей открываются в фильме. Зритель восхищается отлично снятыми эпизодами. Вот восточная граница нашей Родины. Силуэт пограничника на вершине скалы. Где-то далеко за проливом Америка. И вот она, эта страна, совсем близко перед нашими глазами. Простые люди Америки рукоплещут Никите Сергеевичу Хрущеву. Он произносит в ООН свою историческую речь о возможности и необходимости мира во всем мире...

Идея создания фильма, передающего приметы времени, принадлежит еще Горькому. Таких картин уже было три: «День войны», «День победившей страны», «День нового мира». Каждая из них запечатлела важные вехи истории Советского государства.

М. КВАСНЕЦКАЯ

Кадр из фильма.

Е. ГРОШЕВА

Суровое, сердечное...

Еще в 1935 году, когда звучали симфонии Мясковского, Кабалевского, Шостаковича, Хачатуряна, Шапорина, когда была поставлена опера «Тихий Дон» молодого Дзержинского, когда звенели во весь голос жизнерадостные песни Дунаевского, Захарова, Александрова, среди всего этого богатства свежих и сильных талантов, широкого разнообразия жанров вдруг явственно выделилась новая творческая фигура. Это был двадцатилетний Свиридов, тогда еще ученик Ленинградского музыкального техникума.

Он сразу вошел в советскую музыку со своей темой, со своим жанром — пушкинским циклом романсов, привлекших сердечной искренностью и мужественной простотой, свежей и чистой лирикой, многообразием настроений. Романсы быстро стали «репертуарными» и до сих пор живут на концертной эстраде. Если читатель помнит прелестный, овеянный дымкой элегической грусти романс «Роняет лес багряный свой убор» или проникнутый молодым задором, мягким, лукавым юмором «Подъезжая под Ижоры», пусть знает и фамилию их творца — это Свиридов... То, что первые романсы Свиридова не «затерялись» в огромнейшей классической и советской «пушкиниане», подтверждает высокую одаренность автора.

Один из самых талантливых и любимых учеников Шостаковича по Ленинградской консерватории, Свиридов быстро овладел и инструментальным жанром — камерным и симфоническим; его оркестровый почерк, броский, выразительный и лаконичный, отличается большой самостоятельностью.

С годами музыка Свиридова приобретала все больший размах, глубину и силу мысли, идейную зрелость. Но, может быть, только в последние годы окончательно стали ясны выдающиеся творческие возможности композитора.

Представьте себе огромную сцену. Она заполнена хором — двести, триста человек... Сзади, на фоне темно-синего неба, в грозных отблесках зарниц, победно плещется алое знамя... Оркестр, как в оперном театре, скрыт внизу. Свет чуть притушен, только ослепительный луч прожектора выхватывает из хоровой массы фигуру певца-солиста... Могучие лавины давно знакомых и всегда заново волнующих стихов великого поэта пролетарской революции несутся в зрительный зал:

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.

...Георгий Васильевич Свиридов с жаром и увлечением рассказывает о том, как видится ему «действо» его новой «Патетической оратории», написанной на слова Владимира Маяковского.

— Да, да, именно театрализованное «действо»! И огромные массы хора,— мечтает композитор...

Пока же создание Свиридова — оратория — идет в обычном концертном исполнении. Но это не мешает воздействию музыки, пронизанной взрывчатой силой драматического пафоса. В семи частях оратории — сжатых, предельно уплотненных — воплощены как бы сгустки идей и чувств, которыми жил народ в годы революции и гражданской войны, которыми он живет сейчас. Оратория звучит с ошеломляющей новизной и художественной убедительностью.

— Но это же Маяковский! — скажет читатель.— Как же может быть иначе?..

Да! Революционный «заряд» поэзии «горлана-главаря» дал могучую жизнь образам оратории. Но как нелегко было найти в музыке кованое слово Маяковского, услышать присущую ему — и только ему — интонацию!

В советскую песню, романс, оперу, ораторию уже давно вошло все лучшее из нашей современной поэзии, и только Маяковский оставался для музыки неприступной твердыней... Композиторы самое

Георгий Васильевич Свиридов.
Фото И. Тункеля.

большее подражали своеобразным интонациям его неповторимой поэтический речи.

В оратории Георгия Свиридова Маяковский воплощен с большой силой. Мужественные, призывные интонации, волевая, энергичная команда «Левой! Левой! Левой!» сливаются с могучей, все шире разрастающейся хоровой мелодией марша-шествия первой части. Свиридов смело вводит в ткань музыки прямую декламацию. Ведь в «Рассказе о бегстве генерала Врангеля» петь не о чем: о разгроме белой армии повествует оратор... Под далекое, приглушенное пение заупокойного хора умирает старая Россия. И уже голос нового мира, рождающегося в смертельной борьбе, все отчетливей звучит в гимне «Героям перекопской битвы». Торжественная, величавая и вместе с тем строгая, простая музыка... Это образ зачинающейся новой жизни, образ «краснозвездной лавы» сражающегося народа.

И вдруг нежная и широкая песенная мелодия флейты, возникая на мгновение, рождает картину бескрайних и вечно милых сердцу просторов Родины. Это наша Родина, наша земля, с которой пойдешь на жизнь, на труд, на праздник и на смерть, как говорил поэт. Здесь трагическая выразительность музыки обретает тем большую силу воздействия, чем более она сдержанна. Строгая, лаконичная мелодия солиста, «воздушная» и «звенящая» оркестровка трогают затаенные струны сердца живым ощущением беспредельности, бескрайности суровой и нежной любви человека-борца к своей земле, «которую завоевал и полуживую вынянчил...».

В монолог-размышление вновь постепенно вплетается торжественная поступь марша. И новая смена образов. Под шелест струнных пассажей начинает рассказ низкий женский голос... Уже из контрастного сопоставления тембров возникает ощущение просветленности, рождается предчувствие чего-то прекрасного, одухотворенного, огромного. Голос рассказывает о трудовых буднях социалистической стройки. Ясная песенная мелодия и тихий, как затаенная мысль, рефрен мужского хора: «Через четыре года здесь будет город-сад!» — озарены красотою будущего.

И, отвечая нашему сегодняшнему, во весь голос, как мечта, воплотившаяся, ожившая, звучат слившиеся голоса солистки и хора:

Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками,
пар,
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартенами
Воспламеним
Сибирь.

Сегодняшними чувствами советских людей насыщен и «Разговор с Лениным». В глубокое, сосредоточенное настроение этой части вводит задумчивый и патетический речитатив виолончелей и контрабасов. Обращаясь в своем раздумье к портрету Ленина, к самому вождю, поэт осмысливает исторические завоевания социализма, огромные задачи, стоящие перед страной.

Непоколебимой верой дышат слова:

вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем!

В финале оратории, «Поэт и солнце», вновь выступает эпический образ певца, нового человека, всеми помыслами души и сердца слившегося с народом, служащего ему, отдающего ему свое вдохновение. Ослепительно яркий мажор, огромные массивы звучания утверждают главную мысль:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

В оратории Свиридова Маяковский выступает как наш современник, боец коммунизма, художник, идущий вместе с народом по пути его исторической борьбы.

Это ощущается не только в замысле поэтической композиции. Георгий Свиридов сумел по-своему, средствами музыки «выплавить» из поэзии Маяковского песенность и мелодичность, сумел «пропеть» его слово. Поэт и народ, поэт и Родина предстают в глубоком, органическом единстве в музыке Свиридова. Она монументальна и проста, сурова и сердечна. Она напоена страстной мыслью поэта-трибуна, глашатая революции, пронизана лирической красотой его мечты, его любви к людям.

Композитор стремится сделать свою музыку доступной для исполнения не только профессиональных, но и самодеятельных хоров. Это его мечта.

— Русское хоровое искусство,— говорит Георгий Васильевич,— имеет богатейшие исторические традиции. Нам и развивать их! Здесь путь обновления нашей профессиональной музыки, дальнейшего сближения ее с народом.

Многое, к чему обращается Свиридов, вдруг обретает свежее, современное звучание. Так, например, случилось с Бернсом, которого заново «открыли» нам С. Маршак в своих переводах и Г. Свиридов в своем цикле песен для баса с фортепьяно. Чутко «услышанные» Свиридовым в поэзии Бернса образы его героев, простых, мужественных людей, картины национальной природы и народного быта полны живой силы. Заключительные слова последней песни кажутся претворенной в жизнь мечтой поэта-гуманиста:

Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

Насытить формы камерной лирики эпическим, многоохватным содержанием, увидеть в малом большое, сочетать интимное, личное с общенародным, прошлое с настоящим может только живой, действенный, современный талант. И это нашло ярчайшее свое выражение в музыке Свиридова, навеянной Есениным. Именно Свиридов наиболее широко и смело ввел лирику большого русского поэта Есенина в советскую музыку. Вокально-симфоническая поэма «Памяти Сергея Есенина» и песенный цикл «У меня отец — крестьянин» — лучшее, что вызвано есенинской поэзией к жизни в музыке. Свиридову так же, как поэту, близка и дорога скромная природа средней полосы России, ее задумчивая, проникающая в душу красота. И столь же свойственно композитору патриотическое чувство, рождающееся из этой любви.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать,—

радостно и сердечно поет композитор есенинскими словами в песне «Сани». Звонкий лет бубенцов, переборы тальянки звучат в музыке Свиридова, оттеняя задушевную широту русской песни. Но композитор показывает и драматический образ «последнего поэта» старой деревни, его человеческую сложную судьбу...

Свиридов всей душой чувствует сердечные интонации русской поэзии. Они особенно близки ему в ее современном строе. Многие свои чудесные песни о жизни и природе, о созидательном порыве наших замечательных людей Свиридов нашел в музыке стихов Твардовского, Прокофьева, Исаковского.

Один из самых «вокальных», самых «песенных» композиторов, Свиридов мастерски владеет всеми средствами музыкальной выразительности.

Творческий «почерк» Свиридова удивительно тесно связан с его жизнью. Композитор родился за два года до Великой Октябрьской революции в маленьком уездном городке Фатеже, Курской губернии. Близость к русской природе, к народной песне рано пробудила его лирическое чувство, глубокую музыкальность. Но еще в раннем детстве будущий композитор стал близким свидетелем острой классовой борьбы. Отец Свиридова, подлинный патриот-коммунист, в 1919 году был расстрелян деникинскими белобандитами. Мальчик видел, как кровью и трудом была завоевана народная победа. Отсюда, вероятно, и берет свое начало содержание музыки Свиридова — русская распевная лирика и острая, драматическая экспрессия, за которой всегда стоит образ не одинокого, мятущегося героя, а всего народа, слышится гул наступающих масс, «революционный шаг»...

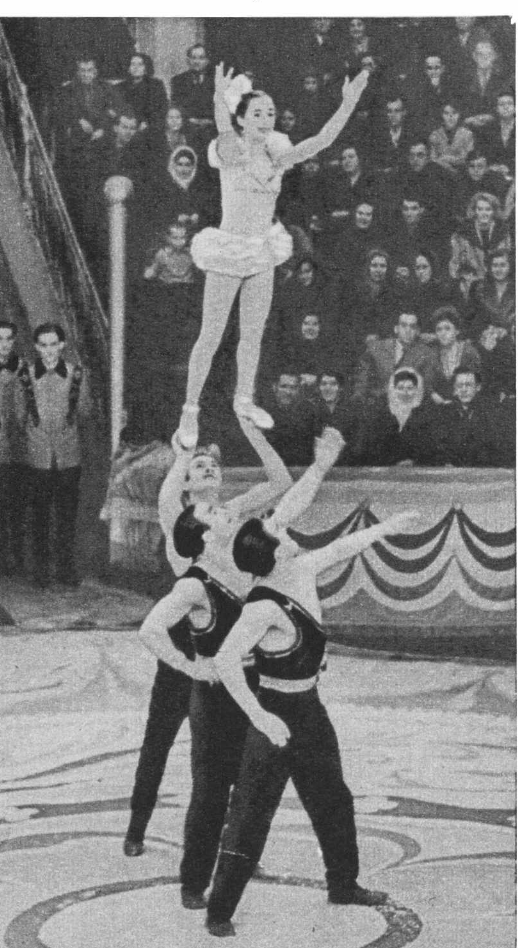
И когда будущий композитор поступил в Курское музыкальное училище, его не случайно захватила мощная стихия хоровой музыки. Это увлечение оказалось постоянным. Оно выплеснулось и в «Патетической оратории». И оно, несомненно, еще скажется в опере, которую ждут от Свиридова советские слушатели.

НА АРЕНЕ И ДОМА

Некоторые девочки в тринадцать лет еще любят играть в куклы. Правда, считая себя взрослыми,— ну, скажем, почти взрослыми,— они обычно стесняются говорить с посторонними о таком несолидном занятии.

Нонна Запашная, ученица шестого класса 234-й московской школы, тоже частенько возится со своей большой нарядной куклой. Наряжает Нонна ее сама: она умеет шить, вышивает и вяжет. Она вяжет даже шарфы своим многочисленным родственникам.

Выступают Запашные...

Как и тысячи ее сверстниц, Нонна помогает дома по хозяйству, хорошо учится, особенно любит литературу и всегда и всюду держит себя скромно — она не зазнайка. Но друзья и знакомые по школе все-таки относятся к девочке с особым уважением. Они не перестают удивляться: «Нонна, как же ты все это успеваешь?»

Удивление можно понять. Ведь каждый день — вот уже пять лет — Нонна в восемь часов вечера уходит на работу. Она артистка. И зрители Московского цирка с каждым годом все больше восхищаются искусством невысокой изящной девочки-акробатки...

Словно упругий резиновый шар, взлетает Нонна Запашная над головами своих партнеров. А они и впрямь играют ею, как мячом: перекидывают из рук в руки, поднимают высоко в воздух и бросают на ковер арены.

Все движения юной артистки грациозны, строги, безукоризненно точны. А ведь для того, чтобы работать с таким мастерством, Нонна должна ежедневно подолгу тренироваться. Поэтому ее партнеры: братья Запашные, и особенно отец, Сергей Михайлович,— строго следят за режимом девочки.

Увлечение Нонны цирком отнюдь не случайно. Семья Запашных — издавна цирковая династия: бабушка Нонны, Лидия Карловна, тридцать лет посвятила арене. Лишь недавно она ушла на пенсию, но и теперь посещает цирк, ревниво наблюдая за работой своих сыновей. Прадед Нонны тоже был человеком искусства — дирижером, прабабка работала в театре. Отец, тетка и дяди Нонны с ранних лет вступили на арену. А сейчас и самый юный Запашный, брат Нонны, девятилетний Валерик, начинает понемножку готовиться к цирковым выступлениям.

Н. ВЕРИНА

Лирические шутки

Сергей МИХАЛКОВ

Море и Туча

Говорило Море Туче,
Той, что ливень пролила:
— Эх ты, Туча! Что ж ты, лучше
Места выбрать не могла?
Отвечала Туча Морю:
— Я себя не берегу!
Разгуляюсь на просторе —
Удержаться не могу!

Снежная нагрузка

Так много снега за ночь навалило,
Что тут и там в заснеженном лесу
Отдельным соснам не хватало силы
Держать под снегом ветви на весу.
И в тишине, как будто безмятежной,
То тут, то там был слышен скорбный звук:
Не выдержав своей нагрузки снежной,
У дерева обламывался сук.

Но у сосны нет медицинской карты,
В которую заносятся инфаркты...

Сосна и Елочка

Сосна скрипела на ветру:
— Пом-рру! Пом-рру! Пом-рру!..

Но человек, что рядом был,
Под корень Елочку срубил...

Сосна, что смерти так ждала,
Ужасно мнительной была!

Рисунки Б. Жутовского.

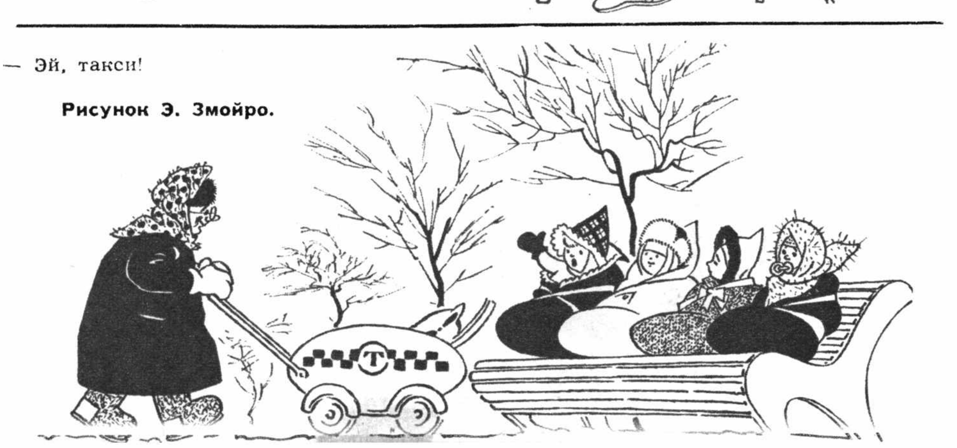

Концерт-загадка.

Рисунок Г. Андрианова.

— Эй, такси!

Рисунок Э. Змойро.

Первый начальник вокзала

Московский вокзал в Ленинграде, ранее называвшийся Николаевским, построен более ста лет назад. Любопытно, что первым начальником Николаевского вокзала был Николай Ильич Миклухо-Маклай, отец прославленного путешественника.

Выходец из семьи бедного дворянина, он окончил Корпус инженеров путей сообщения и возглавил один из самых трудных участков строительства Николаевской дороги. В семье Миклухо-Маклаев придерживались демократических взглядов. Николай Ильич, как мог, боролся за улучшение труда и жизни крепостных рабочих. Не в пример другим инженерам он жил при строительстве. Там и родился сын Николай.

В 1851 году талантливый инженер получил чин инженер-капитана и был назначен начальником станции Петербург.

Г. КУРИЛЕНКО

Ленинград.

ПОДУМАЕМ
ПОГОВОРИМ
ПОСМОТРИМ

Н. И. Миклухо-Маклай.

Трудно быть сыном

Иржи РУМИ, чешский писатель

Есть, оказывается, такая игра, я этого совсем не знал и не придумал бы. Предложил ее мой шестилетний сын. Он сказал: «Папа, ты будешь моим сыном, а я твоим отцом». Я согласился. «Итак, сынок, дай мне руку». Он так энергично приступил к делу, что мне стало смешно. «Не переходи улицу! Вот идет машина!» — воскликнул он в ужасе, хотя автомобиль был еще в ста метрах от нас. Я остановился. Я был горд тем, как хорошо я воспитал сына, как внимательно он воспринял все, о чем я ему говорил.

Когда потом в саду я вынул из кармана спички, намереваясь закурить, он быстро отнял их у меня и объяснил, что спичка — это вовсе не детская игрушка. Чтобы как-нибудь заглушить желание курить, я сорвал травинку, но не успел донести ее до рта, как мой сын воскликнул: «Брось, немедленно брось, кто знает, что тут делали, может быть, трава грязная!» Он покачал головой, и в этот миг мне показалось, что я слышу голос его матери.

«Я хочу пить»,— заявил я, увидев, что этому разговору не будет конца. «Ну, что ты хнычешь все время!» — сказал он. Я хотел возразить, но вспомнил, что мы играем, и решил не портить ему удовольствия. Для того, чтобы убедиться, будто он все воспринимает всерьез, я подразнил его: «Пойдем, папа, я хочу выпить пива». «Никакого пива! — последовал решительный ответ.— Ты получишь дома чай и оставь меня в покое, ты ведь знаешь, что кашляешь!» Теперь его устами говорила бабушка. Но мне действительно хотелось пить, и поэтому я попробовал сорвать ягодку крыжовника, хотя она была еще не совсем зрелой. Сын заметил это и напал на меня, крича: «Ты хочешь попасть в больницу?!! Ты что, хочешь умереть?!! Или ты хочешь получить парочку шлепков по...— он задохнулся, проглотил слюну и, заикаясь, сказал: — По... спине...»

Необходимо было переменить разговор, поэтому я совсем детским голоском сказал: «Папа, купи мне велосипед». «Весной»,— сказал он. «Но ведь уже весна». «Ну, значит, летом». «Но сейчас лето...» «Куплю, когда станет тепло». «Смотри, солнце греет, как тепло!» «Вот когда ты будешь отлично вести себя...» Сыну явно надоели мои просьбы. «Не хныча все время: «папа», «папа» — мне все это надоело; если ты не отстанешь, я нарву тебе уши! Вообще никакого велосипеда! А если этого тебе мало, то прибавлю».

В этот момент я заявил, что игра закончена. Это было слишком опасно, это нарушало всю воспитательную работу и даже угрожало отцовскому авторитету.

В глубине души я должен был признать, что это действительно не большое удовольствие — быть сыном.

К счастью, он этого еще не понимал.

Перевод Э. Ребельской.

РЕЦЕНЗИЯ

Ол. КОВИНЬКА

Рисунки Л. САМОЙЛОВА.

В многоплановой волнующей повести «Бывает ли любовь с первого взгляда?» автор завязал смелый сюжетный узел и смело его развязал: бывает и не бывает.

Заслуга автора заключается еще и в другом: трудно, тяжело девятьсот двадцать две страницы написать, но еще труднее, еще тяжелее в издательстве массовым тиражом выпустить. Легко сказать, вот такой монумент сложить, слепить и в издательский план пристроить.

Перед читателем автор поставил еще более сложную и еще более острую задачу — все это без валерьяновых капель прочитать до конца. Терпеливый наш читатель и с каплями оплошает — не прочтет!

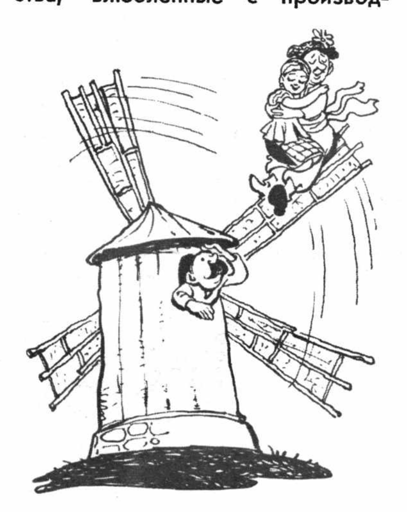
На первой читательской конференции председатель колхоза книголюб Трофим Трофимович объявил: «Кто прочитает эту толстенную повесть, тому будет начислено шестьдесят трудодней». Но отважных не нашлось. А сведущая в тонкостях художественной литературы старенькая библиотекарша вежливо предупредила: «Трудодни не помогут. За такие произведения читатель берется лишь в непогоду — в пургу, метель или в проливные дожди».

Чем же очаровала требовательного читателя эта оригинальная повесть?

Она прежде всего чарует логически ясной мыслью. С первых же строк автор динамично вводит читателя в духовный мир своих героев. Читаем: «На сельскохозяйственном производственном совещании Петро впервые взглянул на Галину, девушка ласково кинула взор на парня — готово. Влюбились».

Просто, ясно и современно. Где влюбились? На совещании. Не на танцульках, не возле традиционной сирени и сентиментальной акации, а именно на производственном совещании.

Далее по тексту: «Овеянные нежным трепетом немого чувства, влюбленные с производственного совещания на крыльях весны полетели к ветряку».

Характерная, колоритная деталь. Автор, придерживаясь в манере письма новизны, избежал штампа. Повел героев к лирическому легендарному ветряку, а не к каким-то архаичным камышам... Хотя в критическом обзоре «Ветряки и будяки» глубокоуважаемый литературовед Лысый отрицательно доказывает: «Старый ветряк своими корявыми

крыльями не способен навеять романтические нюансы молодой влюбленной паре».

Мы решительно отбрасываем происки в отношении образного языка автора. Напоминаем маловерам: у ветряков веками цементировалась настоящая любовь.

Одновременно, не мудрствуя лукаво, раскроем автору глаза на его досадные промахи и недостатки. В повести есть места типичные, характерные, а есть и не типичные, не характерные. К сожалению, последних значительно больше. Будем последовательны... Описывая чудесный вечерний пейзаж, автор поскупился и не донес до читателей красоты сельской природы. Автор пишет: «Сумерничало... На горизонте весело замигали первые небесные звезды. Во тьме кого-то догонял разъяренный бугай. Под сильными ногами хрустели лапчатые лопухи и лопались спелые кабачки...»

Кого именно догонял разъяренный бугай, автор стыдливо умолчал. Может, он догонял незадачливого председателя колхоза? Почему, мол, силосные ямы до сих пор не заполнены зеленой массой?

А председатель куда? В силосную яму!

Эх, и такую острую ситуацию автор проворонил! Упустил из-под пера увлекательную драматическую ситуацию, которая намного украсила бы несовершенную, бледноватую повесть. Подумайте: председатель колхоза сидит в силосной яме!

Анализируем далее. «Петра раздирали сомнения: любит Галина или не любит? Бедняга страдальчески топтал землю у чапыжника и без остатка погрыз гостеприимно принесенные степные цветы».

Ей-ей, душевные шатания героя ни к чему. В предшествующих четырех главах автор добросовестно доказал: любит, Галина пылает любовью к Петру. Зачем же тогда грызть ни в чем не повинные цветы? Лучше бы он грыз свои локти!

Чересчур много страниц уделил автор и поцелуям. Учтите: шестьдесят две страницы отвел! Ей-богу, автор пересолил! Скромность, говорят, украшает человека. Поцеловались на двух страницах — и довольно, хватит! А тут автор слишком расщедрился: два с половиной печатных листа обцеловал!

На шестьсот двенадцатой странице зашаталась и сюжетная линия. Выпал из канвы сюжетно-щекотливый момент: в какую пору центральные герои впервые поцеловались? До жатвы или после жатвы?

Чересчур много налеплено тут и сногсшибательных приключений.

Ну, любит, ну, увлечена. Разве это дает повод современному культурному юноше подражать старомодным холостякам: в вывернутом полушубке взбираться на грушу и до самого утра сидеть на ветке под окном любимой девушки?..

Неприятное впечатление производит и невежество автора в области овцеводства. На просторных полях своего монументального произведения автор ни единым словом не обмолвился, каким способом и образом доят овец.

Выходит, овцы не доятся. Откуда же тогда подают к столу вкусный сыр?

Подведем итог: книга толстая, переплет солидный, бумага хорошая, и это наибольший залог того, что повесть пробьет себе дорогу к книжной полке.

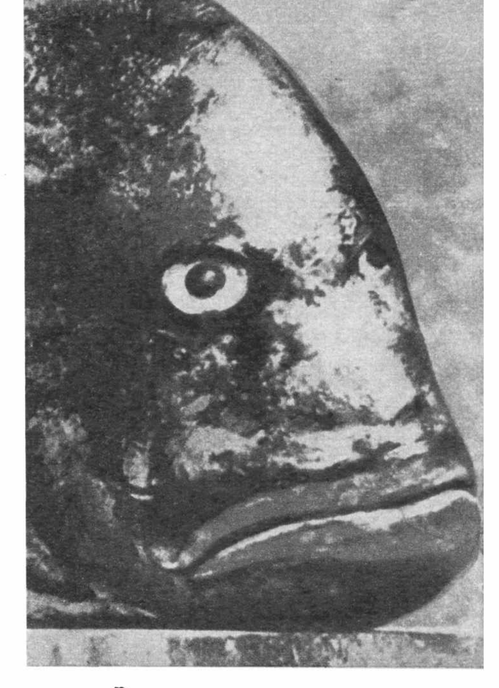
Мы пророчим книге большое долголетие. Нет никаких сомнений, что повесть займет на полке свое почетное место и будет там стоять годами.

Прочитав слово «конец», мы с облегчением вздохнули. И, откровенно говоря, в нас загорелась надежда: зайдя в книжный магазин, дотошный и пытливый читатель, возможно, обратит внимание на толстую книгу и, вполне возможно, возьмет ее в руки.

Отсюда и наша радужная радость: повесть дошла до читателя.

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

Загадочная рыба

Как уже сообщалось в печати, у берегов Мозамбика была поймана странная рыба, голова которой напоминает человеческую. Для ученых-ихтиологов эта рыба со «скорбной складкой» у рта остается загадкой, так как ее нельзя отнести ни к одному из известных видов. Мы публикуем фотографию загадочной рыбы.

Роза «Утро Москвы».

Розы-москвички

Пожалуй, не найдешь в мире цветов таких, которые сравнились бы с розою в красоте и многообразии форм. Роза может быть деревом, кустиком-лилипутом, а может вытянуться и в пятиметровые плети. Кто не знает алых и белых роз, воспетых поэтами!

Более двух тысяч сортов роз насчитывается в Главном ботаническом саду Академии наук СССР в Москве. А ведь во время войны

ПОДУМАЕМ

розы у нас почти исчезли. Теперь в розовой коллекции собраны все зарубежные и отечественные новинки. Среди них привлекают внимание две розы-москвички. Цветы одной из них с тонкими, полупрозрачными лепестками имеют цвет утренней зари. Роза так и названа — «Утро Москвы». Трехметровые вьющиеся плети другой розы, «Аэлиты», усыпаны крупными зеленовато-белыми цветами. Вывел эти сорта селекционер И. И. Штанько.

Новые сорта роз выращены в открытом грунте в Москве. Они хорошо зимуют, распускаются в июне и отцветают с первыми морозами. В прошлом году в павильоне «Цветоводство» на ВДНХ эти сорта получили высшие оценки.

Недавно список роз-москвичек пополнился еще одним красивым именем — «Ракета». Так назвали москвичи новую розу за пирамидальную, стремительную форму куста.

«Утро Москвы», «Аэлита» и «Ракета» должны выйти в парки и сады средней полосы страны. Роза может быть в наших городах не гостьей, а хозяйкой.

Г. БАРАНОВА

Головоломки

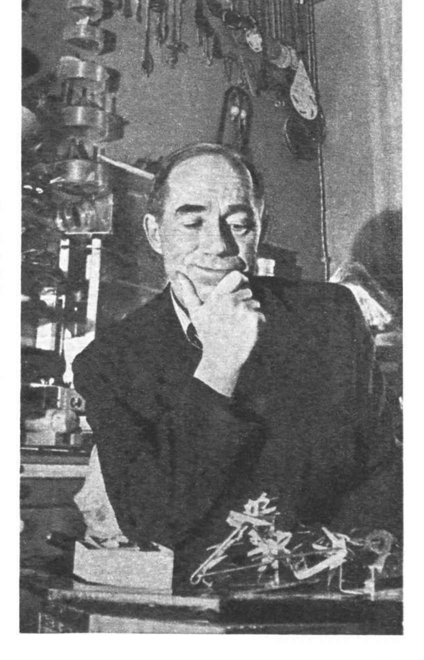
Коллекция головоломок существует всего два года. Но если бы вы решили с ней познакомиться поглубже, то вряд ли уложились бы в этот срок: коллекция состоит из восьмисот головоломок, загадок и занимательных задач, и над каждой из них можно подолгу ломать голову.

Собрал коллекцию старый актер Аркадий Иванович Арбатов.

«Когда подошло время идти на пенсию,— рассказывает Аркадий Иванович,— думал, пропаду со скуки, а начал собирать головоломки, так теперь времени не хватает: целый день приходится пилить, точить, строгать. Многие головоломки очень сложны по устройству, а мне нужно иметь несколько экземпляров — для «аудитории». Они пользуются большим успехом на молодежных вечерах и доставляют людям много удовольствия. Сейчас привожу свою коллекцию в походное состояние: собираюсь ехать на целину и на стройки Сибири».

Некоторые головоломки из этой коллекции мы предлагаем решить нашим читателям.

К. ЮРЬЕВ

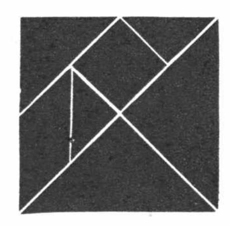

А. И. Арбатов решает новую головоломку.

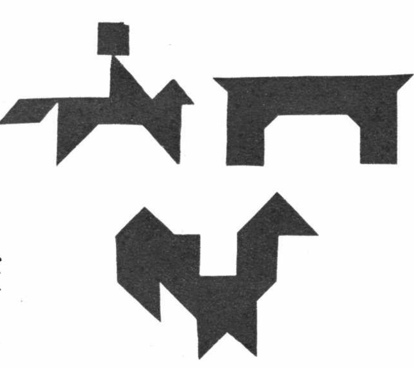
Перед вами телефон. Наберите из букв, которые имеются на диске, пятьдесят слов. Это должны быть имена существительные в единственном числе. Имена собственные, уменьшительные и слова с буквой ё не входят в эти пятьдесят слов.

КИТАЙСКИЕ ГОЛОВОЛОМКИ

Разрежьте квадрат, как указано на чертеже, и сложите разные фигуры.

Уставший медвежонок

Этот снимок подарил мне гидрограф Николай Бубнов. Сделан он с борта ледокола в Чукотском море, в районе острова Врангеля. Когда с корабля заметили медведицу с медвежонком, решили поймать их с помощью сети. Но медведица стала быстро уплывать. Хотя медвежонок еле поспевал за ней, он часто останавливался и смотрел на корабль. Медведица возвращалась и била его лапой. Потом медвежонок уцепился за хвост матери и поплыл на «буксире». Наконец он выбился из сил и забрался на мамашу, продолжая оглядываться.

Е. КАВКО

Владивосток.

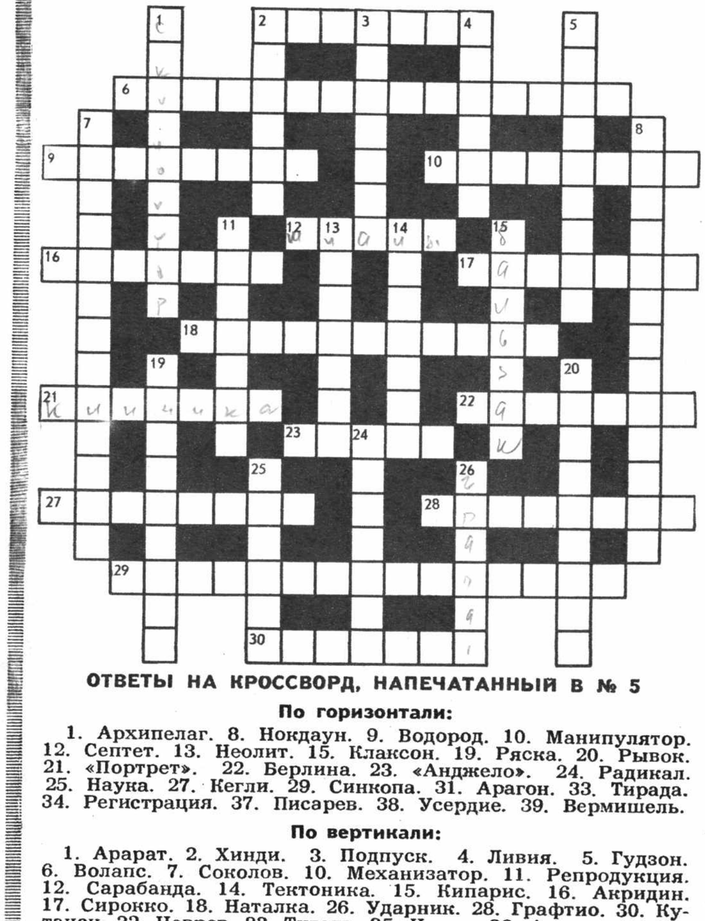
КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Новое государство в Африке. 6. Часть речи. 9. Металл, применяющийся в производстве некоторых сортов стали. 10. Отвага, решимость. 12. Опора для рельсов. 16. Приток Камы. 17. Советский физик. 18. Название сосновых лесов. 21. Лечебное учреждение. 22. Историческая область в Испании. 23. Город в Верхнем Египте, близ которого будет построена плотина. 27. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 28. Автор портрета А. С. Пушкина. 29. Чувство благодарности. 30. Распространенный минерал.

По вертикали:

1. Ваятель. 2. Прием акробатов-эксцентриков. 3. Русская пианистка и педагог. 4. Рыба бассейна Северного Ледовитого океана. 5. Песня на слова Н. А. Некрасова. 7. Вдохновение, душевный подъем. 8. Литературное произведение. 11. Стручковый красный перец. 13. Строительная планка. 14. Один из промышленных центров Югославии. 15. Создатель «Человеческой комедии». 19. Отрасль народного хозяйства. 20. Спортивная игра, напоминающая теннис. 24. Работник школы. 25. Водный источник. 26. Плод южного растения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

1. Архипелаг. 8. Нокдаун. 9. Водород. 10. Манипулятор. 12. Септет. 13. Неолит. 15. Клаксон. 19. Ряска. 20. Рывок. 21. «Портрет». 22. Берлина. 23. «Анджело». 24. Радикал. 25. Наука. 27. Кегли. 29. Синкопа. 31. Арагон. 33. Тирада. 34. Регистрация. 37. Писарев. 38. Усердие. 39. Вермишель.

По вертикали:

1. Арарат. 2. Хинди. 3. Подпуск. 4. Ливия. 5. Гудзон. 6. Воланс. 7. Соколов. 10. Механизатор. 11. Репродукция. 12. Сарабанда. 14. Тектоника. 15. Кипарис. 16. Акридин. 17. Сирокко. 18. Наталка. 26. Ударник. 28. Графтио. 30. Кутаиси. 32. Неврев. 33. Тигель. 35. Инвар. 36. Апуре.

ПОГОВОРИМ ПОСМОТРИМ

Солнце в тумане

Туман — враг летчиков, он снижает безопасность полетов, нарушает регулярную работу авиалиний.

Переохлажденные туманы состоят из микроскопических капель воды, которые не замерзают даже при низких температурах. Сотрудниками научно-исследовательского института ГВФ под руководством А. В. Тарасова создана специальная установка для рассеивания туманов с самолета.

...Стальная птица готова подняться в воздух. Это грузовая машина, оборудованная как летающая лаборатория. Снаружи на левой плоскости укреплен метеорограф, записывающий температуру воздуха, атмосферное давление, влажность. На самолете установлены также особо чувствительный термометр, прибор водности, показывающий количество воды в кубометре тумана, микроскоп...

Отрываемся от взлетной дорожки, и земля мгновенно исчезает из глаз. Ощущение такое, словно самолет завернули в серую вату. Командир корабля В. И. Шутов пилотирует вслепую, по приборам. Бортрадист В. Логинов держит связь с аэродромом.

Вдруг в окна кабины ударяют ослепительные солнечные лучи. Над нами ясное синее небо, а внизу безбрежная белая пелена, по волнистой поверхности которой скользит темная тень нашего самолета. По команде штурмана-испытателя А. А. Шмелькова мы уходим в сторону от аэродрома. Ведь туман движется, процесс рассеивания его длится минут 30—40, и надо рассчитать так, чтобы сделанный в тумане просвет дольше продержался над аэродромом.

Инженер-механик К. И. Коненков готовит установку к действию и объясняет мне ее устройство. К ней присоединены баллоны с жидкой углекислотой; когда установка работает, кислота превращается в кристаллы.

В прямоугольнике площадью в 100 квадратных километров наш самолет вычерчивает змейку, похожую на латинскую букву «S».

Нажата кнопка управления, «буран» начинает работать.

— Сейчас,— говорит инженер-аэролог, — за хвостом машины разбрасываются кусочки углекислоты с температурой минус 80 градусов. Они-то и воздействуют на туман, превращают капельки воды в снег.

Процесс происходит бурно и захватывает зону по полтора километра шириной в каждую сторону от линии полета. Закончив «обработку» тумана, поднимаемся выше. На белой клубящейся поверхности ясно видны три параллельные дорожки — след, оставленный установкой. И вдруг происходит что-то непонятное. Кажется, что внизу, под туманом, загорается второе солнце.

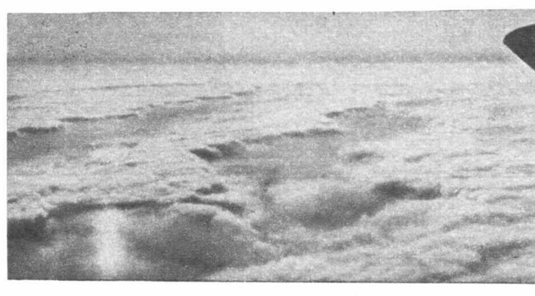
— Мы называем это «нижним солнцем»,— объясняет мне испытатель,— капельки воды в тумане превратились в снежные кристаллы, в них-то и отражаются солнечные лучи.

Темп рассеивания возрастает. И туман, словно по волшебству, начинает исчезать. Темные дорожки расширяются. Белые клубы проваливаются, тают. И вот уже сквозь сетку снегопада видна земля.

Потом снегопад прекращается, и взору открывается изумительная картина. В пелене тумана словно прорезали гигантское окно: отлично виден аэродром, рассеченный серым бетоном взлетной дорожки, самолеты на стоянках, аэровокзал.

Шутов снижается и производит посадку при ясной погоде. Но солнце и синее небо только над аэродромом — там, где самоотверженным трудом наших авиаторов и ученых рассеян, побежден туман.

А. ГОЛИКОВ

Туман начинает рассеиваться под воздействием углекислоты, выпущенной с самолета. Под туманом — «нижнее солнце».

Фото С. Мамонтова.

Русская тройка в Огайо

Рабочие из Днепропетровска просят рассказать о тройке, которая была подарена Советским правительством американскому промышленнику и видному общественному деятелю Сайрусу Итону.

Тройку белых рысаков часто можно видеть на дорогах штата Огайо. Недалеко от Кливленда, на ферме С. Итона Акадия Норд Филд, содержатся орловские рысаки: Натурщик — коренной, Отклик и Конус — пристяжные. Итоновская тройка демонстрировалась на сельскохозяйственных выставках в США и Канаде, выступала на Лаурельском ипподроме. Покататься на ней — желание многих американцев. Тройку показывали по телевидению, много писали о ней в американских журналах и газетах.

По приглашению Сайруса Итона осенью прошлого года наездник В. Фомин еще раз побывал в Акадии: он обучал своих коллег, американца Тэда Макки и австралийца Джона Маккейна, управлению тройкой.

По просьбе редакции фотокорреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс посетил ферму С. Итона и заснял Тэда Макки и В. Фомина у тройки.

«ВРАТАРЬ».

Фото Р. Диамента.
С Всесоюзной выставки фотоискусства.

СЕМЬ ПШЕНИЧНЫХ ЗЕРЕН

Ирландская сказка

Некогда, а было это давненько, лорд-тиран заставлял работать на себя за гроши. И в один прекрасный день пришел к нему молодой горец, простоватый такой на вид, с цепом на плече, и попросил работы. Лорд подумал, что вот еще один удобный случай обвести вокруг пальца простака, и сказал:

— Работников у меня и так хватает. Ну да ладно, если много не запросишь, поработай!

Парень ответил:

— Я наймусь к вам на семь лет. Буду молотить. И за это попрошу столько пшеничных зерен, сколько словлю в рот из-под цепа, да еще земли, чтобы посадить эти зерна и те, что родятся от них за все время нашего уговора. Ну, как, много это будет по-вашему?

Лорд хорошо знал привычку добрых пахарей ловить ртом зерна, которые вылетают из-под цепа, и жевать их, пока идет молотьба, и ухватился за счастливый случай нанять на целых семь лет простака, видно, с крепкими руками, да с некрепким умом.

— По рукам,— сказал лорд.

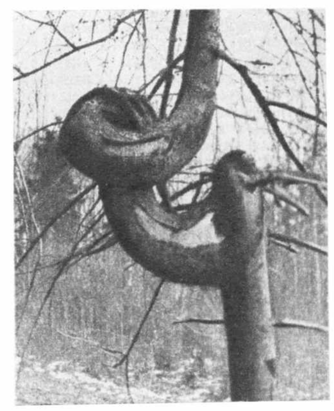
Что ж, за первый год молотьбы парень словил ровно семь пшеничных зерен. На другой год — только шесть. На следующий — пять. Потом — четыре. Потом — три. Потом — два. А в последний год — всего одно зернышко.

Но каждое пшеничное зерно дало ему триста зерен, а потом и триста раз по триста, так что очень скоро все десять тысяч акров земли ленд-лорда оказались под пшеницей парня. И лендлорд угодил в дом призрения, а парню он задолжал земли больше, чем вся Ирландия, Англия, Шотландия, Испания и Франция, вместе взятые.

Перевод **Н. ШЕРЕШЕВСКОЙ.**

ПОДУМАЕМ
ПОГОВОРИМ
ПОСМОТРИМ

Вот это закрутило...

Фото А. Гилева.

Ярославль.

Как вы назовете своего ребенка?

Опубликованное под этим названием в прошлогоднем № 33 «Огонька» письмо читателя Л. Писаренко вызвало оживленный обмен мнениями.

«Журнал «Огонек» поднял важный вопрос о том, как назвать ребенка,— пишет врач-педиатр В. В. Ильин из Энгельса.— Мне ежедневно приходится слышать много детских имен. И невольно удивляешься, что эти имена почти одни и те же. Если это девочка, то ее обязательно зовут **Таней** или **Наташей**, а если мальчик, то он — **Саша** или **Сережа.** Есть ведь и другие красивые русские имена».

Поддерживая предложение о составлении сборника современных русских имен, А. Емельянов из города Кимры призывает: «Пора побудить наших филологов и писателей прийти на помощь родителям». Такое же мнение у других читателей. Москвич Н. Т. Матвеев пишет: «Прививать хороший вкус людям надо с имени, потому что в имени каждого человека видна его кровная связь со своим народом, с культурой и историей родной страны».

Ленинградец И. Л. Пахоменко рассказывает, как его знакомый вместе с женой «задолго до рождения ребенка буквально терзались при мысли о том, какое выбрать имя. Они перебрали все новые имена, в которых нашли свое отражение техника, история, география, искусство, наука — **Авиахим, Радиста, Авиация, Индустрия, Гоэлро, Севморпутина, Волгодон, Балтика, Импровизация** и другие,— но так ни на чем и не остановились».

«Дать правильный совет при выборе хорошего имени должны прежде всего работники загсов,— справедливо замечает Г. М. Мартиросова из города Кировакана.— Они доверенные лица, им поручило государство ответственное дело — пожизненно закреплять имена людей».

«Прекрасную инициативу проявила редакция журнала «Женщины Узбекистана»,— сообщает читатель С. Караев из Ташкента.— Журнал опубликовал в прошлом году двести двадцать пять новых имен. Среди них встречаются такие красивые имена, как **Гули—цветок, Бахор—весна, Лола — тюльпан, Гавхар — жемчужина, Уткир — смелость, Хурсанд — радость.** Некоторые узбекские имена, как **Тимур, Лола,** стали уже и русскими именами. Такое родство очень приятно».

«Что значит благозвучные имена? — спрашивает москвич А. Г. Глотов.— Нам известны, например, имена: **Кузьма, Ерофей, Ермак, Степан, Емельян.** Но как они прекрасно звучат, когда мы слышим о патриотизме Минина, об исследованиях Хабарова, о храбрости Ермака, о предводителях крестьянских восстаний Разине, Пугачеве! Дело не в имени, а в человеке, в его добрых делах, направленных на пользу общества».

Учитель львовской школы М. К. Кононов описывает такой случай:

«Пришлось учителю средней школы выбирать имя для своего сына. Он обратился за советом к коллеге — учителю истории. Тот сразу заявил:

— Хорошее имя? **Иван!**

— Ну, что вы!— возразил искатель благозвучного имени.— Это — обыкновенное деревенское имя.

— Что?! — прервал его товарищ.— Да вы помните, что изобретателем паровой машины был **Иван** Ползунов, гениальным механиком считался **Иван** Кулибин, чудесного русского баснописца звали **Иван** Крылов, то же имя носили Сеченов, Павлов, Тургенев, Мичурин. А наши современники, такие, как трижды Герой Советского Союза **Иван** Кожедуб и подобные ему!

И учитель истории достал второй том «Толкового словаря» Даля:

— Читайте: **«Иван** — самое обиходное у нас имя... От Дуная, Кубани, Урала и до Амура означает русского».

— О таком я и мечтал... Спасибо, век не забуду.

И счастливый папаша помчался в загс, чтобы прибавить обществу еще одного Ивана...»

«Не думают родители,— пишет читательница А. Е. Лагуновская,— нарекая своих детей иностранными именами, что получится при сочетании этих имен с русскими фамилиями. Вот тогда уже не поймешь, имя это или кличка. Например: **Гамлет** Ногай, **Диана** Кривоногова, **Изида** Курносая, **Венера** Солдатова, **Виолетта** Шпенева, **Аргентина** Федорова, **Идея** Лев, **Идеал** Эшбуляков, **Мери** Портнова, **Сильва** Животинская, **Роберт** Овечкин, **Джиоконда** Чулимова, **Эсмеральда** Милинчук-Волынская и другие. А разве нужно такое «шикарное» имя — **Белая Ночь?»**

Горьковчанка С. А. Климкина высказывает иное мнение об иностранных именах: «Чем не имя — **Жанна,** напоминающее нам о французской свободолюбивой героине Жанне д'Арк? Разве не дороги нам имена **Карла** Либкнехта и **Розы** Люксембург? А можно ли забыть имя **Эрнста** Тельмана? Пусть грядущие поколения носят прекрасные имена, в которых найдут отражение высокие подвиги и самоотверженность, красота и радости всемирной жизни».

«Некоторые родители легкомысленно присваивают детям новые имена,— пишет врач Н. А. Петровский из Усть-Каменогорска.— Хорошее слово — «революция», но **Революция** Кузьмина звучит едва ли благозвучно. Рассказывают о таком случае, когда учитель математики «изобрел» для своих детей имена **Медиана, Радиана** и **Гипотенуза,** а сыну дал имя **Полюс.** Один папаша, живущий в Амурской области, наименовал своего первого сына **Амуром,** а дочь — **Зеей.** Когда же он захотел, чтобы второго его сына звали Гилюем (по названию притока Зеи), то запротестовал подросший сын Амур. В одной семье мальчика назвали **Дизелем,** а девочку — **Дрезиной.** В Перми после постановки оперы «Аида» появилось чуть ли не целое поколение **Аид.** У нас еще встречается особый вид имен, которые, пожалуй, можно назвать «родительскими»: у родителей Алексея и Анны — сын **Алан** (имя составлено из букв родительских имен); у Александры и Никанора — сын **Алеанор;** у бабушки Веры и мамы Наталии — крошка **Верната.** Подобных примеров много. Они показывают, как не следует называть своих детей, пренебрегая многими прекрасными именами».

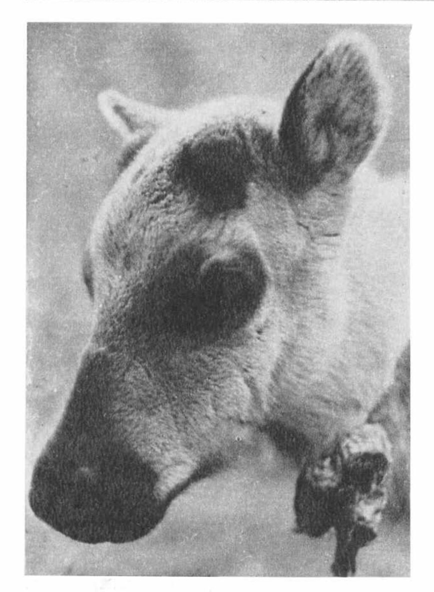
Таежные встречи

Б. ЖУТОВСКИЙ, Ю. КРИВОНОСОВ

Тропа вьется по забрызганному солнцем лесу, мимо скал, мимо вековых гигантов-кедров, по берегу вспененной, злой реки. Тайга Восточных Саян... Сотни километров, пройденные по этому сказочному краю, оставили в нашей памяти множество коротких интересных встреч. Вы видите здесь странички из фотодневника.

Птенец выскочил на тропу из-под узловатых корней пихты и покатился прямо под ноги. «Ты почему один? Где мама?» — «Пи-пи-пи...» — «Эх ты, нескладный! Скажи спасибо, что рядом нет куницы и гнездо твое невдалеке отыскалось».

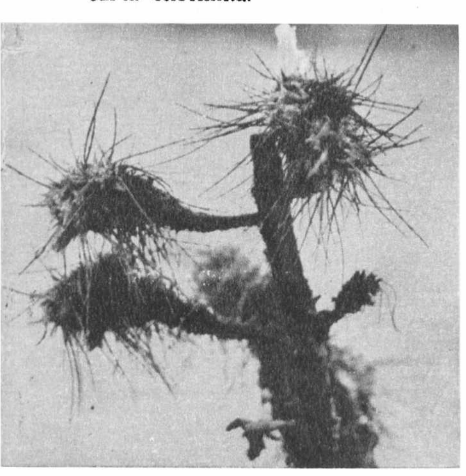

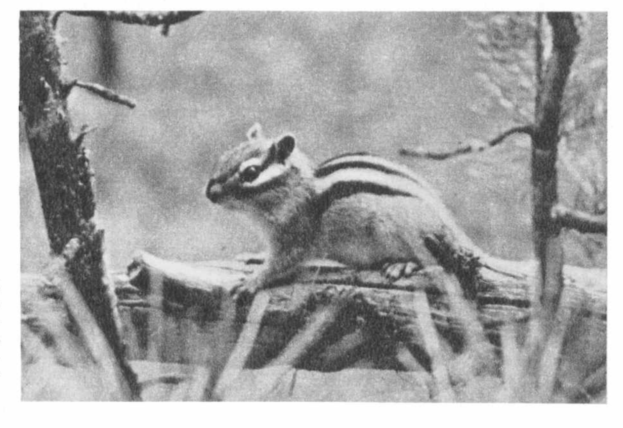
Маленький олененок-пыжик живет высоко в горах, у самого ледника. Через год на голове его появится первый отросток рогов и на окрепшую спину ляжет первый груз изыскателей-геологов или добыча охотника.

На старых кедрах висят бледно-зеленые бороды лишайника «пряжа лешего». Темно и сумрачно в таежных зарослях. И все-таки внизу неожиданно проглядывают только что раскрывшиеся цветы.

Так рассыпаются под лучами солнца на блестящие звонкие кристаллы большие ледники.

Репортер таежной хроники — бурундук — самый любопытный зверек. Он не уйдет, пока не узнает, кто вы, откуда, зачем и что кушаете. И вкусно ли это?

Белая акация приспособилась к суровому климату.

НАМ НРАВИТСЯ ТАКАЯ ВИТРИНА

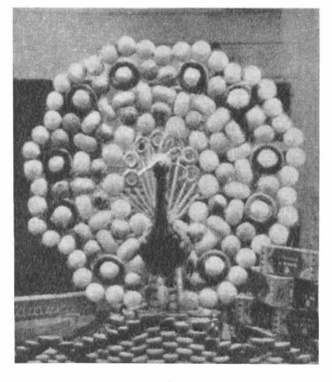

В Москве, на улице Герцена, приютилась маленькая, на вид незаметная булочная № 426. Вместо пустых глазниц окон с витрины этого магазина на прохожих смотрит широко улыбающийся пекарь в белоснежном колпаке, фартуке и в батонах-ботинках. Рядом розовощекий дед-мороз с носом-пряником охраняет сказочную избушку на сухарных ножках. Забавный павлин с роскошным хвостом искусно сделан из баранок и разноцветных пряников.

Кто придумал и выполнил эти интересные хлебобулочные «картины»?

Здесь не было художников-оформителей, все сделали сами работники булочной.

— Особый вкус и выдумка оказались у продавцов Р. Глебовой, Г. Гороховой, С. Сахаровой и кассира Н. Удальцовой,— рассказывает заведующая булочной А. И. Барковская, инициатор этого хорошего начинания.— Наша «картинная галерея» обновляется. Весной

на витринах был весенний «пейзаж» — скворцы и скворечники, осенью — «ваза изобилия», к Новому году мы сделали традиционную елку с дедом-морозом.

А как относятся к этому покупатели? Мы заглянули в книгу жалоб и предложений, которая в этом магазине не прячется под семью замками, а висит на виду у всех, возле кассы. В книге лишь одни благодарности в адрес работников булочной за прекрасное оформление витрин и за культурное обслуживание.

Девушки в этой булочной работают весело. Приятно смотреть на их ласковые улыбки.

Л. МУРАШОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00822. Подписано к печати 3/II 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 166. Заказ № 192.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 3 руб.